

Ленинградский Союз ученых - Группа по правам меньшинств
Minority Rights Group - Leningrad Association of Scientists

*****

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРАВАМ
МЕНЬШИНСТВ

(2-4 июня 1991 года, Ленинград)

Доклады и сообщения

(Русские тексты)

Ленинград 1991

Ленинградский Союз ученых - *Leningrad Association of Scientists*
Minority Rights Group - Группа по правам меньшинств

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРАВАМ МЕНЬШИНСТВ

LENINGRAD MINORITY RIGHTS CONFERENCE

2-4 июня 1991 г.

Доклады и сообщения
(Русские тексты)

Ответственные редакторы:
Наталья Юзнева, Хелен Краг

Ленинград 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

В марте 1990 года в Копенгагене состоялась конференция по правам меньшинств ("Политика и практика в юго-восточной Европе"), которая была организована профессором Эриком Сисби из Датского Хельсинкского Комитета, при участии ГПМ. Резолюции этой конференции, имевшей несомненный успех, оказали определенное воздействие на решения Конференции по человеческому измерению в рамках Совещания по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (СБСЕ, "Хельсинкский процесс"), которая прошла в Копенгагене в июне 1990 г.

За прошедшее с тех пор время вопрос о меньшинствах стал одной из самых жгучих проблем в области "человеческого измерения" в Европе, и в не меньшей степени в Советском Союзе. Поэтому ГПМ и приняла решение начать готовить вторую конференцию по правам меньшинств, которая должна предшествовать Московскому Совещанию в рамках Хельсинкского процесса, назначенному на осень 1991 года.

Учитывая остроту проблемы меньшинств в Советском Союзе, а также то, что следующую конференцию СБСЕ предполагается провести в Москве, мы взялись за сложную задачу организации конференции в Советском Союзе, и выбрали местом ее проведения Ленинград. Об этом было заключено соглашение между ГПМ-Дания и неправительственной организацией - Ленинградским Союзом ученых.

Цели Конференции

Основной целью конференции является способствовать происходящему Хельсинкскому процессу (СБСЕ), предоставив участникам правительственных совещаний, на которых обсуждаются политические аспекты прав меньшинств, серьезные научные рекомендации на основе изучения и анализа данной проблемы с привлечением высококвал-

лифицированных специалистов. Результаты конференции будут доведены до сведения участников Встречи экспертов по правам меньшинств (Женева, 1-19 июля 1991 г.) и конференции СБСЕ по человеческому измерению (Москва, 10 сентября - 4 октября 1991 г.).

В качестве такого вклада в Хельсинкский процесс мы предполагаем обратиться, с научной точки зрения, к тем вопросам прав меньшинств, которые еще не получили удовлетворительного разрешения, а именно к анализу отношений между индивидуальными правами человека и коллективными правами этнического меньшинства и вопросу о правах дисперсных меньшинств (то есть меньшинств, не имеющих своей территории) и мигрантов. Еще одной задачей Ленинградской конференции является проверка выводов Конференции СБСЕ в Копенгагене на современной ситуации по меньшинствам и другим обсуждаемым вопросам.

Ленинград был выбран местом проведения конференции по ряду причин. Будучи полиэтничским городом, Ленинград представляет собой модель, отражающую многонациональность и потенциальную национальную конфликтность Советского общества; в Ленинграде научное изучение национальных отношений находится на высоком уровне; Ленинград, подобно Копенгагену и Хельсинки, является Балтийским городом с явной европейской ориентацией и естественным образом связан с демократическим и гуманитарным измерениями, развитию которых мы хотим способствовать. В городе в последнее время стремительно растет, при поддержке демократического Ленсовета, число демократических неправительственных организаций - тенденция, заслуживающая всяческой поддержки. ГПМ и ЛСУ, обе - неправительственные организации, уверены, что конференция поможет усилению связей неправительственных организаций в Европе и Северной Америке.

Советская часть Оргкомитета получила финансовую поддержку от Ленинградского отделения Фонда "Культурная инициатива" (Фонд Сороса) и от ЛСУ. Датская часть Оргкомитета получила финансовую поддержку от Датского Фонда Мира, Комиссии по Безопасности и Разоружению, Фонда за Демократию, Датского исследовательского совета по гуманитарным наукам и различных международных донаторов через ГПМ.

Конференция проводится при поддержке Международной Хельсинкской Федерации, Датского Общества международной политики, Ленсовета, Советской Социологической Ассоциации (Северо-Западное от-

деление), Отделения по изучению меньшинств Копенгагенского Университета, ЛЧ Института этнологии и антропологии АН СССР и ЛО Института языкознания АН СССР.

Основное внимание на Конференции будет обращено не на чтение докладов и публикацию тезисов, а на свободную дискуссию, обмен идеями на секциях. Дискуссии будут опираться на пленарные доклады и доклады руководителей секций, опубликованные и распространенные заблаговременно. На самой конференции авторы пленарных докладов и руководителей секций ограничатся лишь кратким изложением этих публикаций.

Оргкомитет просит выступающих не углубляться в дискуссии относительно терминов "этнические меньшинства", "национальные меньшинства": предполагается, что участники конференции признают и уважают существующие различные определения этих понятий. Оргкомитет подчеркивает, что конференция задумана как научная, и не будет выступать арбитром в тех или иных конкретных межэтнических разногласиях и конфликтах: какие-либо упоминания конкретных этнических конфликтов используются лишь как примеры для иллюстрации тех или иных теоретических положений дискуссии и их политических следствий.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

Суббота, 1 июня:

Возможный день заезда и регистрации (желающие приехать в Ленинград в субботу, 1 июня, (в том случае, если они планируют поселиться в гостинице) должны сообщить о своем желании в Оргкомитет до 15 мая 1991 г.).

Воскресенье, 2 июня:

Заезд участников, размещение, регистрация

13:00 - 16:00

Экскурсия по городу (для желающих)

15:00 - 18:00

Регистрация участников

18:00

Официальное открытие конференции

* Открытие конференции: Лев Яковлевич Боркин, сопредседатель Ленинградского Союза ученых

* Приветствие участникам конференции: Анатолий Александрович Собчак, Председатель Ленинградского совета народных депутатов

* Вступительное слово: профессор Хелен Краг, руководитель датской группы по правам меньшинств, заведующая кафедрой изучения меньшинств Копенгагенского Университета

Понедельник, 3 июня:

9:30 - 13:00

Первое пленарное заседание.

Председатели: Алан Филлипс, директор ГПМ-Лондон, и Николай Михайлович Гиренко, директор ЛЧ Института этнологии и антропологии АН СССР, член Постоянной комиссии Ленсовета по правам человека.

Доклады (30 минут, включая перевод)

* "Типы и направления развития межэтнических конфликтов в СССР" (Эмиль Абрамович Паин, Москва)

* "Ленинград: национальные меньшинства и межнациональные отношения" (Наталья Васильевна Южнева, ЛЧ Института этнологии и антропологии АН СССР, Ленинград)

* "Многонациональный Копенгаген: иммигранты и беженцы" (Оле Стиг Андерсен, ГПМ-Дания)

Перерыв (30 минут)

* "Равенство и отсутствие дискриминации: права меньшинств" (Горе Линдхольм, Норвежский Институт прав человека, Осло)

* "Международные инструменты и средства обеспечения прав меньшинств" (Гудмундар Алфредссон, Центр по правам человека ООН, Женева)

* Отчет о "Конференции по языковым правам меньшинств" в Рованиemi (Финляндия)

Вопросы и выступления из зала

13:00 - 15:00
Перерыв на обед

15:00 - 18:00
Работа секций

Секция 1. "Возникновение этнических конфликтов и возможности для их разрешения". (Что заставляет мирные этнические отношения перерасти в этнические конфликты? Как можно избежать конфликтов или разрешить их?)

Председатели секции: Хелен Краг и Эмиль Абрамович Паинн.

Секция 2. "Индивидуальные права человека и групповые права меньшинства". (Достаточно ли международных соглашений по правам человека для защиты меньшинств, или необходимы специальные групповые права? Если да, то какие?)

Председатели секции: Эрнест Аметистов, Институт права АН СССР, и Дженни Хэтфилд-Лайон, Факультет права, Королевский Университет Кингстона, Канада

Секция 3. "Изменение статуса и самосознания этнических групп в условиях кризиса империй". (Как влияет на положение и самосознание этнических групп изменение их статуса от большинства к меньшинству и наоборот?)

Председатели секции: Ширин Акинер, Институт востоковедения Лондонского Университета и Гасан Ченгизович Гусейнов, Институт мировой литературы АН СССР, Москва

Секция 4. "Дисперсные меньшинства и их права". (Нуждаются ли дисперсные меньшинства в специальных правах или юридической защите, и как это должно быть обеспечено? Каковы основные проблемы, порождаемые современными массовыми миграциями? Какими правами должны обладать мигранты, чтобы были сведены к минимуму неравенство, ограничение их возможностей и конфликты?)

Председатели секции: Мухаммад Анвар, директор Центра по изучению этнических отношений, Университет г. Ворики, Англия и Наталья Васильевна Юхнева.

Вторник, 4 июня:

9:30 - 11:30
Продолжение работы секций.

11:30 - 12:00
Перерыв

12:00 - 13:00
Второе пленарное заседание
"Пути обеспечения прав меньшинств"

Председатели: Оле Стий Андерсен и Александр Леонович Грюнберг, ИО Института языкознания АН СССР, Ленинград

Доклады (30 минут, включая перевод)

* "Дания: маленькая страна - маленькая империя (Дания и Германия, Дания и Гренландия)" (Клаус Карстен Педерсен, Директор Датского общества внешней политики)

* "Пути обеспечения прав меньшинств" (Франсуаза Фонвал, Вице-президент ГПМ-Франция)

13:00 - 14:00
Перерыв

14:30 - 17:00
Третье пленарное заседание.

Председатели: Джеральд Нэглер, Генеральный секретарь Международной Хельсинкской Федерации и Лев Яковлевич Боркин

- * Отчеты председателей секций
- * Выработка рекомендаций для Женевской и Московской конференций
- * Заключительное слово (Алан Филлипс)
- * Закрытие конференции

СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА

- Оле Стий Андерсен*
заместитель председателя Группы по правам меньшинств в Копенгагене
- Лев Яковлевич Боркин*
сопредседатель Ленинградского Союза Ученых .
- Олег Борисович Божков*
сотрудник Социологического Института АН СССР, Ленинград
- Николай Борисович Вахтин*
сотрудник Института языкознания АН СССР, Ленинград
- Николай Михайлович Гиренко*
Директор ЛЧ Института этнологии и антропологии АН СССР, член постоянной комиссии Ленсовета по правам человека
- Александр Леонович Грюнберг*
сотрудник Института языкознания АН СССР, Ленинград
- Марина Эдуардовна Коган*
сотрудник ЛЧ Института этнологии и антропологии АН СССР
- Владимир Адольфович Кокко*
секретарь Ленинградского Общества ингерманландских финнов
- Хелен Лизл Краг*
заведующая кафедрой изучения меньшинств Копенгагенского университета, член экспертного совета Группы по правам меньшинств в Лондоне
- Глеб Сергеевич Лебедев*
председатель Комиссии Ленсовета по культуре
- Карстен Пале*
заместитель директора Датской международной программы обучения при Копенгагенском университете
- Александр Юрьевич Сунгуров*
председатель Комиссии Ленсовета по науке и высшей школе
- Валентина Георгиевна Узунова*
сотрудник ЛЧ Института этнологии и антропологии АН СССР
- Алан Филлипс*
директор группы по правам меньшинств, Лондон
- Шарлотта Флиндт-Педерсен*
Факультет славянских и восточно-европейских исследований, Копенгагенский Университет
- Кирстен Баркер Хансен*
Факультет славянских и восточно-европейских исследований, Копенгагенский Университет
- Кирстен Хвенегаард-Лассен*
сотрудница кафедры по изучению меньшинств Копенгагенского Университета
- Наталья Васильевна Охнева*
сотрудник ЛЧ Института этнологии и антропологии АН СССР

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

**ПРАВА МЕНЬШИНСТВ:
РАВЕНСТВО И НЕДИСКРИМИНАЦИЯ**

*Гудмундар Альфредсон
Женева*

Введение

Пресловутое "национальное государство" в современном мире является иллюзией. Сама концепция государства, состоящего из одной нации, далека от многообразия реальности, когда мы имеем тысячи различных национальностей и национальных меньшинств. В обществе национальных государств группы, не имеющие собственной государственности, уязвимы, их интересы неизбежно ущемляются, они выступают против ассимиляции и пытаются противостоять ей путем создания собственной нации. Именно эти группы часто являются причиной внутри- и межгосударственных столкновений. Европейская история, как и история любого другого континента, со всей очевидностью говорит об опасности конфликта.

Подобные группы охватывают сотни миллионов людей и имеют разнообразное этническое происхождение, обычаи, культуры, языки. Университет Объединенных Наций в рамках программы по изучению социального и экономического развития этнических меньшинств выпустил в 1988 году первое издание "Всемирного справочника по этническим меньшинствам и кореным народам" [1]. Группа по правам национальных меньшинств, находящаяся в Лондоне, опубликовала серию из более 80 отчетов о сотнях национальных меньшинств во всех уголках мира и выпустила новый "Всемирный справочник по меньшинствам" [2].

В быту очень часто значение словосочетания "национальные меньшинства" ассоциируется с сообщениями о реальных или потенциальных внутренних конфликтах и обострении отношений между государствами. В Европе проблемы басков в Испании и Франции, корсиканцев, немцев в Чехословакии и Польше, греков в Албании, венгров в Румынии и турок в Болгарии и на Кипре являются конкретным свиде-

тельством взрывоопасности нерешенных проблем меньшинств. Многонациональные государства, такие как Советский Союз, Соединенное Королевство и Югославия, сталкиваются с еще более трудными ситуациями.

Законный вопрос: возможно ли с помощью регионального и международного законодательства путем принятия норм по правам человека и контроля за их соблюдением помочь смягчить эти конфликты и одновременно улучшить уровень жизни этих групп и сохранить их значение для всего человечества. Параллельный вопрос касается самого содержания принимаемых норм. Достаточно ли установить законы о недискриминации личности, или их необходимо дополнить специальными статьями об особом отношении к членам национальных меньшинств и самим этим меньшинствам?

Более ранние попытки межправительственного регулирования, в основном договоры и соглашения о мире или статьи в подобных документах, никогда не были универсальными. Они касались определенных национальных меньшинств и в большинстве случаев давали лишь временное облегчение, даже когда они заключались в Лиге Наций или контролировались ею. Несмотря на это, суть этих соглашений и соответствующих механизмов их выполнения были в некотором отношении более передовыми, чем наша современная система.

В период после Второй мировой войны правительства, а также межправительственные организации запретили дискриминацию, но постоянно отказывались при определении политики и установлении стандартов от любых попыток дать специальные права и особый статус национальным меньшинствам. Существуют многочисленные, хотя и неконкретные ссылки на такие права в международных документах по правам человека, но они неполны и непоследовательны.

Причины подобного пренебрежения легко указать. Недостаток в законах, проводящих эти права в жизнь, объясняется открытой оппозицией правительств или проводимой ими тактикой откладывания принятия решений. В основном правительства озабочены тем, что, по их мнению, признание и защита национальных меньшинств может увеличить нестабильность в обществе и привести к нежелательным последствиям. Часто считается, что дополнительные права, и особенно специальные соглашения, закрепляющие за определенной группой политические, экономические и даже культурные функции, в конечном счете приведут к требованиям самостоятельности и собст-

венной государственности, угрожая национальной и территориальной целостности.

На многочисленные примеры, указывающие на возможность иного развития событий, обычно не обращают должного внимания. Существующие системы, где национальным меньшинствам даны особые права, в основном смогли создать более гармоничные отношения между государством и отдельными группами, от чего выиграли обе стороны. Особые соглашения, направленные на защиту достоинства и сохранение особенностей групп меньшинств, ликвидировали или, по крайней мере, смягчили конфликтные ситуации, уменьшили проблемы в таких областях, как социальная защита и здравоохранение, и увеличили производительность этих групп и их отдачу обществу. С другой стороны, существует множество примеров, говорящих о том, что государство не может в течение долгого времени подавлять национальные чувства меньшинств, что подавление неизбежно приводит к насилию. Недавние примеры, связанные с событиями, разворачивавшимися в Центральной и Восточной Европе, еще раз подтверждают это.

Другая причина медленного прогресса в этой области - отсутствие лоббистов от национальных меньшинств. Складывается впечатление, что представители национальных меньшинств заранее решили, что они не преуспеют в пропаганде своих интересов на международном уровне в большей мере, чем у себя дома. Исключение составляют коренные народы, которые, налаживая связи друг с другом и заполняя конференц-залы Организации Объединенных Наций и Международной Организации Труда, оказали значительное влияние на принятие законов в их пользу. Поскольку они проживают на территории меньшего числа государств, им было проще добиться поддержки.

Последние события международной политики могут привести к желанию более серьезно отнестись к проблемам меньшинств. Европейская интеграция, конец советского влияния в Центральной и Восточной Европе, воссоединение Германии, предстоящий отказ от апартеида скорее всего привлекут внимание к проблеме национальных групп, не имеющих государственности. Конференция по Безопасности и Сотрудничеству в Европе приняла в 1989 году обширные положения о меньшинствах (см. ниже). Адекватная защита немцев, проживающих в Польше, могла бы смягчить постоянные трения между двумя государствами, связанные с проблемой границ. Белые в Южной

Африке уже заявляют о желании получить статус национального меньшинства.

В Организации Объединенных Наций рабочая группа по правам человека, приняв четыре статьи закона за 12 лет, приняла еще пять в 1990 и провела первое чтение новой (хотя еще несовершенной) Декларации о правах национальных меньшинств. На той же сессии венгерский делегат заявил о необходимости международной кодификации всех законов по индивидуальным и коллективным правам меньшинств.

В Европейском Совете парламентская ассамблея в 1989 г. приняла Резолюцию N 927 и Рекомендацию N 1114 о положении меньшинств в Болгарии и Румынии соответственно. Оба документа резко осудили деятельность этих двух правительств в данной области. Однако, для того чтобы иметь право критиковать других, необходимо начать с обеспечения прав человека у себя дома. Европейский Совет не принял никаких законов в защиту прав меньшинств, кроме закона о недискриминации; мы надеемся, что эти резолюции говорят о желании заняться проблемой прав меньшинств во всем регионе.

Проблемы меньшинств рассматриваются по двум направлениям: недискриминация и особые права. Данный доклад представляет обе концепции и описывает некоторые, но не все существующие и предложенные стандарты, исследует вопрос о бенефициантах решений, дает обзор современных средств решения проблемы, и предлагает несколько соображений, которые могут лечь в основу рекомендаций для деятельности Европейского Совета.

Запрещение дискриминации

Недискриминация и вытекающее из нее всеобщее равенство составляют основные положения закона о правах человека, принятого во всех государствах. Они провозглашаются в Уставе Организации Объединенных Наций (статьи 1 и 55) и во Всеобщей Декларации Прав Человека (ООН, 1948, статья 2). Всеобщее действие этих законов гарантируется данными документами, независимо от того, были ли приняты в конкретной стране дополнительные законодательные акты, направленные на контроль за выполнением данных законов, а иногда и на их расширение. Оба Международных Соглашения по Правам Человека (ООН, 1966) содержат общие и специфические условия соблюдения вышеуказанных законов.

Документы более специального характера содержат акты о недискриминации, включающие Международное Соглашение о ликвидации всех форм расовой дискриминации (ООН, 1965), Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости или дискриминации на основании религиозных убеждений и верований (ООН, 1981), Соглашение по правам ребенка (ООН, 1989), Соглашение относительно дискриминации при приеме на работу и в области занятости (МОТ, Соглашение N 111, 1958), Декларация о расах и расовых предрассудках (ЮНЕСКО, 1978) и Соглашение против дискриминации в образовании (ЮНЕСКО, 1960).

Не только национальные меньшинства заинтересованы в недискриминационных законах. Формулировки тех областей общественной жизни, в которых запрещена дискриминация, отличаются в различных законодательствах, но если суммировать все то, что упоминается в этих документах (раса, цвет кожи, язык, религия, национальное происхождение, социальное происхождение и т.п.), то окажется, что они покрывают практически все проблемы меньшинств. Перечисляя пункты, по которым запрещена дискриминация, Европейское Соглашение особо упоминает принадлежность к национальному меньшинству.

Что касается меньшинств, недискриминация и соответствующее ее соблюдение позволило членам меньшинств стать во всех отношениях равноправными с представителями других национальностей в государстве; предотвращать любые действия, направленные на ущемление групп и отдельных лиц в правах и противостоять любым попыткам ущемления права личности на равноправие.

Специальные права и особый статус

Специальные права для меньшинств были определены как требование "обеспечения меньшинствам необходимых средств для сохранения их особенностей и традиций", как защита недоминантных групп, которые нуждаются в особом статусе для сохранения своих основных особенностей, которые отличают их от остального населения, как "позитивная деятельность", включающая определенные социальные программы, такие как школы с преподаванием на родном языке группы.

Специальные права не означают привилегии; такие права основываются на принципах равенства и недискриминации. Национальные меньшинства не могут быть равными с остальным населением, если

не будут обеспечены равные условия, и даже в этом случае национальные меньшинства будут находиться в худшем положении вследствие того, что доминирующую роль в национальной жизни играет основное население. Только обладание всеми членами национального меньшинства особыми правами: использование родного языка, организация национальных школ, пользование другими услугами, которые организует меньшинство для своих членов и участие в политической и экономической жизни государства – приблизит условия жизни меньшинств к условиям жизни основного населения.

Несколько законодательных актов, связанных с обеспечением прав человека, дают основание для специальных прав меньшинств. Среди этих актов – Конвенция против геноцида (ООН, 1948), Соглашение о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Договор о гражданских и политических правах, Соглашение по правам ребенка, Соглашение против дискриминации в образовании, Соглашение по малым и племенным народам в независимых странах, Конвенция Международной Организации Труда N 169, 1982 [3].

Более значительные уроки могут быть извлечены из конвенции N 169 Международной Организации Труда и проекта декларации по правам коренных народов, подготавливаемого рабочей группой подкомитета. В Конвенции МОТ и в ООН было предложено, чтобы малые и племенные народы как юридические лица, отличные от меньшинств пользовались особыми правами, которые еще не были рассмотрены как возможные для меньшинств. Вышеуказанные права включают экономические права, такие как владение и распоряжение землей и природными ресурсами, и политические права, а именно самоуправление или автономия и признание существующих договоров между коренными народами и государством [4].

Специальные права меньшинств, предложенные для внесения в международные документы, весьма разнообразны. Они направлены на сохранение достоинства, своеобразия, особенностей и традиций, и либо напрямую дают меньшинствам гарантии выполнения этих прав, либо обязуют государства принять особые меры для обеспечения выполнения этих прав.

Наиболее известный документ по специальным правам – Статья 27 Соглашения по гражданским и политическим правам, которая гласит:

"В государствах, в которых существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства, лица, входящие в их состав, не до-

жны быть лишены права совместно с другими лицами иметь свою собственную культуру, исповедовать и исполнять свою религию или говорить на родном языке".

Сущность этой статьи становится особенно ясной при прочтении ее параллельно с положениями той же конвенции, направленными против дискриминации (статьи 2 и 26).

Статья 27 обеспечивает членам национальных меньшинств возможности для проявления и сохранения их особенностей в культурной, религиозной и языковой сферах. Эти права дополняют права, перечисленные в других статьях этого соглашения, а также Соглашения по экономическим, социальным и культурным правам, таким как право индивидуума участвовать в культурной жизни и исповедовать и исполнять определенную религию. Однако, статья 27 не провозглашает групповые права (хотя фраза "совместно с другими лицами, входящими в группу" вносит некоторую неоднозначность); она также не настаивает на принятии государством особых мер.

Соглашение и его факультативный протокол особенно важны, так как Комитет по правам человека, состоящий из независимых экспертов, учрежденный для наблюдения за выполнением соглашения, выразил готовность, правда пока не подтвержденную делами, усилить работу по законодательству относительно прав меньшинств. Так, не так давно, рассматривая один случай, Комитет постановил, что экономическая деятельность, если она является существенным элементом в культуре этнической общины, подпадает под действие 27 статьи [5]. В прошлом году, как указано выше, комитет принял общее положение о недискриминации, и в 1986 г. он принял общее положение о статусе лиц другой национальности в соответствии с Соглашением, включая их возможные права по статье 27.

Более конкретный пример особых прав - особые меры против дискриминации, предусмотренные Соглашением. В статье 2, параграф (б) ясно указано, что "учреждение и содержание по религиозным и языковым причинам отдельных систем и институтов образования" не обязательно обозначает дискриминацию. Логическим продолжением этого положения является статья 5, параграф (в), в которой, в частности, записано:

"Существенно признать за членами меньшинств право проводить свою собственную политику в области образования, включающую содержание школ, и, в зависимости от политики в области образова-

ния каждого государства, использовать или вести обучение на их родном языке..."

Несмотря на указание на национальный суверенитет, культуру основного населения и качество предоставляемого образования, особые права в области образования наиболее часто предоставляются государствами меньшинствам; подобные права неоднократно встречаются в проектах деклараций по правам меньшинств и коренных народов в Соглашении МОТ N 169.

Особые права необходимы для обеспечения справедливого политического представительства. Во-первых, можно представить себе значительно большую роль меньшинств в государственных делах, чем та, которая соответствует пропорции меньшинства к числу основного населения. Это участие может выражаться в различных формах, например

- обязанность правительства получать согласие или консультироваться с меньшинствами по вопросам, затрагивающим их интересы;
- конституционное и/или законодательное признание или отражение законов и обычаев меньшинства;
- гарантированные места в законодательных и других политических органах, включая межправительственные (Аландские о-ва, Фарерские о-ва и Гренландия имеют фиксированные места в национальных делегациях в Северный совет);
- назначение официальных лиц, выбранных группой либо на особые посты, либо на фиксированное количество постов. Национальные системы используют разнообразие форм, и Соглашение МОТ N 169 в основном отражает эту практику. Цель этих мер - адекватное воздействие на национальную политику и принятие решений в основном, но не только по вопросам, которые влияют на судьбу и жизнь меньшинств.

Во-вторых, существует проблема автономии. Ее можно называть "автономия", "самоуправление", "саморуководство", "местное право" или просто "делегирование власти местным органам с расширением их функций"; название не имеет никакого значения, пока центральное правительство согласно поделится властью и оставляет местное управление в руках представителей меньшинства. Контроль этой группы за местными делами, включающими те, которые связаны со специальными правами - вероятно, наиболее эффективное средство защиты достоинства, своеобразия и различных обычаев, и, таким образом, необходимо для того, чтобы поставить меньшинства в рав-

ные условия с другими представителями общества. Это лучшая гарантия, которую могли бы пожелать представители меньшинства, но это и то право, предоставлению которого правительства сопротивляются больше всего [6].

В соответствии с проектом декларации ООН по коренным народам (статья 23), автономия подразумевает следующие функции:

"Образование, информация, культура, религия, здравоохранение, жилищное строительство, социальное обеспечение, традиционные и иные виды экономической деятельности, контроль земельных и других ресурсов и окружающей среды, а также местное налогообложение для финансирования этих автономных функций".

Этот проект автономных функций указывает на те функции, которые могли бы находиться в ведении меньшинств. Международная или региональная версия подобного документа могла бы содержать меньшее количество функций и тем не менее быть шагом вперед в улучшении положения меньшинств. В проекте декларации не упоминается внешняя политика, оборона или валютная самостоятельность — эти и другие вопросы будут продолжать оставаться в ведении центрального правительства. Неофициальной моделью для проекта стало европейское, а именно датское законодательство об автономии Гренландии.

Автономия может быть территориальной или личностной. Если члены меньшинства сконцентрированы на одной территории, то очевидно, что управление будет территориальным. Однако, если члены группы рассредоточены или перемешаны с основным населением, личностная автономия (когда члены группы могут участвовать в совместной деятельности независимо от места жительства) представляется законным и реалистичным решением. Норвежское законодательство, учреждающее Консультативную Ассамблею для саами — "Саамитинг" — пример личностного подхода; саами могут избирать и быть избранными в Ассамблею, независимо от того, в какой части страны они живут.

По своей природе автономия — это коллективное право. Именно коллективная сущность требует этого права, пользуется им и через членство определяет форму и структуры управления. Кроме того, меньшинство будет требовать автономии, а в случае ее нарушения выдвигать претензии на межправительственном уровне. Многие другие специальные права имеют коллективных бенефициантов. Члены группы автоматически выигрывают от их существования, но эти ин-

дивидуумы обращаются по этим групповым вопросам и по некоторым вопросам их индивидуальных прав к властным структурам меньшинств, которые должны уважать демократические принципы и другие всеобщие права человека.

Другие имеющиеся и предлагаемые специальные права включают:

- право меньшинства существовать как группа. Различия между индивидуальными и групповыми правами на жизнь становится понятным из проекта декларации по правам коренных народов (статья 3), в котором упоминается "право существовать как отдельный народ и право на защиту от геноцида, а также права каждой личности на жизнь, физическую неприкосновенность, свободу и безопасность";

- право на сохранение и развитие культурного наследия и культурной жизни меньшинств. Проект резолюции по правам коренных народов называет его защитой от этноцида.

- право на развитие и пользование родным языком хотя бы в данном регионе и для некоторых официальных целей. Проект "Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств" [7] укрепит существующее законодательство по этому вопросу;

- право на общение и поддержание иных контактов с родственниками и знакомыми, живущими в других странах и за ее пределами;

- право принимать участие в традиционных видах экономической деятельности [8]. Как и в случае с коренными народами, должны быть подтверждены права на землю и природные ресурсы, если национальное меньшинство в своем существовании связано с землей и определенными ресурсами; и

- права меньшинств, живущих внутри или среди других меньшинств. Меньшинства, осуществляя свои права, особенно когда это включает такие виды устройства, как автономия, должны быть последовательны и принимать во внимание обязанность уважать индивидуальные и коллективные права других.

В заключение необходимо отметить, что создателям международных стандартов в области прав человека стоит обратить внимание на законодательные, административные и юридические документы национального уровня и на двусторонние соглашения. Некоторые государства, многие из них европейские, приняли особые режимы для меньшинств: Финляндия для Аландских островов, Дания для фарерских островов и Гренландии, Дания и Федеративная Республика Германия для соответствующих национальных групп, Италия для южных тирольцев. Введение Испанией закона о самоуправлении намного

уменьшило напряжение в Стране Басков. Форма, содержание и успешность этих и других законов должны быть проанализированы и использованы в региональных и международных законодательствах [9].

Определение бенефициантов

Определение бенефициантов всегда было камнем преткновения в международных документах. Можно предположить, что из-за желания правительств избежать признания коллективных единиц (групп) на своей территории и исключить определенные категории и группы, определения часто служили тактическим средством, помогающим оттянуть предоставление серьезных прав. В результате подобных политических маневров определение стало важным элементом при рассмотрении прав меньшинств.

В течение долгого времени пытались дать полное определение "меньшинства" [10]. Секретариат ООН в 1987 году издал сборник официальных предложений определения этого термина, представленных в ООН за 40 лет [11]. У этих предложений множество общих черт: недоминантное положение рассматриваемых групп, некоторые общие характеристики и т.п. Если добавить к этому своду все практические национальные и международные достижения, то получится проект определения, по которому может быть достигнуто политическое согласие. Споры по этому поводу показывают, что разногласия касаются скорее того, кого признавать "меньшинством", а кого не включать в эту категорию, чем детального определения включаемых в эту категорию групп.

При всем их разнообразии действительно существуют категории меньшинств, которые затрудняют установление закона. Включение социальных и культурных меньшинств, возможно, потребовало бы непопулярных политических решений. Меньшинства, члены которых живут по разные стороны государственных границ, особенно настаивают правительства, так как последние видят здесь угрозу территориальной целостности. Различные нужды групп, живущих в различных географических и культурных условиях, также играют свою роль. Так, следует согласиться с тем, что этническое меньшинство нуждается в большей защите, чем религиозное, так как последнее отличается от основной группы населения только религиозными убеждениями, разделяя с ней другие черты.

Ввиду этих и других трудностей, возможно, стоит найти альтернативу исчерпывающему и повсеместно применимому определению. Употребление в препозиции к слову "меньшинства" прилагательных "этнические", "национальные", "религиозные", "языковые" представляет собой решение проблемы. Официальные документы и литература приписывают разные значения термину "национальные меньшинства", но все четыре прилагательных служат для того, чтобы исключить категории, менее желательные для правительств.

Что касается возможного исключения потенциальных бенефициантов, можно допустить, что группы, выигрывающие от применения законов о правах человека, принятых ради них самих, не нуждаются в правах меньшинств в их полном объеме. Эти группы будут включать (но не будут ограничиваться ими) сезонных рабочих, лиц без гражданства, беженцев, иностранцев - по крайней мере, когда они въезжают в страну и пребывают в ней некоторое время. Эти группы могут оказаться в ситуации, сходной с ситуацией меньшинств, но их защита должна осуществляться другими средствами.

Иммигранты различного этнического, культурного и лингвистического происхождения, добровольно приезжающие и поселяющиеся в стране, включая рабочих-мигрантов, решивших не возвращаться, составляют другую категорию людей, не могущих требовать защиты, на которую могут претендовать меньшинства. Они могут жить в очень трудных экономических и иных условиях, но они совершают "свободный" выбор и должны быть готовы принять отрицательные, а не только положительные его последствия. Эта точка зрения совпадает с часто выдвигаемым требованием, что меньшинство до получения особых прав должно существовать в течение довольно длительного периода.

Вероятно, что группы, выделяющие себя исключительно по религиозному признаку, тоже не подпадают под действие этих законов. Недискриминационные законы в их пользу уже существуют, и ни у кого не вызывает сомнения свобода исповедовать и исполнять любую религию, а также специальные права, позволяющие совершать обряды и содержать религиозные институты. Если же эти группы имеют еще и другие характеристики, этнические или языковые, они могут претендовать на более обширные права меньшинств.

Упор на субъективный элемент определения - интересная альтернатива поиску только объективных характеристик. Субъективная часть имеет три уровня: идентификация группы, решение индивидуу-

ма о его принадлежности к меньшинству, принятие этого индивидуума самим меньшинством. Специалисты ООН рекомендуют опираться на самоопределение индивидуума в вопросе определения бенефициантов законов о меньшинствах и коренных народах. Конвенция Международной Организации Труда N 169 (статья 1, параграф 2) особо отмечает: "Самоопределение по поводу принадлежности к племенным или коренным народам должно быть решающим при определении групп, к которым имеет отношение Конвенция". Как это сделано в тексте документа Международной Организации Труда, самоопределение может сочетаться с некоторыми объективными требованиями, выраженными в позитивной форме (обладание некоторыми характеристиками) и в негативной форме (исключение определенных групп).

Государства не должны никак влиять на субъективный элемент. Некоторые юристы, возможно, склонны утверждать, что формулировка статьи 27 Соглашения по гражданским и политическим правам требует официального признания меньшинства, прежде чем это меньшинство получит возможность пользоваться правами, о которых идет речь; эта интерпретация, может быть, и хороша, но тогда плох закон. Признание или непризнание правительством просто нерелевантно, если группа подпадает под согласованное международной ответственностью определение меньшинства; непризнание в этом случае подозрительно. Называние этих групп по-другому, например "совместно проживающими нациями или национальностями" очевидно также недостаточно для того, чтобы лишить их прав национальных меньшинств.

Как упоминалось выше, в законе о правах человека сделано четкое разделение между меньшинствами и коренными народами. Определяющим фактором в этом разделении является то, что коренные народы связаны с определенной территорией и, в отличие от меньшинств, проживают на этой земле с незапамятных времен. Американские индейцы, аборигены Австралии и сотни других групп на всех континентах подпадают под эту категорию.

Разделение меньшинств и коренных народов возникло в результате законодательной деятельности ООН (Конвенция о правах ребенка) и Международной Организации Труда (Конвенция N 169). Две рабочие группы ООН готовят проекты двух различных деклараций, и ООН использует различные процедуры для этих типов бенефициантов.

Говоря о коренных и племенных народах в Европе, нельзя не упомянуть инуитов, саами и цыган. Гренландские инуиты пользуются правами коренных народов до тех пор, пока они предпочитают входить в состав Дании и не существовать как независимое государство или как заморская колония. Саами участвовали в межправительственных и неправительственных конференциях по проблемам коренных народов, и финское, норвежское и шведское правительства признали их таковыми. Норвежские саами входят в Попечительский совет Добровольного фонда коренных народов при ООН. Хотя советские саами еще не заявили о себе на международных форумах, недавно они получили возможность контактировать с международными организациями саами. Цыгане, кажется, очень подходят под определение коренных народов МОТ, но они никогда не были в центре международного внимания и никогда этого не добивались.

В этом контексте может быть полезным провести различие между национальными меньшинствами и коренными и племенными народами, с одной стороны, и между "местным населением" - с другой. Последний термин был использован в некоторых документах и резолюциях ООН по правам человека в разделах, посвященных самоопределению, природным ресурсам, развитию и миру. Этот термин стал очень популярным в ЮНЕСКО, организовавшем серию конференций по этой теме, и в Организации Африканского Единства, которая провозглашает права местного населения в заглавии и нескольких статьях своего нового "Документа по правам человека".

Термин "местное население" еще не получил четкого определения в международных законах, где он был использован. Более того, он может иметь разные значения в зависимости от контекста. Что касается употребления этого термина, он применяется к населению определенных территорий, чаще всего к населению колоний, без учета его этнического состава и культурных особенностей. Краткое знакомство с Декларацией о праве на развитие и Африканским Документом позволяет сказать, что термин "местное население" не имеет отношения к меньшинствам, а относится к населению государства. Если наше понимание термина верно, то проблемы прав "местного населения" можно не рассматривать в связи с дискуссией по поводу национальных меньшинств, если только последние не примут абсолютно другой характер.

Конечно, существует некоторая связь между проблемами меньшинств и местного населения, так они могут выдвигать одинаковые

требования. Некоторые группы, которые сейчас считаются меньшинствами, но очень немногочисленные, могут подпадать под определение и более широкие права "местного населения". С другой стороны, сама идея меньшинств и коренных народов, в том ее виде, как она понимается международным сообществом, предполагает суверенитет и территориальную целостность государств. Недискриминационные и специальные права, которые обеспечивают равенство и защиту для всех, имеют целью уменьшение напряжения посредством улучшения качества жизни, обеспечение целостности государств и поддержания мира.

Наконец, трудно не согласиться с тем, что отсутствие определения термина "меньшинство" или наименее детальное его определение, исключая лишь некоторые категории и делающее упор на самодefиницию, было бы лучшей альтернативой. В конце концов, в большинстве случаев самоочевидно, какие группы составляют меньшинства и какие именно категории меньшинств. Трудные случаи могут быть оставлены в ведении контрольных органов, учреждаемых межправительственными организациями, как было в случае с термином "местное население".

Процедуры осуществления законов

При том, что проблемы меньшинств возникают часто, органы, наблюдающие за соблюдением прав человека и политические органы не уделяли должного внимания меньшинствам, попавшим в беду. Даже когда они обращали на это внимание, они не предпринимали эффективных мер. Армяне, баски, берберы, курды, цыгане, тамилы и их судьбы, а также проблемы, с которыми встречаются другие группы, остались в основном незамеченными межправительственными организациями. Исключения относятся в основном к тем случаям, когда государства в силу внутренних причин активно вмешиваются в существующую проблему: африканцы - в проблему большинства населения в Намибии и ЮАР, арабы - в защиту палестинцев, Венгрия - в защиту венгерского населения в Румынии, Израиль - в защиту евреев во всем мире.

Я не хочу сказать, что не существует механизмов соблюдения прав человека. В соответствии с существующими законами и законодательствами есть определенное количество международных процедур, которыми могут воспользоваться правительства, неправитель-

твенные организации и жертвы нарушения прав человека. Эти контролирующие механизмы состоят из правительственных докладов о собственной деятельности в этом направлении, мандатов на поиск и выявление фактических нарушений в сочетании со средствами быстрого действия, управления этими процедурами со стороны лиц, занимающих высокие посты в международных организациях, подачи жалоб пострадавшими или лицами, представляющими их интересы, публичных рассмотрений дел с последующим политическим и дипломатическим давлением.

Все эти процедуры были в разное время задействованы в ситуациях с меньшинствами. Члены-эксперты комитетов ООН по договорам, такие как Комитет по правам человека и Комитет по искоренению расовой дискриминации запрашивают, используя стандартную процедуру, представителей правительств, подающих государственные доклады по соответствующим соглашениям, о соблюдении прав меньшинств и проверяют полученную информацию. Контролирующие органы Международной Организации Труда привлекали внимание к проблемам коренных и племенных народов в государствах, подписавших Конвенцию N 107, и, очевидно, будут проводить такие же действия, когда конвенция N 169 войдет в силу.

Мы уже упоминали о позиции Комитета по правам человека, выраженной в ответ на жалобы, поступившие в соответствии с Факультативным протоколом Соглашения по гражданским и политическим правам. Другие договоры и резолюции предлагают дополнительные процедуры подачи жалоб, некоторые из них применимы и к меньшинствам. Процедура, обеспечиваемая резолюцией Экономического и Социального Совета No 1503 (XLVIII), заслуживает особого внимания, так как позволяет группам заявлять о грубых нарушениях их прав, и так как она повсеместно применима и не зависит от ратификаций и принятия соответствующих законодательств.

Кроме более формальных процедур, дебаты на международных форумах о законах по правам человека и их нарушении могут послужить для привлечения внимания и улучшения взаимопонимания. Надо признать, что правительства не приветствуют и пытаются избежать давления со стороны различных международных организаций. Сравнение активного участия со стороны коренных народов и неучастия со стороны меньшинств в работе двух рабочих групп ООН, занимающихся этими вопросами, доказывает полезность активного использования подобных форумов.

Нет двух мнений о том, что меньшинства могли бы использовать различные процедуры применения законов более эффективно. Для этой цели меньшинствам должен быть предоставлен прямой доступ к этим процедурам и к организациям, их осуществляющим. Ограничения на групповые жалобы по сравнению с индивидуальными является серьезной недоработкой в области особых прав.

Неправительственные организации играют очень большую роль в распространении и защите прав человека. В ООН неправительственные организации имеют доступ к заседаниям, включая заседания большинства организаций, занимающихся правами человека, при условии, что они имеют так называемый консультативный статус в Совете по экономике и социальным вопросам. Для меньшинств необходимо установить нечто сходное со статусом, который получают неправительственные организации, чтобы сами меньшинства могли получить прямой доступ на международные и региональные форумы, по крайней мере на те, где решаются вопросы, напрямую воздействующие на их существование. Релевантные прецеденты в ООН, кроме крупных организаций коренных народов, включают также группы коренных народов, которые получили консультативный статус (Большой совет кри в Квебеке и, (хотя она и является почти органом самоуправления) Национальная юридическая служба аборигенов и островитян Австралии).

В соответствии с некоторыми международными инструментами, относящимися к правам человека, государства обязаны принимать специальные меры против дискриминации. Международное соглашение по искоренению всех форм расовой дискриминации требует (статья 2, параграф 2), чтобы все государства-участники принимали, когда того требуют обстоятельства, в социальной, экономической и культурной областях "специальные и конкретные меры, обеспечивающие адекватное развитие и защиту определенных расовых групп и их членов" для того, чтобы гарантировать равное и полное распространение на всех прав человека. Конвенция также указывает (статья 1, параграф 4), что такие меры не означают расовую дискриминацию. Обе статьи отмечают, что существование неравных и отдельных прав для этих групп прекратится, когда будет устранена объективная причина, вызвавшая их применение.

Как одно из средств прекратить дискриминационную практику, подкрепляющие действия, или "положительная дискриминация", включает временные меры, действующие до разрешения проблемы. Однако

особые права, такие как функционирование институтов образования, политическое участие во внутренних делах страны, автономия и права на землю требуют длительного или даже постоянного подкрепляющего воздействия. Эта разница должна быть признана в ходе международной деятельности, направленной на поддержание прав меньшинств.

Процедуры применения прав дают возможности, выходящие за рамки стандартов, на которых они основаны. Особые права меньшинств необходимо укреплять, однако те из них, которые уже приняты, нуждаются в активном внедрении в жизнь. Существующие права составляют основу, но смелость в их интерпретации экспертными организациями и даже небольшие поправки, как, например, предоставление группам более широкого доступа на форумы, улучшили бы ситуацию. Межправительственные организации могли бы расширить свои программы по обмену информацией, технической помощи и другим видам сотрудничества. Более того, меньшинства и их члены и неправительственные организации от их лица, могут и должны использовать все возможности и более эффективно добиваться перемен.

Заключение и некоторые рекомендации

Несмотря на глубоко укоренившуюся оппозицию, особые права меньшинств проникли в некоторые законодательства по правам человека. Если учесть пренебрежение и нежелание правительств, может возникнуть впечатление, что эти права проникли в законодательства по воле исторического случая, а не запланированной деятельности. Несмотря на это, будучи взяты в целом, существующие документы, обеспечивающие специальные права, и антидискриминационные законы составляют весьма внушительный по объему пакет юридических документов. Продолжают рассматриваться новые законы в пользу меньшинств. Национальные законодательства, доклады правительств и международных организаций, работа экспертов и неправительственных организаций вносят свой вклад в эту деятельность.

Разрозненность специальных прав меньшинствам, значительное число дополнительных предложений и идей на столе переговоров и наличие сложных нерешенных проблем говорит о том, что впереди предстоит большая работа. Установка правительств на то, чтобы любой ценой сохранить национальное единство и территориальную целостность, должна уступить место признанию пользы демократиче-

ской терпимости и плюрализма. Вместо того, чтобы полагаться на устаревшие и консервативные подходы, которые не учитывают внутренние конфликты и опасность извне, следует добровольно уделить внимание правам меньшинств, так как это может стать ценным вкладом в будущее.

Документы, появившиеся в результате Конференции по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (СБСЕ), показательны для нового мышления. Заключительный документ Венской встречи 1989 года устанавливает несколько далеко идущих прав меньшинств, относящихся к специальным правам и недискриминации. Их можно обнаружить в Основных Принципах и в главах, посвященных гуманитарным контактам, информации, сотрудничеству и обмену в области образования. Уже Заключительный Акт Хельсинкского совещания 1975 г. и Заключительный Документ Совещания в Мадриде 1983 г., а также доклады дополнительных совещаний экспертов содержат упоминания о правах меньшинств, однако с 1975 по 1989 годы наблюдается заметный рост признания специфических нужд национальных меньшинств.

Документы СБСЕ по правам меньшинств, особенно тот контекст формирования доверия и сохранения мира, в котором они создавались, заслуживают активного изучения в рамках законодательной деятельности по правам человека. К сожалению, они не были ни представлены, ни использованы в работе рабочей группы ООН по созданию проекта декларации по правам меньшинств. В контексте работы Европейского Совета документы СБСЕ могли бы быть более широко использованы.

Другое межправительственное учреждение - Исследовательский институт ООН по социальному развитию, ведет исследование, направленное на понимание причин и последствий этнического напряжения и насилия. Их "Исследовательский проект по этническим конфликтам и развитию", начатый в 1990 г. обещает пролить дополнительный свет на проблемы мира и соотношение между проблемами меньшинств и экономическим и социальным развитием.

Этот доклад был сфокусирован на регуляции прав меньшинств международными правами человека. Особое внимание уделялось законам, относящимся к специальным правам и их выполнению и преодолению проблемы определения меньшинства как препятствия к эффективной защите этой группы. В ходе доклада были представлены причины того, почему следует начинать с проекта и принятия специальных прав меньшинств, и была поднята проблема предоставления

некоторых преимуществ этим группам. Эти и другие положения могут быть суммированы следующим образом:

1) Декларация по принципам международного культурного сотрудничества (ЮНЕСКО, 1966, статья 1, параграфы 1 и 3) гласит "каждая культура имеет достоинство и ценность, которые должны пользоваться уважением и быть сохранены" и "обладая богатым разнообразием и различием и взаимно влияя друг на друга, все культуры составляют часть общего наследия, принадлежащего всему человечеству". Если мы будем рассматривать этот текст серьезно, буквально и сохраняя его акценты, то оказывается, что культуры меньшинств заслуживают защиты и уважения не меньше, чем культуры народов и наций, о которых идет речь в декларации.

2) Декларация о расах и расовых предрассудках (ЮНЕСКО, 1978, статья 1, параграф 2) гласит: "Все индивидуумы и группы имеют право на различие, на то, чтобы считать себя разными и считаться таковыми". Декларация также подчеркивает (статья 2, параграф 1), что "Любая теория, в основе которой лежит утверждение, что расовые или этнические группы изначально являются высшими или низшими, что подразумевает возможность доминирования одной группы над другой, или которая основывает определение ценности индивида или группы на расовой принадлежности, не имеет под собой никакого научного основания и противоречит моральным и этическим принципам гуманизма". Принимая, что и к этому тексту стоит относиться серьезно, отметим, что вышесказанное относится к меньшинствам.

3) По тем же самым причинам необходимо сохранить и другие характеристики меньшинств. Язык, обычаи и социальное поведение являются частью и посылкой культуры. То же самое касается и религии, хотя ее исповедованию и исполнению, включая религиозное воспитание могут быть даны предпочтительные условия с помощью особого законодательства.

4) Национальный опыт учит нас тому, что признание и уважение специальных прав меньшинств может быть реальной альтернативой подавлению и пренебрежению. Это включает делегирование власти автономным режимам, что придает значимость выполнению специальных прав.

5) Внутреннее замалчивание проблем меньшинств не дает результатов; попытки ассимиляции тоже ни к чему не приводят. Меньшинства никуда не исчезают, они могут находиться в очень пассивном состоянии в течение некоторого времени, но история учит нас, что

они не исчезают с карты. Национализм и движение сохранения национального своеобразия – очень серьезные силы, и они одинаково применимы и к государствам-нациям, и к меньшинствам.

6) Нерешенные проблемы меньшинств таят в себе опасность международного конфликта. Применение внешней силы для изменения границ ничего не решает; вместо этого оно создает новые и гораздо более серьезные проблемы. Выводы последнего заседания СБСЕ подтверждают наличие связи между уважением прав меньшинств и миром.

7) Проблемы меньшинств несомненно изменятся по количеству и содержанию ввиду предстоящей политической и экономической интеграции в Европе. Но и в этом случае нет оснований полагать, что проблемы меньшинств испарятся, а сами эти группы исчезнут. Более вероятно, что они выдвинут новые требования, которыми будут заниматься новые форумы. Этот потенциал не должен и не может быть проигнорирован; многонациональное сообщество, делающее главный упор на экономическую продуктивность и свободные рынки, нуждается в участии всех и спокойном существовании для того, чтобы быть успешным.

Для Европейского Совета должно быть значительно проще, чем для всемирных организаций, включить специальные права меньшинств в новый протокол Европейской Конвенции. Европа, включая Центральную и Восточную части континента, после расширения Европейского Совета будет представлять собой относительно однородную общность в расовом и культурном отношении. Продолжающиеся усилия по интеграции открывают новые возможности, которые должны быть использованы для того, чтобы позволить народам континента, имеющим и не имеющим собственной государственности, жить в общем доме. Делая это, Европейский Совет смог бы предоставить модель для остального мира, задача которого значительно более сложна.

Отправной точкой автора была существующая терминология по правам человека, которую могут принять правительства, но многие вопросы остались в этом докладе без ответа. Они относятся к общим проблемам этнического взаимоотношения, причинам и последствиям этнических конфликтов и различных методов разрешения конфликтов. Аргументы, выдвинутые в докладе, заслуживают более детального анализа, и глубокое изучение этих и других проблем, несомненно, даст более полные ответы. И все же, даже на этой стадии автор берет на себя смелость дать некоторые рекомендации:

1. Для того, чтобы заполнить пробел в защите меньшинств, который в настоящее время обеспечивается соглашением по правам человека, Европейский Совет должен усилить существующие законы о недискриминации подготовкой и принятием протокола о специальных правах для меньшинств континента.

2. Протокол должен применять принцип равенства к меньшинствам и быть нацеленным на сохранение и поддержание их своеобразия, наследия и достоинства путем включения следующих прав

а) Право меньшинства на существование,

б) Беспрепятственное использование и дальнейшее развитие культурных и языковых характеристик,

в) Учреждение и управление меньшинствами школами и другими институтами образования и обучения, включая контроль за программами и обучение на родном языке,

г) Гарантии участия представителей меньшинств в политической жизни государства, и

д) Установление территориальной и индивидуальной автономии, в ведении которой было бы управление внутренними делами групп, включая культуру, образование, религию, информацию и социальные службы. Автономные функции должны опираться на самофинансирование путем налогообложения и/или специальных ассигнований.

3. Протокол должен обязать правительства начать позитивную деятельность, как краткосрочную, так и более длительного характера для того, чтобы положить конец дискриминационной практике при помощи специальных прав.

4. Определение бенефициантов должно выделить минимум объективных признаков, таких как этническое происхождение и лингвистические характеристики, а также обеспечить возможное исключение из их числа некоторых категорий групп, которые пользуются адекватной защитой, обеспеченной другими документами. Кроме вышеуказанных требований определение должно полагаться на самоопределение при выяснении принадлежности индивидуума к группе, и, в случае конфликта, на мнение и практику контрольных органов Совета.

5. Меньшинства и их индивидуальные члены должны иметь возможность подавать жалобы в исполнительные органы в соответствии с существующим протоколом, а также иметь доступ к работе различных форумов, занимающихся вопросами меньшинств в соответствии с другими документами и протоколами Совета.

6. Меньшинства должны получить гарантированное представительство в политических органах Совета.

Примечания

1. World Guide of Ethnic Minorities and Indigeneous Peoples, Ed. by Rudolfo Stavenhagen, UN University and El Colegio de Mexico, 1988

2. "World Directory to Minorities, edited by the Minority Rights Group, Longman Group UK Ltd: Harlow, Essex, 1989.

3. Конвенция МОТ N 169 является переработкой конвенции N 107 1957 года на ту же тему. Конвенция N 169 была принята Международной Организацией Труда в июне 1989 г. и еще не вошла в силу, в то время как Конвенция N 107, которая так же дает основание для специальных прав, все еще действует.

4. Последнее сообщение рабочей группы по коренному населению содержится в документе E/CN.4/Sub.2/1989/36. Приложение II к этому документу воспроизводит "Проект всеобщей декларации по правам коренных народов", который был вынесен на обсуждение в 1988 г. и исправлен в 1989 г. Эрикой-Иреной Даес, председателем/докладчиком рабочей группы.

5. Точка зрения Комитета по правам человека на сообщение N 197/1985, поданое Иваном Киток; государством, о котором идет речь, в данном случае является Швеция, документ ССРР/С/33/Д 197/1985, изд. 10 августа 1988, параграф 9.2.

6. Об общих проблемах автономии см.: Louis V.Sohn, "The Concept of Autonomy in International Law and the Practice of the United Nations", Israel Law Review, vol.15, 1980, pp.180-190, и Hurst Hannum and R.V.Lillich, "The concept of Autonomy in International Law", American Journal of International Law, vol. 74 (1980), pp. 858-889

7. Проект Положения был принят в 1988 г. Постоянной конференцией по местному и региональному управлению в Европе и сейчас находится на рассмотрении Парламентской Ассамблеей Европейского Совета. Более подробно см. Report on the Regional or Minority Languages in Europe by Rapporteur Herbert Kohn, Standing Conference document CPL (23)8 of February 1988, Explanatory Memorandum in part II.

8. См. дело, упомянутое в Примечании 5.

9. Доклад экспертов, озаглавленный "Статус национальных меньшинств и этнических групп в государствах - членах Европейского Совета", подготовленный Этьен Тризел и содержащийся в документе AS/Jur(40) 7 июля 1988, представляет обширный фактический и юридический анализ шагов национальных правительств в этом направлении. В 1989 г. подкомиссия ООН назначила Асбјорна Эйде специальным докладчиком по вопросу "Национальный опыт по защите меньшинств. Его работа будет готова через 3-4 года; предварительные и текущие результаты доступны сейчас. Его работе предшествовала работа Клер Паллей: "Возможные пути и средства ускорения мирного и конструктивного решения проблем, связанных с расовыми, национальными, религиозными и лингвистическими меньшинствами", содержащаяся в документе E/CN4/Sub2/1989/43.

10. Серьезный анализ проблемы см. в: Oldrich Andrysek, Report on the Definition of Minorities, The Netherland Institute of Human Rights, SIM Special, N 8, 1989.

11. Документ E/CN.4/1987/WG.5/WR.1. Последнее предложение было представлено Jules Deschenes в документе E/CN.4/Sub.2/1985/31 и поправка 1, но не было одобрено подкомитетом (резолюция 1985/6); рабочая группа комиссии неоднократно откладывала рассмотрение вопроса (E/CN.4/1989/38, параграф 9).

Перевод с английского В.Межевич

**МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОПЕНГАГЕН?
НОВЫЕ МЕНЬШИНСТВА**

*Оле Стий Андерсен
Лаборатория педагогики Копенгаген*

Столица Дании – Копенгаген на протяжении многих столетий является важнейшим центром жизни страны в культурном, социальном, экономическом, языковом и других отношениях. 1,7 млн. жителей Большого Копенгагена составляют в точности одну треть от 5, 1-миллионного населения Дании. Во многих отношениях Копенгаген и Данию, таким образом, можно считать синонимами.

За много столетий, прошедших с момента основания города в 1167 г. в Копенгагене селилось множество иностранцев, но никогда – большими группами. Обычно это были выходцы из соседних стран: Норвегии, Швеции, Великобритании, Германии и Польши – а также из бывших датских колоний в Северной Атлантике – Фарерских о-вов, Исландии и Гренландии. Точно так же и датчане селились в этих странах.

Хотя Дания и имела небольшие колониальные владения в тропической Африке, Америке и Азии, среди современных датчан практически нет выходцев из этих мест. В отличие от других колониальных стран, таких как Голландия, Великобритания, Франция и Россия, Дания утратила (или продала) свои колонии весьма своевременно еще до появления современных средств транспорта, так резко изменивших этнический состав метрополий после Второй мировой войны. Если бы Дания не продала в 1918 г. Вирджинские о-ва США, чернокожие выходцы из Карибского бассейна без сомнения составляли бы сегодня в Дании значительное национальное меньшинство. Реально их в стране почти нет.

Импорт иностранной рабочей силы существовал всегда. Так, в XVIII в. немцам были предоставлены особые привилегии как награда за то, что они ввели культуру картофеля и начали возделывать обширную заболоченную низину в Западной Ютландии (кстати, это была та же миграционная волна, в результате которой в России возникло

национальное меньшинство поволжских немцев). В XVII в. король призвал голландцев, которые должны были снабжать Копенгаген овощами и заниматься строительством. Множество построенных ими в стиле голландского Ренессанса монументальных зданий до сих пор являются гордостью Королевского города.

Приток иностранцев шел как среди высших, так и среди низших классов. Со времен викингов на протяжении нескольких столетий матерями многих датских принцев были женщины славянского происхождения, и нередко на датский трон возводилась немецкая династия. Несколько столетий тому назад датская аристократия в большой степени была немецкого происхождения, что отразилось во многих фамилиях. В начале нашего века на работу на плантациях сахарной свеклы в Южной Дании вербовались польские рабочие.

Не так уж много новых профессий возникло в Дании, и вместе с новым в технике и культуре в стране появлялись иностранцы, которые работали сами и обучали местное население: миссионеры, торговцы, монахи, ремесленники, профессиональные солдаты, крестьяне, музыканты, промышленники, художники и т. д.

Были в прошлом и беженцы. Цыгане, а также "путешественники" - жертвы той или иной войны (особенно 30-летней войны в XVII в.) в Дании никогда не были многочисленны, однако число евреев, в основном выходцев из Восточной Европы и в большинстве своем живущих в Копенгагене, достигает 10.000.

История знает, конечно, конфликты и столкновения между группами датчан и иностранцев, хотя они никогда не принимали значительных размеров. Хотя совершенно очевидно, что Дания и датчане вобрали в себя массу разнообразных иностранных влияний и элементов, страна и народ все же сохраняют собственный характер.

Это следствие того, что в Дании в сущности никогда не было сколько-нибудь значительных коренных национальных меньшинств. Конечно, общая граница между Данией и Германией привела к возникновению немецкого меньшинства в Дании, а датского - в Германии, а некогда на Юго-Западе существовало и очень небольшое фризское меньшинство. Да и южная часть современной Швеции была еще около 300 лет назад датским владением, так что сконский диалект датского языка теперь стал шведским диалектом. При желании можно считать и примерно 10.000 гренландцев, и несколько меньшее число

фарерцев коренными национальными меньшинствами Дании, поскольку они, живя на собственной земле - обладатели датского паспорта.

И все же будет правильно сказать, что Дания - наиболее датская страна в мире. Почти все датчане живут в Дании, и почти каждый житель Дании - датчанин, несмотря на значительные и разнообразные миграции предыдущих столетий.

Однако за последнюю четверть века эта уникальная однородность населения начала претерпевать изменения. По данным 1990 г. ровно 3% населения Дании (150.644) составляли недатчане.

Даже не принимая во внимание трудности определения самого понятия национального меньшинства, очень трудно дать точные цифры, поскольку этническая (национальная), языковая и религиозная принадлежность граждан Дании не фиксируется. Хотя и общественные и частные организации охотно собирают всевозможную информацию о гражданах, и хотя каждый житель Дании имеет персональный номер, что дает государству возможность проводить перепись, используя компьютер так часто, как власти того пожелают (на практике - раз в год), запись сведений, касающихся этнической принадлежности, считается недопустимой. Это относится как к коренным, так и "пришлым" национальным меньшинствам.

Вследствие этого невозможно хоть с какой-нибудь степенью точности определить, сколько жителей Дании принадлежит к той или иной этнической или религиозной группе, какой их родной язык, утратили его какие-либо группы или нет. Единственная официальная концепция близкая к понятию "меньшинства" или "национальной принадлежности" - это "иммигранты", и определяется эта категория людей чисто механически - как иностранные граждане, т.е. лица не имеющие датского паспорта. Таких на 1 января 1991 г. насчитывалось 160.641 человек. В настоящее время это число растет примерно на 10.000 в год. Ежегодно примерно 3.500 иностранных граждан натурализуются, т.е. отказываются от гражданства своей страны и получают датское. С этого момента их нельзя обнаружить ни в каких статистических сводках - они стали датчанами по определению. И все же цифры показывают устойчивый рост числа иностранцев.

Если бы вновь прибывающие состояли, так сказать, в кровном (как немцы и норвежцы) или же в двоюродном (как русские и поляки) родстве с датчанами, их появление не вызвало бы серьезных проблем. Однако в отношении многих из них дело обстоит иначе. Современные средства транспорта позволяют людям быстрее, чем ра-

ныше, перемещаться из одной части земного шара в другую, и соответственно, новые меньшинства в Дании включают представителей рас, культур и религий для нас новых, что вызывает сильную реакцию у значительной части общества, хотя новые меньшинства весьма немногочисленны как в абсолютном, так и в процентном исчислении.

Колоссальная потребность в рабочей силе в результате массового истребления населения во Второй мировой войне была частично удовлетворена за счет импорта рабочей силы из бедных, преимущественно сельскохозяйственных регионов зачастую из колоний. В результате миллионы индусов и африканцев проживают в Англии, миллионы выходцев из Северной Африки - во Франции, и т.д. В Германии, не имевшей колоний, проживает сегодня около двух миллионов турок.

Дания включилась в этот процесс поздно. Страна не понесла существенных людских потерь, а индустриализация началась относительно поздно. Тем не менее, в 50-х гг. примерно полмиллиона датчан оставили сельское хозяйство и переехали в города, прежде всего в Копенгаген. В середине 60-х гг. процесс перемещения из сельской местности в промышленные центры распространился за границы Дании. Начался импорт рабочей силы с юга Европы. Многие годы считалось, что иностранные рабочие приезжают лишь на короткое время, однако в начале 80-х гг. всем стало ясно, что они здесь останутся и что в понятии "датского" появился новый элемент.

Вместо того, чтобы вернуться на родину, иностранные рабочие привезли в Данию семьи, обзавелись детьми, и стали в разных формах участвовать в экономической, общественной и культурной жизни Дании. Большинство иностранных рабочих - выходцы из Турции, Пакистана, Югославии и Марокко (более 30.000, 10.000, 10.000 и 4.000 соответственно). Поскольку Дания включилась в процесс импорта рабочей силы относительно недавно, большинство иностранных рабочих - представители национальных меньшинств у себя на родине, так что более половины турок - в действительности курды, аналогично югославы - это албанцы, турки, македонцы и валахи, в то время как большинство марокканцев - берберы.

Как упоминалось ранее, Дания время от времени принимала беженцев. Около 1970 г. свободный доступ в страну получили польские беженцы. Однако позднее появились более "экзотические" беженцы: в середине 80-х гг. резко увеличилось количество беженцев с Ближнего Востока, так что сегодня в Дании нашли приют 9.000 бе-

женцев из Ирана, 3.000 из Ирака, 3.500 из Ливана и 9.000 лиц без гражданства (в основном палестинцев).

Кроме 6.000 вьетнамцев и китайцев и 6.000 тамилы из Шри Ланки большинство новых групп, появившихся за последние 10 лет, исповедуют ислам, и именно это превратилось в большую проблему.

За последние годы среди датчан произошло резкое усиление антиарабских и антимусульманских настроений. Эти явно расистские взгляды усиливаются благодаря ряду факторов. Во-первых, датское общество в целом заняло сторону Израиля в палестинском вопросе. Во-вторых, нефтяной кризис 1973 г. дал публике остро почувствовать, что энергопотребление Запада в значительной степени контролируется горсткой ближневосточных диктаторов - будь то король средневеково-феодалного образца или "современная" военная хунта. И хотя сейчас Дания добывает достаточно нефти для собственного потребления, население по-прежнему осознает, что ни одна из арабских стран не может соответствовать датскому стандарту демократии. В гражданской войне в Ливане видят признак политической отсталости, а победа шиитских фундаменталистов и установление в Иране своего рода теократии почти единодушно признается возвратом в средневековье.

И в этих, и во множестве других случаев средства массовой информации редко упускали возможность изобразить арабов и вообще мусульман отсталыми, склонными к насилию, жестокими, алчными, вероломными и т.д. - до такой степени, что можно уверенно сказать: у большинства датчан сегодня вполне оформившееся расистское отношение к арабам и ощущение, что Священная война с исламом неизбежна. Это стало особенно очевидно во время недавнего иракского кризиса и войны.

Другой важный фактор в формировании враждебности связан с тем, как происходит прием беженцев с Ближнего Востока. Когда количество беженцев в середине 80-х гг. возросло, датский Совет по делам беженцев расселил их по всей стране. Решение было принято в столице. и во многих провинциальных городах жители обнаружили у себя под боком группы незваных гостей - в основном молодых мужчин с Ближнего Востока, местности прежде всего известной как зона военных конфликтов и терроризма. Многие были напуганы и протестовали; сильная враждебность и сопротивление в отношении иностранцев росли. Авторитарный, централистский способ, которым беженцы были расселены по стране, значительно усилил уже и без

того широко распространенную враждебность к мусульманам, хотя сами беженцы участия в принятии решения не принимали.

Даже самые фундаментальные права иммигрантов-мусульман ставятся под вопрос, как например, право сохранять свой язык, культуру и религию. В возведении новой мечети в Копенгагене, где живет более 30.000 мусульман, многие датчане видят угрозу "датскому духу"; организуется кампания против строительства. Одна из главных тем дискуссий - мусульманские отношения между мужчиной и женщиной, которые многие считают неприемлемыми. Дело дошло до того, что комитет, созданный социал-демократической партией, предложил несколько лет назад ограничить количество мусульманских браков тем, что вступление в брак давало бы право на проживание в Дании лишь при условии сдачи экзамена по датскому языку и культуре. Разумеется, это безобразное предложение не прошло, но уже тот факт, что такое вообще могло быть предложено, красноречиво характеризует атмосферу, встречающую мусульман в Дании.

По официальным данным, самое крупное из новых национальных меньшинств в Дании составляют турки, единственное из меньшинств, превышающее 1% населения страны, однако согласно общепринятой точке зрения до двух третей их числа на самом деле составляют курды. Часть иракских и иранских беженцев - также курды, поэтому с уверенностью можно сказать: курды - крупнейшее из национальных меньшинств в Дании (приблизительно 20.000). Количество турок, вероятно, приблизительно то же, но поскольку курдский язык в Турции находится более или менее под запретом, турецкий язык - наиболее важный среди языков недавних иммигрантов: на нем говорит около 40.000 человек. Турецкие курды редко умеют читать и говорить по-курдски, но поскольку их язык в Дании не запрещен, чувство национального самосознания среди курдов усиливается, и в стране выпускается курдская литература. Все же отношение курдов к своему языку весьма прагматическое, и обучение родному языку почти не ведется, поскольку родители предпочитают более употребительный турецкий язык.

Обучение национальному языку добровольное, однако боязнь раскола датского общества по этническому признаку привела к стремлению ограничить преподавание родного языка. Если отбросить чисто экономические мотивы, с одной стороны в этом можно видеть наступление на языковые права меньшинств, а с другой стороны - бессмысленную трату ресурсов. Не имея природных богатств, Дания

должна жить полагаясь на высокий образовательный уровень и разнообразие способностей граждан. В то время как знание английского, немецкого и французского языков традиционно поощряется, в языках новых национальных меньшинств явно видят угрозу, а не приобретение. Даже в кругах, связанных с системой образования весьма распространена точка зрения, что новые национальные меньшинства должны перестать говорить на иностранных языках и стать датчанами.

Многие годы идут и жаркие дискуссии по поводу "гетто". Естественное стремление иностранцев селиться рядом, чтобы быть в состоянии поддерживать друг друга (что делали и датчане, когда, например, эмигрировали в Америку или Аргентину) рассматривается как угроза однородности датского общества и является предметом постоянного беспокойства и публичных обсуждений. Хотя общая доля иностранцев, включая скандинавов, в населении Большого Копенгагена лишь 5%, есть места, где концентрация их значительно выше, например, район Вестербро, в центре города, или южный пригород Исхой (15% и 12,5% соответственно). Такая концентрация может, конечно, вызвать беспокойство, когда, к примеру, большинство детей в первом классе составляют недатчане. Система образования никоим образом не готова решать вытекающие из этой ситуации языковые и культурные проблемы.

В Дании нет законодательства, направленного на защиту прав национальных меньшинств как групп, а лишь их членов индивидуально, как например, право на обучение датскому языку. В районе Копенгагена многие иммигранты сами участвуют в преподавании датского языка, и это в действительности было важным финансовым подспорьем в попытках иммигрантов организовать себя. Большая часть лидеров крупных иммигрантских организаций живут или жили преподаванием датского языка своим соотечественникам. С 1981 г. иностранцы имеют право избирать и быть избранными на местных выборах при условии достижения 18-летия и не менее чем трехлетнем сроке проживания в стране. На последних местных выборах в 1989 г. на выборах в муниципальные советы были выдвинуты кандидатуры почти 100 иммигрантов. В Большом Копенгагене было избрано 11 иммигрантов: 7 турок (четверо из них - курды), пакистанец, югославский валах, марокканец и иорданец. Они представляют социал-демократическую (7), социалистическую народную (2) и либеральную (1) партии. Вне Копенгагена был избран один иммигрант (турецкий курд).

Таким образом, несмотря на распространенную враждебность населения, датское общество обеспечивает меньшинствам право на свободу слова, свободу организаций, свободу действий (в том числе политических), как и любой группе граждан. Оно даже до некоторой степени финансирует часть этой деятельности, так что иммигрантские организации могут обращаться за финансовой поддержкой. С другой стороны, новые меньшинства не рассматриваются как меньшинства, имеющие групповые права, а лишь как отдельные иностранцы, находящиеся на пути к превращению в датских граждан.

Поддержание и развитие культуры меньшинств и инфраструктуры, обслуживающей ее нужды, требует определенного количества людей, и в конечном итоге сомнительно, будет ли это возможно для любого из новых меньшинств в Дании. По-видимому, лишь турки, курды, пакистанцы и арабы имеют шанс, поскольку их численность превышает 10.000. Это печально, поскольку разнообразие жизненно необходимо, если мы надеемся в будущем иметь общество, обладающее достаточным разнообразием ресурсов, чтобы справиться с непредвиденными условиями завтрашнего дня, который, несомненно, будет этнически, лингвистически и культурно более смешанным, чем сейчас.

Перевод с английского Г.Розова

МЕНЬШИНСТВА В ПОСТ-ИМПЕРСКОМ МИРЕ

Г. Ч. Гусейнов
(Москва/Гейдельберг)

То, что происходит в СССР, описывается как распад (мягче - кризис) советской (шире - российской) империи. Заманчивая достоверность напрашивающихся параллелей (Австро-Венгрия, Римская, Османская и Британская империи, в новейшей истории - Югославия и Чехословакия) мешает определить специфику нашей ситуации. Тем временем необходимость подогнать анализ положения в стране под ожидаемые людьми практические рекомендации заставляет многочисленных экспертов или претендующих на эту роль авторов непосредственно вмешиваться в процесс, своеобразно экспериментировать в рамках чужого наблюдаемого эксперимента.

Поэтому прежде чем выяснять какие бы то ни было обстоятельства "распада империи", необходимо хотя бы в самом общем виде описать условия интеллектуальной работы тех, кто производит нарастающий информационный шум, находясь внутри процесса и действуя в реальном масштабе времени.

Этот предварительный самоанализ исследовательского сообщества, каким бы болезненным он ни был, представляет собой первостепенную чисто академическую задачу, ибо никто из участников дискуссии не может похвастать тем, что имеет здесь дело с отвлеченной научной проблемой. Политическая и, что гораздо важнее, житейская вовлеченность в обсуждаемую социальную драму заведомо снижает качество выводов. Желание получить достоверный результат вступает в разрушительное противоречие со "стремлением к правде", а в более острых случаях - с "алканием истины, добра и красоты".

Речь идет, следовательно, как о введении поправки на соучастие, так и о попытке трезвого личного самоопределения исследователя. Без такой, возможно, скучной процедуры неизбежно превращение коллективной научной экспертизы в политическую дискуссию за-

долго до освоения ее участниками приемлемого временного языка общения.

Мы начинаем с языка прежде всего потому, что сами являемся частью некоей переживающей смертельный кризис системы. Субъективно честное желание отмежеваться от этой системы или скрыть от себя самого свою причастность к ней не только затрудняет поиски смысла того, что происходит в Советском Союзе, но заодно отнимает у чающих свободного самоопределения то знание о самих себе, которое на протяжении нескольких десятилетий было, а для многих еще остается "преступлением мысли".

Важно поэтому не просто договориться о терминах ("империя", "этническое меньшинство", "самоопределение", "автономия" и многое другое), что легко сделать, перелистав хотя бы соответствующие параграфы устава ООН или резолюции ее Генеральной Ассамблеи, с тем, чтобы затем заполнить время риторическими упражнениями на темы "национального возрождения" или "сохранения державных основ".

Важно понять, что не только социальные конфликты - гражданские и национальные - разворачиваются в пост-имперском пространстве от Дуная и Эльбы до Чукотки, но и все действующие на этом пространстве силы - от частных лиц до этнических групп - не только объединены общим имперским прошлым, но и обречены на общее пост-имперское развитие. Эта общность, несмотря на весьма существенные отличия между регионами в уровне насилия и цене одной человеческой жизни, вызывает чрезвычайно острую реакцию у всех включенных в нее историей человеческих существ.

Однако сегодня отказ от "членства в имперском пространстве" стал самым популярным лозунгом всех демократических движений. Вежливым обозначением этого отказа является формула "рост национального самосознания".

Тоталитарный режим, пришедший на смену российскому абсолютизму и к концу Второй мировой войны расширивший границы унаследованного имперского пространства, деперсонализировал гражданское общество, закрепив этничность в качестве критерия административной иерархии. Вследствие этого, с одной стороны, был сделан шаг назад от империи как государственности с заложенными в ней поте-

ниями наращивания личных прав подданных ценой перевода этничности в разряд частных семейно-бытовых предпочтений (что, хотя и не всегда означает в перспективе ассимиляцию, однако делает ее весьма вероятной). С другой стороны, это означало постоянную и незаметную индоктринацию населения идеями национальной обособленности, напряженность которой обеспечивается в большинстве случаев мало обоснованным "фольклористическим нарциссизмом" и находящим с каждым днем все больше пищи чувством национальной ущемленности.

Таким образом, тоталитарный режим не смог восстановить империю на доставшихся ему в наследство руинах, хотя, например, Сталин субъективно стремился, видимо, именно к реставрации. "Игра в независимость", как назвал Сталин республиканское устройство Союза ССР (см. "Известия ЦК КПСС", 1989) в действительности зашла слишком далеко. По истечении всего нескольких десятилетий "ненастоящие" республиканские административно-хозяйственные структуры, с второсортностью их продукции и феодально-деспотическим режимом, карикатурно воспроизводившим карикатурный кремлевский образец, стали казаться реальностью, а то, что только и было подлинным, - союзная военно-промышленная машина - стало казаться фикцией. Коллективная личность "советского человека" не развалилась, но лишь "перестроилась" под давлением "человека республиканского".

Частное лицо, осознавшее несводимость своего статуса ни к этничности, ни к каким бы то ни было формам опороченной советской государственности (в том числе республиканской), могло десятилетиями утолять неполноту гражданской и политической жизни либо национальным романтизмом, либо попытками спрятаться от "компактного большинства" в тесной профессионально-конфессиональной нише. Сегодня коллективная личность бывшего советского человека лишь поменяла маску, из-под которой доносится все тот же знакомый голос толпы, требующей "воли" для себя, для компактного большинства, желающей укрепиться в роли большинства хоть на клочке земли, дабы навсегда избавиться от проклятого статуса меньшинства.

Почему малейшая попытка "перестроить" тоталитарный режим должна была привести к стремительной "большевизации" национального

романтизма и вместо ожидаемого "роста творческой активности" начала выталкивать из страны людей по признаку неотъемлемой принадлежности к меньшинству - к математикам или немцам, инженерам или армянам, студентам или евреям?

Почему в ответ на объявленную и в значительной мере приведенную в исполнение либерализацию режима миллионы его вчерашних уstraшенных подданных вступили в смертельную схватку и с ним самим, и друг с другом?

Почему утоление "метафизического голода" (Г. Федотов) трех поколений завело столь многих из нынешних властителей дум и их многомиллионную паству к той же идеологии большого народного тела, что на наших глазах привела все "пост-имперское пространство СССР" к одичанию и обнищанию?

Ответ на эти вопросы до боли прост: советский человек, субъект происходящего, тот делатель, вершитель истории, что был создан на одной шестой части суши к середине нашего столетия, выработал режим поведения, изоморфный режиму обращения с ним. Эта изоморфность, разумеется, не означает тождества: убитые солдатами в Прибалтике гражданские лица останутся жертвами, а солдаты и их командиры убийцами.

Политическая же ответственность остается предметом бесплодных пока дискуссий между глухими говорунами, с каждым днем все отчетливее обнаруживающими свое ближайшее идейное родство с "отцом народов". Политическое противостояние демократически избранных республиканских парламентов (принимающих безусловно неконституционные законы) и не вполне легитимного союзного руководства (призывающего следовать конституции, дважды переписываемой на протяжении жизни каждого поколения) только обостряют агрессивное-депрессивное состояние общества, не находящего мирных коммуникативных средств для выяснения взаимных претензий.

Предмет спора очевиден: легитимация собственности и легитимация власти. Механизм спора традиционен. Театр военных действий примерно равен по площади ТВД Первой мировой войны. Мучительный вопрос, на который необходимо искать ответы: почему в данной социо-культурной среде отсутствует язык как для выяснения отношений, так и для элементарной трезвой самооценки? Или иначе, почему политический процесс размежевания людей в пост-имперском про-

странстве не продержался на парламентском уровне и все дальше сползает от бездарной самодеятельности "местного населения" к неприкрытому разбою вооруженных танками и бюджетом центральных органов?

В качестве варианта ответа есть смысл говорить о том, что мы имеем здесь дело с не оправдавшимися политическими ожиданиями. Выбор, предоставленный советским людям "простого звания" на бывших имперских окраинах, делается в пользу лидеров типа Гамсахурдиа, а стало быть - против компромисса между большинством и меньшинством. Выбор, предоставленный советским власть имущим, делается в пользу беззастенчиво лгущего Павлова и против Шеварднадзе, в пользу самодеятельности вооруженных сил и против самодеятельности гражданского общества. Иными словами, все происходящее есть следствие не расчета, но почти мгновенного (после 1985 г.) вступления в действие инстинктов - все менее осмысленно алчущей воли толпы и бессмысленно до последнего момента цепляющейся за престол власти, которая, в сущности, есть тоже не что иное, как толпа.

Статус большинства/старшинства, который обе политические силы сочли для себя единственно приемлемым, может быть оспорен только при поддержке меньших и младших соратников.

В противостоянии все менее персонализированной власти все более однородному в бесправии и нищете народному телу меньшинства и маргиналы не могут сохранить оптимальный социальный статус. Редчайшие случаи его повышения внутри прежней системы (крымские татары) или по отношению к ней извне (советские немцы - переселенцы в Германию) только подчеркивают общую неблагоприятную картину на всем пост-имперском пространстве как геополитическом целом.

Меньшинства и маргиналы находятся в стране в той области политического и физического спектра, которая сгорает или угасает первой, поэтому в попытке избежать "окончательного решения" своего вопроса данные группы людей и вненациональные индивиды склонны к принятию наиболее рациональных решений и к выработке - даже в условиях нарастания массовых психозов в своей среде - временной примирительной стратегии. Нежелание оказаться в положении "меньшинства в меньшинстве" (более подробную разработку

см. в статье: В. Цымбурский. Эстонские заметки. - В кн.: "Ожог родного очага". М., 1989/1990, с. 138-139) заставляет меньшинства искать временного союза с более сильным. Такой союз необходим либо для организации бесконфликтного переселения, либо в ожидании распада советского государства и возникновения новых условий для жизни бесправного меньшинства во вновь созданном государстве национальном.

Серьезное оживление национал-социалистической риторики в традиционно многонациональных республиках (например, в Грузии) будет способствовать поддержке со стороны республиканских меньшинств той новой интегративной идеологии, которая могла бы оставаться как нацификацию республики, так и поиски самим меньшинством другого места под солнцем. Нежелание в ряде случаев иметь дело с новым союзным правительством и старым президентом не отменяет объективной заинтересованности меньшинств в наличии на едином политическом пространстве возможно большего числа субъектов с тем же набором гражданских и политических прав.

То обстоятельство, что горбачевский режим, при всей неоспоримости осуществленной им политической либерализации, демонстрирует свою приверженность интеграции во внушающем тревогу стиле и в формах военно-фискальной диктатуры, может задержать формирование приемлемого для меньшинств политического языка, с помощью которого они смогли бы перейти к новой для себя роль посредников.

Понимание нынешнего режима как междуцарствия вынуждает всех участников процесса делать столь различные допущения относительно абсолютной продолжительности этого периода, что единственным интегративным фактором для нас становится нестерпимость ожидания. Она обострена еще и всеобщим стремительным разочарованием друг в друге. Это о нас (в том числе обо мне) сказал полстолетия назад Г.П.Федотов: "Люди, воспитанные в восточной традиции, дышавшие вековым воздухом рабства, ни за что не соглашаются со свободой для немногих, хотя бы на время. Они желают ее для всех или ни для кого. И потому получают "ни для кого". Им больше нравится царская Москва, чем шляхетская Польша. Они негодуют на замысел верховников, на классовый эгоизм либералов. В результате на месте дворянской России - империя Сталина" ("Рождение свободы").

*СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И ЭТНИЧНОСТЬ:
К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЙ*

*Ларс Денцик
(Университет Роскиле, Дания)*

Вступление

Следующие замечания сводят вместе два основные понятия в дискуссии о правах меньшинств, а именно понятие социального конфликта и понятие этнической идентичности. Оба понятия являются ключевыми для понимания межгрупповых отношений вообще и формирования групп как этнических меньшинств, действующих относительно других социальных групп, в частности.

"Конфликт" часто означает положение дел, определенный тип социальной ситуации или процесса. Здесь, однако, он будет означать скорее особый взгляд на социальную жизнь. При таком подходе конфликт представляется эндемичным по отношению к структуре межгрупповых отношений: они содержат скрытые конфликты, трансформация которых в направлении явных конфликтов более или менее легко приводится в движение в процессе социального развития. Здесь должно быть введено понятие скрытой этнической идентичности, поскольку оно является решающим для понимания динамики социального конфликта и дает возможность постичь трансформацию от потенциальной идентичности к действительной социальной идентичности. В этом контексте первостепенный интерес представляет вопрос о том, каким образом стороны, участвующие в этнических отношениях, превращаются в деятелей, то есть – как они описывают ситуацию и идентифицируют самих себя.

По-видимому, распространенные представления состоят в том, что усиленные проявления этнической идентичности сопровождают – а иногда могут даже провоцировать – проявления конфликтных отношений и конфликтного поведения. Здесь мы скорее предположим об-

ратное, а именно, что именно те идентичности, которые проявляются в ходе конфликта, имеют тенденцию принимать характер "этнических". Согласно Барту [Barth 1969], этнические группы появляются в социальной жизни тогда, когда люди используют характеристики идентичности для описания самих себя в целях упорядочения взаимодействия между ними. Таким образом, это не культурное содержание как таковое, а скорее механизмы, которые поддерживают границы между группами, которые заставляют группы осознавать друг друга и самих себя как "этнические". Мы трактуем этнические идентичности как появляющиеся в результате процесса социального конфликта и поддерживаемые им.

Через такие механизмы, как наклеивание ярлыков, поляризация, маргинализация, дискриминация и подавление индивиды начинают воспринимать себя как разделяющих "судьбу" с другими людьми, находящимися в том же трудном социальном положении. Участники конфликта, однажды определенные через процесс наклеивания ярлыков, поляризации и так далее, будут иметь склонность считать себя "определенным видом", имеющими собственное специфическое сочетание характеристик, которые отличают их от других подобных "этнических" групп. "Запущенный" таким образом процесс категоризации и самокатегоризации имеет обыкновение влиять на процесс взаимодействия между группами. Согласно этому взгляду, участники вступают в конфликты (столкновения) не потому, что они "этничны", но напротив, то, что они воспринимаются другими и воспринимают себя как участники столкновения, заставляет их стать "этничным".

Этот процесс называют "этнификацией", процесс менее наблюдаемый, но в действительности, такой же возможный, как и противоположный процесс "деэтнификации", известный также как ассимиляция. Фактически конфликтное поведение и конфликтные отношения являются, по-видимому, наиболее эффективным средством поддержания и укрепления таких границ, а отсюда также и этнических идентичностей данных сторон.

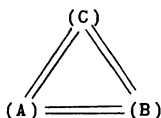
Однажды сформированные таким образом этнические идентичности сторон по отношению к конфликту становятся активным фактором сами по себе, влияя на процесс конфликта, который создал их и благодаря которому они неоднократно усиливаются и иногда трансформируются. Если у сторон, вовлеченных в конфликт, существует не-

кая особенность, которая была классифицирована как "этническая" черта, вероятно, что стороны будут иметь тенденцию поляризоваться скорее по этому признаку, чем по произвольному, так что конфликт выкристаллизовывается как этнический, например, как противоречие между этническим меньшинством и этническим большинством, а не как классовый или региональный конфликт.

Соответственно, набросок формулировки, которая должна быть детально разработана впоследствии, может звучать так: социальные конфликты порождают этнические идентичности, а проявления этнических идентичностей могут порождать социальные конфликты.

Понятие социального конфликта

"Конфликт" может быть определен следующей моделью:

[Galting, 1978]

Отсюда существуют три различные, но взаимосвязанные значения "конфликта", а именно:

(А) конфликтные отношения, направленные на некую подсистему враждебных отношений. Этнические предрассудки и стереотипы могут быть проанализированы и как факторы, выявляющие, поддерживающие и продлевающие конфликтное поведение, и как ментальные следствия такого поведения. В обоих случаях они являются четкими примерами конфликтных отношений;

(В) конфликтное поведение: имется в виду поведение, которое лишает свои объекты определенных ценностей. Следует отметить, что "конфликтное поведение" - это не то же самое, что поведение в конфликтных ситуациях (которые могут быть очень разных типов);

(С) конфликт, эквивалентный социальному противоречию и несоответствию, относящийся к ситуации или положению дел, где никакое возможное (пере)распределение ценностей не удовлетворяет интересы всех участвующих сторон.

Для анализа конкретного конфликта существенно то, кто его определяет - участники или посторонние наблюдатели.

В первом случае, в мире деятелей, которые образуют основные и второстепенные группы (и являются не только "категориями"), цели поведения определены самими деятелями. Они не могут, в принципе, ошибиться относительно них - хотя, конечно, не относительно целей друг друга - и роль внешнего наблюдателя заключается в том, чтобы попытаться понять, как участники определяют свои цели. Однако могут быть разногласия между тем, как один или большее число деятелей определяют ситуацию и как внешний наблюдатель воспринимает ее. Например, деятели могут увидеть конфликт там, где внешний наблюдатель его не видит и, таким образом, описывает ситуацию как "псевдо-конфликтную", подразумевая, что даже данные участники не увидели бы никакого конфликта, если бы они были больше информированы о действительных целях друг друга.

Во втором случае, внешний наблюдатель, например, исследователь или комиссия центрального правительства определяет участников конфликта, а также их интересы и отсюда делает вывод, может ли быть найден компромисс между их интересами или нет. Если индивидуумы, вовлеченные в конфликт, думают иначе, то значит ими манипулируют, они страдают от "ложного сознания" и так далее.

Что же происходит, когда участники, вовлеченные в конфликт, и влиятельный внешний наблюдатель по-разному оценивают наличие и природу конфликта?

Эмпирически довольно часто встречающийся случай несогласованности между этими точками зрения возникает тогда, когда участники воспринимают конфликт как игру с ничейным результатом, тогда как внешний наблюдатель описал бы тот же самый конфликт как конфликт, не приводящий к ничьей. По мнению внешнего наблюдателя, причину того, что данные деятели воспринимают ситуацию, как "ничейный" конфликт, можно было бы искать в недостатке информации деятеля о конфликтной ситуации, как таковой и/или в психологических механизмах искажения восприятия, которое имеет место в ситуации. Деятели могут быть, например, настолько ослеплены своими конфликтными отношениями, что окажутся неспособны воспринимать объединяющие аспекты в конфликтной ситуации.

Во введении было сказано, что конфликт может рассматриваться

как особый взгляд на социальную жизнь. В социальных науках этот взгляд был представлен такими разными учеными, как Маркс, Парето и Дарендорф, заявляющими, что "естественное" состояние социальной системы – быть в состоянии конфликта, и "нормальное" проявление этого – это некий вид борьбы, или конфликтное поведение. При таком подходе объяснения требует отсутствие явного конфликта. Согласно противоположному, "интеграционному", подходу, который доминировал в функциональной традиции социальных наук, гармония является "естественным" состоянием социальной системы, а объяснения требуют конфликтное поведение и конфликтные отношения.

От того, какой подход будет принят, зависит, очевидно, и то, что будет считаться решением конфликта.

Конфликтный треугольник (АВС), показанный выше, может быть использован для того, чтобы изобразить шестью его стрелками несколько из возможных движущих сил этнических конфликтов. Но существует одна важная характерная черта, которая отсутствует в простом треугольнике: возможное противоречие, отмеченное выше, между "конфликтом", определенным как субъективные цели участников, и "конфликтом", определенным на основе научной теории интересов. Удачный подход к этому заключается, вероятно, в том, чтобы спросить, при каких обстоятельствах возникает это противоречие.

Важно отметить, тем не менее, что какие бы структурные объяснения ни использовались в отношении конфликтной ситуации, индивидуумы, вовлеченные в нее, будут действовать в соответствии с теми категориями и критериями, с помощью которых они интерпретируют ситуацию. Агрегация этих действий повлияет, в свою очередь, на движущие силы конфликта и вызовет изменения в структуре.

Каковы тогда механизмы, благодаря действию которых возникает тот особый вид социальной идентификации, который для самого участника и/или других определяет его как члена какой-то этнической группы, действующее лицо в социальном конфликте?

Чтобы ответить на этот общий вопрос, требуется эмпирическое социально-психологическое исследование, которое выяснило бы процессы, определяющие изменения в конфликтных ситуациях, такие как:

- а) при каких условиях одна или более сторон в многоэтничес-

ком окружении переходит от спокойного состояния к осознанию несоответствия. С точки зрения участников это – возникновение конфликта; со структурной точки зрения это означает, что имманентный скрытый конфликт стал явным (стороны "осознали его");

б) как в этнически определенном конфликте деятели мобилизуются и организуются как общественные силы;

в) как, вследствие изменений в конфликтной структуре, проявления конфликтного поведения изменяется от первоначального только этнически выразительных к постепенно все более практическим действиям.

Понятия этничности и этнических конфликтов

Понятия "социальной идентичности" [Tajfel, 1982] относятся к границам идентичности личности, определяющим ее как принадлежащую к какой-то социальной категории, которая в свою очередь до некоторой степени уникальна по отношению к другим категориям. То, что определяет ее как принадлежащую какой-то социальной категории, относится к тем аспектам ее социального поведения, в которых другие относятся к ней как к члену определенной группы, а не только как к индивидууму. Любой индивидуум принадлежит к нескольким группам, и относительная характерная черта определенной грани идентичности, например, этническая грань, изменяется в соответствии с окружением. Динамического взгляд на конфликты должен учесть процесс социальной идентификации. Социальная идентичность многомерна и включает несколько динамических возможностей:

1) "Объективная идентичность" индивидуума, или группа, к которой он принадлежит, может совпадать или не совпадать с той субъективной идентичностью, которую он предпочитает, или с его референтной группой.

2) Идентичность, которую принимает индивидуум, может совпадать или не совпадать с определением, данным другими, здесь называемому "alter-определенной идентичностью". Его "самоопределенная" идентичность может быть принята или отвергнута другими, а его alter-определенная идентичность может быть принята или отвергнута им самим.

3) Явная социальная идентичность обозначает идентичность,

которую, в соответствии с объективными и/или субъективными критериями, в действительности имеет человек; и скрытая социальная идентичность, то есть социальная идентичность, которую индивидуум мог бы проявить, если возникнут определенные условия, например, социальный конфликт.

4) Абсолютная идентичность - это нечто такое, что вы или имеете или не имеете вообще. Относительная идентичность - это то, что вы можете иметь в различной степени. Характер социальной идентичности личности может изменяться между этими двумя полюсами, в зависимости от развития конфликтного процесса, в который вовлечен человек.

5) Свойство, определяющее социальную идентичность, может быть приписано или приобретено. Какая величина относится к чему - может различаться от общества к обществу.

Этничность создается социально. Она считается с характеристиками, которые обозначены определенной этнической категорией, а также с оценками, связанными с этими характеристиками. Это означает, что распределение власти необходимо учесть, если мы хотим понять, какие категоризации осуществляются в социальном окружении. Власть - это, среди прочего, еще и власть определять реальность. Точно так же социальные конфликты имеют тенденцию содержать также конфликт по поводу власти осуществлять категоризации и определять идентичности. Посмотрите, как используется понятие "раса". В некоторых обществах оно социально создается на основании цвета кожи, в других - на основании реального или фиктивного происхождения, а в третьих - на основании социального статуса [Banton, 1983]. Членов данного общества можно отнести к двум или нескольким "расам". Разграничительная линия между, например, "черными" и "белыми" проводится по-разному в различных обществах. Что значит "быть черным" - различается во времени и пространстве, как и социальные последствия в терминах престижа, эндогамии и так далее.

Современное социальное развитие вызвало усилившуюся географическую и социальную подвижность вкупе с усилившимся плюрализмом. Сегодня "идентичность" - вызов в большей степени, чем она была в прошлом. Вероятность того, что это приведет к еще более явным конфликтам по поводу власти осуществлять этнические кате-

горизации также увеличилась.

Если мы хотим понять этнические конфликты, мы должны изучать именно конфликт, а не этничность. Но даже здесь нам нужны критерии для определения группы как этнической. Вслед за Е.Аллардтом мы предлагаем:

- 1) само-категоризацию (само-идентификацию),
- 2) экстракцию (происхождение),
- 3) культурные характеристики, например, язык,
- 4) социальную организацию для взаимодействия как в пределах группы, так и с индивидуумами, не принадлежащими к ней.

Зачастую индивидууму достаточно отвечать одному из этих критериев для того, чтобы быть включенным в этническую категорию или группу.

Этнификация и деэтнификация относится к изменениям в степени, в которой индивидуумы, удовлетворяющие критериям 2 и/или 3 и/или 4, категоризуют себя по этим критериям.

Для того чтобы группа была "этнической", а не какой-либо еще, характеристики, описывающие ее, также должны быть достаточно постоянными, аскриптивными и наследственными, оставляющими открытой возможность для индивидуумов изменить этничность в течение жизни, но исключающими ряд социальных классификаций, таких как добровольное членство, социальный класс, пол и так далее.

Для того, чтобы определить границы понятия "этнического конфликта", мы должны также уметь различать между теми конфликтами, где стороны лишь случайно оказались в различных этнических группах, то есть конфликтами, которые случайно являются этническими и конфликтами, где этническая принадлежность является самой его сутью, т.е. этническими по существу - такие как конфликты меньшинство-большинство.

Это возвращает наш анализ к решающему вопросу: что определяет, когда и как стороны в конфликте выкристаллизовываются в действующих лиц.

По отношению к кристаллизации деятелей К.Либкинд [Liebkind 1984] считает, чтобы в особых случаях, таких как военные конфликты, некая специфическая социальная идентичность способна функционировать, почти вытесняя все социальные. Наш тезис заключается в том, что:

а) явные социальные конфликты кристаллизуют и поляризуют социальные идентичности, и

б) этнические категоризации - пусть даже они необязательны - склонны выступать в качестве таких кристаллизующих идентичностей.

Кристаллизация более вероятна

1) когда данные группы уже имеют некоторое основание для самокатегоризации, например, общий коллективный исторический опыт, символы и т.д.;

2) когда членство в группе очевидно (легко устанавливается), так что члены группы рассматриваются как таковые в любом случае;

3) когда грань идентичности, определяющая группу, существенна для более глубокой социальной идентичности многих ее членов,

и 4) когда конфликт допускает простые, легко понятные социальные категоризации.

Этнические группы имеют тенденцию в большей степени удовлетворять этим условиям, чем другие группы. Очевидность членства, по-видимому, находится под влиянием внешней группы и важности, которая приписывается членству в этнической группе на основании, например, стереотипов и дискриминации. Члены этнической группы будут иметь небогатый выбор поведения, поскольку у них будут трудности как в том, чтобы покинуть группу, так и в том, чтобы скрыть свое членство. В случае оказания поддержки и защиты этничность группы, вероятно, станет важной стороной социальной идентичности ее членов, также она будет управлять лояльностью группы, что, в свою очередь, будет иметь тенденцию усиления стереотипов.

В современных обществах институционализация имеет тенденцию быть высокой для конфликтов между экономическими деятелями и между территориальными деятелями, но низкой для этнических деятелей (за исключением тех случаев, где они выступают в качестве территориальных деятелей, будучи автохтонными и географически компактными). Когда возникает конфликт этнического характера, обычно не существует какого-либо ранее существующего социального механизма решения конфликта, и поэтому есть вероятность, что он обострится по всем направлениям: отношения, поведение и цели, подстегивающие друг друга. Это приведет к усилению внутренних

связей, выявленности и групповой лояльности этнических групп, которые возникли как конфликтные деятели, и приведет к стабилизации их как таковых. Коль скоро процесс начнется, можно ожидать позитивной обратной связи между этнической кристаллизацией и эскалацией его в конфликт идеологических ценностей. Этнические конфликты будут иметь тенденцию быть "неразрешимыми", длительными и жестокими.

Социальные конфликты и этничность: пять тезисов

Тезис 1: Этническое возрождение в данную эпоху – это результат конфликтов, возникающих из современного строительства государства.

Существует заметное увеличение конфликтов, определяемых как этнические, как на Европейской периферии, так и в новых пост-колониальных государствах. Этно-региональные движения являются наиболее значительными источниками вооруженных конфликтов в мире сегодня.

Централизация государственного регулирования подразумевала усиление Gesellschaft-характера общества и подрывала гражданскую регуляцию общества, т.е. ослабляла традиционный Gemeinschaft-характер общества. Это бросает вызов возможности индивидуума к социальной идентификации, порождая сначала "реактивную", а затем – когда централизованное регулирование государства благодаря изменениям в политическом руководстве и мерах контроля станут все более и более делигитимированы – также "проактивную" мобилизацию вокруг их этнической принадлежности. Человеческое разнообразие, по-видимому, становится особенно заметным, когда центральная социальная власть атакует социальную значительность определенного варианта. В случаях подавления культурная мобилизация имеет тенденцию принимать характер политизированной этничности. Возрождение этничности облегчается распространением современных методик, обеспечивающих дисперсные этнические группы национальных меньшинств лучшими возможностями строительства этнического сознания, социальной организации и проявления конфликта по отношению к этнической группе национального большинства.

Тезис 2. Когда как этнические, так и неэтнические категори-

зации определяют оси явного конфликта в обществе, поляризация, основанная на первых из них, получает первенство.

Этот тезис не говорит ни о том, что этнические расколы в обществах всегда приобретают первостепенное значение, ни о том, что этнические конфликты являются более "фундаментальными", чем, скажем, классовые конфликты в обществе. Он говорит лишь о том, что этническое родство, основанное на наследственности (реальной или мифической), общей исторической судьбе, язык и/или религия кристаллизуется как ядра поляризации и контуры мобилизации в процессе социального конфликта.

Этничность привносится уже в первичную социализацию, и поэтому для индивидуума мир в основном создается и объясняется ею. Этничность, соответственным образом приписанная, перманентная и явная будет провоцировать противников в конфликте рассматривать друг друга в терминах их этничности, что также проявит более широкий спектр социальных ситуаций, по отношению к которым защиту можно искать в основном в собственной этнической группе. Чем большую угрозу существованию предполагает ситуация, тем более вероятно, что этническая характеристика индивидуума будет представляться существенной, тогда как другие аспекты будут казаться относительно второстепенными.

Тезис 3. Этнические идентичности и этнические группы создаются и усиливаются в ходе процессов социального конфликта.

Именно границы между группами регулируют их социальные взаимодействия. Явные конфликты имеют тенденцию давать конфликтующим группам более четкие границы и групповые идентичности. Характеристики, которые считались ранее малосущественными, могут приобрести большее значение. Ф.Барт [op.cit.] предположил, что этнические группы возникают, если и когда люди используют этническую идентичность для классификации самих себя или других в целях регулирования взаимодействия. Соответственно, "объективные" этнические различия могут в действительности быть созданы через процессы социального конфликта: группы создаются как этнические сущности иногда путем слияния малых групп перед лицом общего угнетателя, иногда расщеплением того, что раньше было "одним народом". Даже если, рассматриваемые с чисто биологической, филологической и так далее точки зрения, они не наверняка являются эт-

ническими сущностями, то, сформировавшись однажды как деятели, они будут развиваться как действительные этнические сущности с социологической и политической точки зрения. Ярким современным примером является этническое создание палестинского народа учреждением государства Израиль.

Тезис 4. Чем более исключительна этническая группа, тем больше его потенциал выживания.

Этнические группы могут стать дезэтнизированными, т.е. их члены могут ассимилировать в окружающее большинство. В действительности многие - вероятно, большинство - этнических групп, которые существовали в истории, исчезли таким образом. Но почему некоторые упорствуют как отличные от других этнические группы?

Чем большее число параметров, определяющих группу, и чем выше степень соответствия среди этих параметров, тем более исключительна группа. И чем более она исключительна, тем менее она подвержена ассимиляции. Этническая группа, которая является уникальной в одно и то же время в плане наследственности, религии и языка, исчезнет и появится с меньшей вероятностью, нежели группа, выделенная лишь по одной характеристике; чем сильнее взаимосвязаны параметры, тем сильнее будут выделенность ее членов.

Еврейский народ - пример народа, который являлся исключительным в этом социологическом смысле. Палестинский народ - пример народа, который более склонен к ассимиляции в окружающий его арабский и исламский мир - если конфликт с Израилем прекратится.

Тезис 5. Этнические идентичности изменяются с развитием конфликтного процесса, в который вовлечена группа.

Когда модели конфликта и власти остаются теми же самыми в течение долгого времени, самоопределение и alter-определение социальной идентичности групп будет иметь тенденцию к конвергенции. Вслед за изменениями в модели конфликта они будут стремиться к расхождению. Новые границы могут привести к измененным дефинициям. Например от еврейский/арабский в израильский/палестинский. Центральными аспектами, определяющими (как через самоопределение, так и через alter-определение) идентичность деятелей, также могут смешаться: от родового сознания к "террористам", от изучения талмуда к "территориальной экспансии".

Несмотря на краткосрочную инерцию этнических стереотипов, в

ходе длительных конфликтов содержание этничности создается процессом социального конфликта, в который вовлечены группы.

Подводя итоги, можно сказать: там, где имеет место конфликт, деятели формируются в соответствии с процессом социальной идентификации, в котором этнические разделения деятелей становятся параметром социальной кристаллизации. Далее, этнификация деятелей имеет место благодаря течению конфликтного процесса, а это, в свою очередь, влияет на структуру самого социального конфликта, заставляя его превратиться в "неразрешимый" и отчаянный конфликт целей.

Литература

Allardt E. (1978): Modernization processes and recrudescence of ethnic identities and conflicts. Paper presented at the Conference on Socio-Economic Systems and Modern Orientations, Brussels.

Allardt E. (1979): Implications of the ethnic revival in modern industrialized societies. A comparative study of the linguistic minorities of Western Europe. Helsinki: Commentationes Scientiarum Socialium.

Banton M. (1983): Racial and Ethnic Competition. Cambridge: Cambridge University Press.

Barth F. (ed) (1969): Ethnic groups and boundaries: The social organization of cultural differences. London: Allen & Clavin.

Galting J. (1978): Essays on Peace Research. Copenhagen: Ejlers.

Liebkind K. (1984): Minority identity and identification processes: A Social psychological study. Helsinki: Commentationes Scientiarum Socialium.

Tajfel H. (ed) (1982): Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press.

Перевод с английского Н.Сердюковой

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССИИ

И. В. Каращенко, П. В. Терешкович
(Минск)

На фоне перманентного обострения национальных отношений в СССР положение национальных меньшинств в Белоруссии внешне выглядит достаточно благополучным. Отсутствие конфликтов во многом обусловлено традициями этнической и конфессиональной толерантности, сложившимися еще в XIV–XVI вв. Другая, не менее важная причина – последствия ликвидации в 1930–1940-х гг. практически всех форм культурной автономии этнических меньшинств и в 1930–1980-х гг. структур национально-культурного воспроизводства белорусов. Нивелирующее воздействие господствующей идеологии и социально престижной городской русскоязычной культуры в республике привело в послевоенные годы к вытеснению национальной проблематики на периферию массового сознания. Потребность в четкой этнической самоидентификации, особенно у представителей славянских групп, постепенно снижалась. А национальные отношения в этих условиях, лишившись, по-существу, субъектов самого процесса, прекратились. Деэтнизация зашла настолько далеко, что несмотря на очевидный рост этнического самосознания во второй половине 80-х гг., ситуация существенно не изменилась. Важнейшей проблемой развития национальных отношений становится достижение и поддержание реального консенсуса в крайне болезненных условиях восстановления доминирующего статуса белорусской культуры и национальной автономии этнических меньшинств.

Иноэтнические группы составляют значительную часть населения республики – 2247 тыс. чел. (22,6% – 1989) [1]. При этом очевидна тенденция увеличения их доли в этнической структуре: в 1959 – 18,9%, 1979 – 20,6%. Компактно заселенные районы образуют только поляки. Однако значительная часть их, также как и все другие на-

циональные меньшинства, расселена дисперсно.

Наиболее многочисленную группу небелорусского населения составляют русские - 1342 тыс. чел. (13,2% - 1989). Первые многочисленные группы русских-староверов появились в Белоруссии в сер. XVII в. В конце XVIII в. переселялись чиновники, помещики, солдаты. Приток переселенцев увеличился во второй половине XIX в., когда русский язык занял господствующее положение во всех сферах общественной жизни. В середине XIX в. русские составляли 1,4% населения, в 1897 г. - 4,6%. Фольклорные записи XIX - начала XX в. свидетельствуют о широком распространении среди белорусов негативных стереотипов восприятия русского населения. В 20-30-е гг. в БССР русский язык наряду с белорусским, польским и еврейским получил статус официального, были созданы национальные сельсоветы, школы, отделения в педтехникумах, учреждениях культуры, театры. С развертыванием русификации в послевоенное время необходимость в особых русских учреждениях отпала. До конца 80-х гг. русское население находилось в наиболее комфортных этнокультурных условиях не только по сравнению с другими национальными меньшинствами, но и с белорусами. Новая волна белорусского национального возрождения была встречена с достаточной настороженностью, не выразившейся, тем не менее, в организованных формах протеста.

Процесс белоруссизации развивается медленно и в ближайшее время не угрожает резким изменением привилегированного положения русского населения. Идея групповой консолидации охватила пока крайне незначительную часть русских. В 1990 г. в Минске было создано общество "Русь". Вместе с тем, значительная часть русского населения сочувственно относится к белорусскому национально-демократическому движению. Летом 1989 г. русские составляли до 20% участников Белорусского народного фронта, что значительно выше их доли в этнической структуре населения.

Согласно официальной статистике численность поляков составляет 417 тыс. чел. (4,1% - 1989). В Белоруссии они появились в XII в. Однако, в более поздний период крупные миграции из Польши в Белоруссию не зафиксированы. Большую часть населения, идентифицирующего себя с поляками, составляют католики-белорусы, в различной степени усвоившие польские язык и культуру. 13% из них

считает родным языком польский, 64% - белорусский, остальные - русский. Вместе с тем, польская культурная традиция в Белоруссии имеет многовековую традицию. К концу XVII в. польский язык вытеснил белорусский из государственной жизни и сохранял господствующее положение в интеллектуальной жизни до середины XIX в. В среде полонизированной белорусской шляхты сформировалась блестящая плеяда интеллигенции - М. Огинский, Т. Костюшко, А. Мицкевич, С. Монюшко, Э. Ожэшко. В 20-30-х гг. в БССР был создан польский национальный район, сельсоветы, несколько театров, сектор в АН БССР. С середины 80-х гг. поляки проявляют наибольшую среди национальных меньшинств культурную и политическую активность. В 1989 г. созданы культурные общества, летом 1990 г. - "Союз поляков Белоруссии", издаются две газеты. Национальное движение во многом опирается на поддержку католического клира, рассматривающего все католическое население как польское. Последнее обстоятельство вызывает сильное беспокойство среди белорусской интеллигенции, участников белорусского движения, определенной части руководства республики. Назревающий конфликт выражается в усилении взаимного недоверия, полемике в прессе, локальных этноконфессиональных конфликтах. Одно из проявлений - срыв подписания соглашений между БССР и Польшей в конце 1990 г.

Украинцы появились в Белоруссии сравнительно недавно - в конце XIX в. В 1926 г. - 35 тыс. чел. (0,6%), в 1989 - 291 тыс. чел. (2,9%). Родным языком украинский считает 45% украинцев Белоруссии (1989), 5,5% - белорусский, остальные - русский. Стремление к консолидации выражено слабо. В 1989 г. в Минске создано общество "Заповіт".

Евреи - единственная национальная группа, сохранившая в силу сложившихся обстоятельств определенную этническую целостность. В Белоруссию переселились из Германии в XIV-XVI вв. Численность евреев была подвержена значительным колебаниям: в середине XIX в. - 350 тыс. человек (10,5%), 1913 г. - 1250 тыс. человек (14,1%). В результате массовых миграций после 1917 г. к 1939 г. численность составила около 750 тыс. человек (8,2%). Свыше 80% белорусских евреев было уничтожено во время Второй мировой войны. В 1959 г. - всего 150 тыс. человек. Дальнейшее сокращение связано с эмиграцией в Израиль. Одна из причин эмиграции - оживление

антисемитских настроений в 60-80-х гг., как следствие официальной антисемитской пропаганды. В 1989 г. в Белоруссии осталось 111 тыс. евреев. В 1920-1940-е гг. существовали разнообразные формы еврейской культурно-национальной автономии. Закрытый в 1949 г. Государственный еврейский театр С. Михоэлса был последним "нацменским" учреждением в республике. В 1988 г. евреи первыми воссоздали деятельность культурных обществ (в Минске и Бобруйске).

Татары в Белоруссии известны с конца XIV в., в XVI в. перешли на белорусский язык. Численность невелика, но достаточно стабильна: в 1897 - 10 тыс. человек, 1959 - 8,6 тыс. человек, 1989 - 12,5 тыс. человек. Характерная особенность положения группы - исключительно доброжелательный характер взаимоотношений с белорусами. В 20-30-х гг. в БССР существовал татарский сельсовет, школы, в Западной Белоруссии - национальное общество, музей, архив, периодические издания. В 1989 г. в Минске образовано общество "Аль-Китаб", объединяющее как собственно белорусских татар, так и мигрантов из Татарстана.

Современные группы литовцев (7,6 тыс. человек - 1989), латышей (2,6 тыс. человек) и эстонцев (0,8 тыс. человек) большей частью состоят из потомков переселенцев, появившихся в Белоруссии в конце XIX в. В 1920-1930-е гг. в БССР были созданы литовские и латышские школы, клубы, радиопередачи, периодическая печать, секции в АН БССР, у эстонцев - национальный колхоз, школы, народный дом. В конце 1930-х гг. представители прибалтийских групп подверглись частичной депортации. В настоящее время национально-культурные организации не воссозданы, с 1957 г. в приграничных районах действует несколько литовских школ.

Азербайджанцы (5 тыс. человек - 1989) и армяне (4,9 тыс. человек) - не типичные и не имеющие в Белоруссии культурных традиций национальные меньшинства. Отличаются высокой степенью групповой консолидированности - в 1989 г. образованы армянское общество "Айастан" и азербайджанское "Гобустан".

Юридическая основа обеспечения прав национальных меньшинств в Белоруссии разработана недостаточно. Их реализация в определенной степени регламентируется принятым 26 января 1990 г. законом "О языках в Белорусской ССР", закрепившим государственность

белорусского и "право свободного использования" русского языка. Государство берет на себя "заботу о свободном развитии и использовании всех национальных языков, которыми пользуется население", гарантирует получение образования на белорусском или русском языках. Использование других языков в сфере образования, делопроизводстве и средствах массовой информации допускается "при необходимости", критерии которой точно не определены [3].

Государственную политику по отношению к национальным меньшинствам призвана выработать Комиссия по национальным отношениям Верховного Совета БССР, созданная в 1990 г. Координацию культурной деятельности осуществляет Белорусское отделение Советского фонда культуры, под эгидой которого была создана большая часть национальных обществ. В ноябре – декабре 1990 г. был проведен первый фестиваль культурно-национальных объединений г. Минска.

Таким образом, очевидно, что при внешнем благополучии в сфере национальных отношений и реализации прав национальных меньшинств в Белоруссии накопилось достаточно много проблем. Не исключена перспектива возникновения национальных конфликтов. Вместе с тем, некоторое "отставание" Белоруссии в этом отношении создает уникальную ситуацию предупреждения национальной напряженности с учетом опыта других регионов.

Примечания

1. Статистические данные, приведенные в тексте, основываются на следующих источниках: Архив АН СССР. Ф. 30, Оп. 1, Д. 6, 7, 17, 29, 30; Статистические таблицы Российской империи. Наличное население на 1858 г. Спб., 1861; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 3, 4, 11, 22, 23. Спб., 1899–1904; Статистический ежегодник России, 1913 г. Спб., 1914; Раков А.А. Население БССР. Минск, 1969; Численность, возрастная структура, состояние в браке, число и размер семей, национальный состав, уровень образования и источники средств существования населения Белорусской ССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Минск, 1990.

2. БНФ "Адраджэньне". Белорусская трибуна 1989, N 10: 1–2.

3. Закон "Аб мовах у Беларускай ССР" // Літаратура і настацтва. 1990. N 6. С. 14–15.

*ЭТНОДИСПЕРСНЫЕ ГРУППЫ В ЛЕНИНГРАДЕ:
К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ
ЛЕНИНГРАДСКИХ ТАТАР, АРМЯН И ЭСТОНЦЕВ*

М. Э. Коган

(Институт этнологии и антропологии АН СССР, Ленинград)

Петербург-Ленинград всегда был и остается многонациональным городом. Сегодня здесь, кроме русских, проживают представители более 100 национальностей. Как живут эти люди, каковы их национально-культурные интересы и потребности, как в условиях доминирования другой культуры - русской - сохраняется и передается национально-культурная традиция и воспроизводится этническая общность? Изучению этих проблем посвящена программа исследования этнодисперсных групп (национальных меньшинств) Ленинграда, начатая еще в конце 70-х гг. под руководством Г.В. Старовойтовой и действующая сейчас. На результаты этих исследований (ленинградских татар, армян и эстонцев), соавтором которых я являюсь, мы и будем опираться.

Миграция (эмиграция) в другую национально-культурную среду и адаптация, приспособление к ней - процесс для любого человека непростой. В иноэтническом окружении, даже когда нет межнациональных конфликтов, всегда хотя бы подсознательно присутствует оппозиция "мы-они", и национальное самосознание актуализировано. Вольно или невольно человек всегда оказывается перед дилеммой: или слиться с этой средой, стать таким, как все, ассимилироваться, или в той или иной мере сохранить свое национальное "я". Таким образом, в этнодисперсных группах сталкиваются две противоположные тенденции - к ассимиляции и к сохранению национального самосознания. Соотношение этих тенденций, определяющее процесс воспроизводства этнической общности, зависит от сочетания социально-политических, исторических и культурных факторов. Так, в 1930-е гг. в Ленинграде были ликвидированы существовавшие здесь комиссии по делам национальных меньшинств, были закрыты различные национальные общества и школы, шло массивное наступление

на религию. Таким образом, нерусское население Ленинграда до недавнего времени было поставлено в весьма жесткие условия в плане возможности сохранения своей этничности. Особенно группы, которые, как например эстонцы, оказались после революции отрезанными от своих республик государственными границами, и были практически лишены каналов национальной культурной информации.

В изученных этнодисперсных группах Ленинграда представлены различные варианты этнокультурной адаптации в иноэтнической среде. Ленинградские татары и армяне в большой мере сохраняют национальное своеобразие в быту и культуре. Большинство из них (52-66%) сочетает ценности своей национальной культуры с достижениями культуры других народов, с положительными ориентациями на межнациональное общение. Небольшая часть группы (3-7%) проявила узконациональную культурную ориентацию. Это люди, предпочитающие в основном внутриэтническое общение и мононациональные браки, сохраняющие традиционно-обрядовый и бытовой слой своей национальной культуры. И от 24 до 32% опрошенных ленинградских татар и армян имел в основном ассимиляционную культурную установку. Среди них в 2 раза меньше, чем среди остальных татар и армян, людей, которые интересовались бы культурой своего народа, и в два раза больше межнациональных браков и, главное, большинство состоящих в таких браках татар и армян, хотят, чтобы их дети при получении паспорта выбрали русскую национальность. Существенно отличается от татар и армян положение ленинградских эстонцев: у них очень ярко выражена ассимиляционная тенденция (около 60% опрошенных) и почти не сохранился в образе жизни традиционно-бытовой слой национальной культуры. Национальное самосознание проявляется главным образом в интересе к профессиональной эстонской национальной культуре и частично в сфере языкового поведения. Очень высока у эстонцев доля национально-смешанных браков, в основном с русскими, (76% против 27% у татар и 56% у армян), дети от которых в подавляющем большинстве выбирают русскую национальность. Такой процесс ассимиляции ленинградских эстонцев обусловлен, помимо указанных выше причин, и особенностями формирования этой группы в Ленинграде. Подавляющая часть здешних эстонцев или переселились сюда более 50 лет назад, или родились в Ленинграде. В основном это потомки тех, кто еще во второй половине XIX в. уехал из Эстонии в Северо-Западные области России. Практически нет, в отличие от татар и армян, пополнения новыми мигрантами из

Эстонии, которые бы приносили с собой знание языка и культуры своего народа. Недостаток, "дефицит" национальной культурной информации способствует ассимиляционным процессам в этнодисперсной группе. В то же время, даже при полной свободе деятельности национально-культурных обществ, вряд ли можно говорить о столь же полном сохранении и функционировании всех компонентов культуры того или иного народа в иноэтнической среде, как в пределах его основного этнического ареала. В такой ситуации сохраняются в первую очередь те характеристики национальной культуры, которые воспринимаются членами этнической общности как наиболее существенные. Они являются той основой, на которой "держится" национальное самосознание тех, кто не ассимилируется и сохраняет свою этническую принадлежность. В первую очередь к таким элементам культуры относится национальный язык. Как показывают исследования, люди воспринимают его как один из важнейших факторов этнической идентификации, признаков сходства и отличия от людей других национальностей. Иноэтническая среда обостряет это восприятие, о чем выразительно свидетельствуют данные исследования русских, среди которых язык в качестве этноинтегрирующего фактора назвали 24% опрошенных в Москве, 39% в Таллинне и 44% русских в Ташкенте (Арутюнян Ю.В. Социс N 7, 1990, с. 44). Ленинградские татары и эстонцы свой родной язык также называли чаще других признаков этнической интеграции; не первым, но одним из важнейших компонентов этнической культуры его считают и ленинградские армяне. О том, какое большое значение придается в сознании людей национальному языку, свидетельствует тот факт, что родным его часто признают даже те, кто фактически языка не знает, и что 45% эстонцев, 70% армян и 80% татар хотят, чтобы его знали их дети.

Представление о том, что национальный язык - основополагающий компонент культуры народа, что утрата его равноценна потере этничности и ведет к ассимиляции, является одним из наиболее устойчивых этнических стереотипов. Однако, чем выше уровень образования и социальный статус, тем больше ориентация на русский язык. А в группе ленинградских армян доля интеллигенции выше, чем в татарской и эстонской. Кроме того, язык относится к "внешним", очевидным признакам этноидентификации, и представляется вполне закономерным, что он оказывается значимым в сознании этнофоров с одной стороны, когда имеет реальное широкое бытование (как у татар), с другой - когда идет интенсивный процесс утраты

этнокультурной специфики в целом, в том числе и языка (как у эстонцев), и национальное самосознание представителей этнической группы старается "зацепиться" за какие-либо существенные и одновременно достаточно очевидные и реальные сегодня элементы культуры. Думается, что армянская интеллигенция в Ленинграде достаточно легко отдает предпочтение русскому языку, называя его родным, потому что ее национальное самосознание компенсирует его другими этнокультурными ценностями. У армян национальное самосознание проявилось главным образом в интересе к профессиональным формам национальной культуры, в интересе к богатому литературному, художественному наследию, историческому прошлому своего народа. У ленинградских татар больше, чем у эстонцев и армян, сохранился комплекс традиционной, в том числе конфессиональной культуры (чаще отмечают праздники, обряды, больше верующих, высока плотность семейных связей и сохраняется родственно-территориальная структура общения).

Все это необходимо учитывать при определении политики национально-культурных обществ, действующих в иноэтнической среде. Учитывая, что у них не хватает, как правило, возможностей для развертывания деятельности в разных направлениях, обеспечивающих интересы всех слоев и групп этнической общности (что было бы идеальным вариантом), представляется необходимым попытаться определить стратегию, основное направление деятельности, через которое как за "звено" в цепи можно было бы "вытащить" и всю разрушающуюся "цепь" национальной культуры. Вероятно, прежде всего необходимо определить то основное направление деятельности, которое адекватно отражало бы интересы или большинства этнической общности, или может быть, той его части, которая в большей степени подвержена ассимиляционным процессам.

Это, в свою очередь, зависит от того, ставит ли национально-культурное общество своей основной задачей обеспечение психологического комфорта членов этнодисперсной группы в иноэтническом окружении, поддержание (рекреацию) национального самосознания тех, кто ориентирован на ценности национальной культуры и сохранил их в своем образе жизни, или оно видит эту задачу в том, чтобы переориентировать ту часть этнической группы, у которой имеется ориентация на ассимиляцию, т.е. попытаться в первую очередь противодействовать ассимиляционному процессу. Безусловно необходимо создание правовой основы деятельности национально-ку-

льтурных обществ, полной свободы создания клубов, обществ, школ и т.п., обеспечивающих реальную возможность сохранения национального языка и культурной традиции. Только при этом условии можно говорить о свободе выбора личностью национальной ориентации, будь то: 1) ориентация на сохранение своей этничности, национального самосознания, или 2) ориентация на ассимиляцию и признание себя человеком другой культуры и этноса, причем не по генетическому принципу (кто родители), а по самосознанию личности, или 3) "маргинальная" ориентация, в том числе и право не определять в документах свою этническую принадлежность.

Юридическое и реальное обеспечение такого права выбора национальной самоидентификации поможет свести к минимуму национальные проблемы людей, живущих в иноэтническом окружении и выполнить основную цель национальной политики в полиэтническом обществе, которая видится в предупреждении межнациональных конфликтов, снятия напряженности национального самосознания и в предотвращении слияния национально-культурных движений с националистическими.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЕ ФИННЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

В. А. Кокко

(*"Инкерин Лиитто"*, Ленинград)

За 60 последних лет ингерманландские финны из компактно проживавшего большинства (на территории Ингерманландии - 20 тыс. кв. км - в 1930-е годы около 150 тысяч финнов составляли примерно 3/4 сельского населения) превратились в дисперсное, рассеянное на гигантских пространствах национальное меньшинство. Причина такой метаморфозы - преступная национальная политика времен сталинщины, что должно быть предметом рассмотрения в прокуратуре, а не на научном форуме. Сегодня наибольшие группы ингерманландских финнов проживают в Ленинграде и Ленинградской области (около 20 тысяч), в Эстонии (16 тыс.), в Карелии (около 15 тыс.) и в Швеции (около 10 тыс.). Общая численность этого небольшого народа - около 85 тысяч человек.

В Ленинградской области, на своей основной этнической территории ингерманландские финны составляют 0,8%, а в Ленинграде - 0,1% населения. В этих условиях наиболее вероятной перспективой представляется скорая ассимиляция и исчезновение этноса. Основания для такого пессимистического вывода дают результаты анкетирования во Всеволожском и Гатчинском районах; они показали, что из числа состоящих в браке ингерманландских финнов в возрасте до 60 лет около 70% состоят в смешанных браках (в основном с русскими). Факты показывают, что процессы ассимиляции, утраты языка и национального самосознания идут также быстро в среде ингерманландских финнов Эстонии, Карелии, Швеции.

Другой возможный сценарий - это массовая эмиграция ингерманландских финнов в Финляндию. После заявления президента М. Койвисто в апреле 1990 г. Финляндия рассматривает ингерманландских финнов как "заграничных финнов" и готова предоставлять им возможность работать, проживать в Финляндии, получать гражданство этой страны. Особенно сильны эмигрантские настроения среди ингерманландцев Эстонии, но если экономическое положение в стране

будет продолжать ухудшаться, то они могут широко распространиться и в Ленинградской области. По оценкам экспертов Финляндии, туда в ближайшие годы может переселиться 5-10 тысяч финнов из СССР. В Финляндии ингерманландских финнов из-за отсутствия различий в языке, религии, традициях, неизбежно ждет консолидация с праотеческим этносом.

Оба эти сценария противоречат программным целям общества "Инкерин Лиитто". Мы стремимся к сохранению ингерманландских финнов как этнической общности на родной земле. В мире имеется опыт успешного этнического развития даже самых малочисленных меньшинств. Опираясь на него, мы полагаем, что:

1. В сельской местности в Ингерманландии в районах проживания финнов следует выделять землю под застройку для ингерманландцев, желающих вернуться на родину из Сибири, Казахстана, Центральной России. Так будут формироваться национальные поселки, где, с учетом перспектив землепользования, развития фермерского хозяйства и возрождения лютеранских религиозных общин, финский язык найдет сферу применения, а культура получит опору в традиционном хозяйстве.

2. В городе Ленинграде, следуя опыту городов-миллионеров мира, было бы целесообразным компактное поселение финнов в одном микрорайоне, где возможно создать детсад, школу на финском языке.

В случае реализации этих предложений будущее финского языка и культуры, будущее финской этнической общности в Ингерманландии - гарантировано.

Главное препятствие на пути реализации этих планов, которые не имеют ничего общего с изоляционизмом, а лишь предоставляют личности право выбора образа жизни, - это сложившаяся антидемократическая практика, лишившая людей права свободного выбора места жительства. Прописка, это порождение административно-бюрократической системы, препятствует естественному стремлению народа к этнической консолидации.

Анализируя исторические факты и сегодняшние события, мы приходим к выводу, что политический и административный произвол изуродовал весь ход естественных этнических процессов в СССР, а главный метод решения нынешних многочисленных конфликтов на национальной почве - всемерная демократизация жизни советского общества.

*ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ:
НОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СУДЬБА МЕНЬШИНСТВ*

И. И. Крупник (Москва/Ербенкс)

Я вынужден начать с признания хорошо известного всем факта: обобщение и, тем более, прогнозирование этнополитической ситуации в Советском Союзе является сейчас крайне рискованным занятием. Положение в стране меняется столь быстро, что любые обзорные тексты устаревают к моменту их публикации, особенно если они написаны за несколько месяцев вперед, как доклады сегодняшней конференции. Поэтому наши попытки анализа обычно напоминают жанр под названием "взгляд издалека", который имеет лишь одно минимальное преимущество: опуская детали, он оставляет на виду важнейшие результаты процесса.

Некоторые из таких результатов уже стали очевидными. В течение 1990 года в политическом сознании многонационального государства произошел гигантский сдвиг. Произнесенная год назад президентом Горбачевым фраза о новом устройстве советской федерации как "союза суверенных государств" (воспринятая вначале как очередной пропагандистский лозунг) за этот год наполнилась смыслом. Слово стало делом, возможно, без особого желания его создателя. За это же время в глазах миллионов граждан произошел надлом всей идеологии "союза" как централизованной пирамидальной конструкции во главе с союзными органами и Президентом. На ее месте обозначилась новая система достаточно самостоятельных образований — республик самой разной ориентации: от национал-коммунизма до открытого отрицания коммунизма как политической модели для своего будущего устройства. Попытки соединить столь разные подходы в рамках единого государства выглядят все более иллюзорными.

Независимо от последних колебаний официальной пропаганды федерализация Советского Союза стала свершившимся фактом, по крайней мере до ближайшего резкого поворота событий. И дело не толь-

ко в кризисе идеи Союза как "общего дома советских наций" или распаде прежней общесоветской этнической ментальности. Произошла, на мой взгляд, гораздо более существенная трансформация в сознании людей, традиционно воспринимавших политическую структуру своего государства из 15 союзных и 20 автономных республик как фиктивную или декоративную. Так оно, впрочем, и было. Народы, жившие в других республиках, могли отличаться своим обликом или языком. Но их республики до последнего времени сами по себе не имели видимых отличий. Их границы, конституции, особенности законодательства или политического устройства, история вхождения в состав Союза имели значение лишь для их собственных граждан, а чаще для малой части этих граждан, сохранявших высокий уровень политического и этнического самосознания.

Вся эта система радикально изменилась в последнее время, причем независимо от реальных успехов отдельных республик на пути к своей самостоятельности или независимости. Государство впервые с 20-х годов обрело внутреннюю федеративную структуру со всеми трудностями, противоречиями и конфликтами настоящей федерации, где взаимодействуют не народы, а территориально-политические образования. "Декоративные" республики восстановили свою плоть, собственный политический голос и границы. И неизбежным стал следующий шаг: для многих из них "союз нерушимый республик свободных" превратился в тюрьму государств.

Последующее стремление республик к самостоятельности, как известно, проявилось во многих формах: от проведения своих референдумов и объявления независимости от Союза до попыток создания собственной валюты, таможенной службы и полувоенных формирований. Логика этого развития очевидна и, на мой взгляд, вряд ли обратима. Есть, однако, еще одна сфера, где в последнее время республики отчаянно отстаивали свою независимость против центра. Эта сфера — внутренние этнические конфликты и судьба национальных меньшинств — и составляет тему нашей конференции.

В течение 1988-1990 гг. центральное правительство продемонстрировало свою очевидную неспособность предотвратить нарастание цепи этнических конфликтов и защитить безопасность людей в условиях роста напряженности и прямого насилия. У него не было ни своеобразной "политики быстрого реагирования", ни сколь-либо продуманной стратегии снижения конфликтности, кроме посылки войск и введения военного положения. Политические меры отклады-

вались, отменялись или принимались в таких формах и с таким запозданием, что чаще приводили к противоположным результатам. Так, вполне здравое в условиях 1988 года предложение о восстановлении отмененных в 30-ые годы национальных районов и местных советов как форм низовой культурной автономии для меньшинств было официально принято лишь в конце 1989 года. Но оно так и не было воплощено в жизнь, поскольку в новых условиях скорее стимулировало, чем снизило бы этническую напряженность. Можно с полным основанием говорить о провале мер центрального правительства по урегулированию карабахского конфликта, объявленных государственных программ возвращения крымских татар и поволжских немцев, попыток решения судьбы турок-месхетинцев или устройства других групп "этнических" беженцев.

Возникший в этот момент "вакуум ответственности" поставил этнические меньшинства в зависимость от нового баланса сил и местных национальных движений, борющихся за политическое возрождение своих республик. Некоторые из таких движений (например, на Украине или в Прибалтике) смогли предложить этническим меньшинствам намного больше национальных и культурных прав, чем они в течение полувека имели от центральной власти (1). Другие движения оказались менее успешными в своих взаимоотношениях с меньшинствами, требуя от них открытой демонстрации поддержки борьбы республик за независимость, возрождение государственного языка и т.п. Так или иначе, на месте одной централизованной политики прежней пирамиды власти появилось как минимум 16 отдельных национальных политик, поскольку центр наряду с 15 республиками пытался сохранить свою роль "арбитра" и конституционного гаранта на всей территории страны. Его "забота" о положении отдельных меньшинств, требующих территориальной автономии, имела лишь обратный эффект и усилила их конфронтацию с главными национальными силами в своих республиках. Поляки в Литве, гагаузы в Молдове. абхазы и осетины в Грузии были названы "рукой Москвы" в тот момент, когда "Москва" менее, чем когда-либо была способна удовлетворить их подлинные требования.

Не раз конфликты вокруг национальных меньшинств оказывались своеобразной проекцией напряженности между более крупными народами. Имеется очень точное, на мой взгляд, объяснение вспышки насилия против турок-месхетинцев в Узбекистане в июне 1989 года как проекции давно накопившейся напряженности между узбеками и

таджиками в регионе (2). Поддержку центром некоторых меньшинств как "русскоязычного" населения многие считают демонстрацией фактической заботы о судьбе русских в республиках. При этом искусственно возникающая конфронтация вокруг национальных меньшинств как бы канализирует более крупный конфликт и позволяет избежать куда более серьезных столкновений.

Идея использовать меньшинства как буфер в острой политической или этнической ситуации столь же стара, как и сама история этнических конфликтов. Так или иначе, итоги событий 1988-1990 годов для большинства этнических меньшинств оказались неутешительными. Их результатом стала очевидная интериоризация самой проблемы этнических меньшинств, то есть превращение ее как бы в сугубо внутреннее дело каждой из 15 республик. Внимание из центра или просто "со стороны" к судьбе меньшинств неожиданно стало восприниматься как вмешательство или акт недоброжелательности. В нашем профессиональном кругу эта ситуация, к сожалению, обернулась взаимным непониманием и незаслуженными упреками в "имперских амбициях" в адрес московских и ленинградских коллег.

Процесс интериоризации имеет свою логику и свои очевидные последствия. Как вместо одной пирамидальной политики авторитарного государства возникло 15 национальных политик составляющих его республик, так на месте прежней беззащитности всех появилось 15 народов, имеющих шанс на защиту в положении этнического меньшинства за пределами своей республики. Интериоризация де-факто приняла, легитимизировала право союзной республики на заботу о судьбе своих граждан (правда, лишь одной - основной - национальной) в случае какой-либо угрозы им в другой республике. То есть: Армения - за армян, Грузия - за грузин, Россия - за русских (?), по-видимому, впервые с 1922 года.

Нынешнее включение Северной Осетии в защиту прав осетинского меньшинства в Грузии показывает, что этот процесс логически переходит далее на уровень автономных образований. Это может увеличить число потенциально "защищенных" народов, или точнее - частей народов в положении национальных меньшинств до нескольких десятков.

Процесс принятия республиками и автономиями ответственности за благополучие и национально-культурные права своих граждан в диаспоре идет как бы спонтанно и основывается на взаимном признании местных суверенитетов в общем противостоянии центру. Но он

постепенно формирует новый для Советского Союза комплекс политических норм, де-факто принимающих особый статус групп лиц в положении этнических меньшинств. В ряде случаев эти права уже оговорены и де-юре. Например, в договорах "Об основах отношений" между Украиной и Белоруссией от 29 декабря 1990 г. и Украиной и РСФСР от 19 ноября 1990 г. имеются пункты о взаимных гарантиях политических, этнических и культурных прав граждан каждой из республик на территории другой стороны.

Очевидно, что расширение сети таких межреспубликанских договоров откроет возможность для более широкой правовой защиты и обсуждения прав народов, живущих за пределами своих договорных республик. Некоторая часть нынешних национальных конфликтов получит таким образом правовую основу для своего разрешения. Вряд ли сейчас, например, кто-нибудь может надеяться на успешное урегулирование карабахского конфликта без компромиссного договора о гарантиях между Арменией и Азербайджаном.

Но столь же очевидно, что значительное число нынешних конфликтных ситуаций никак не связаны с взаимными договорными отношениями между республиками. Какая из них и по какому договору должна взять на себя ответственность за судьбу крымских татар, греков, немцев, поляков, болгар, евреев, турок-месхетинцев, корейцев, цыган, венгров, китайцев и многих других народов и этнических групп, живущих в разных частях страны?! Как сложится будущее гагаузов, абхазов, памирских народностей, тальшей, курдов и татов-мусульман, если оно будет и далее определяться лишь интересами "главных" наций их республик?!

Ответы на эти вопросы невозможно найти в рамках концепции "распада империи" и появления горизонтальных межреспубликанских связей, то есть горизонтальных, а не чисто вертикальных механизмов решения конфликтов. Эти элементы необходимы, но недостаточны для обеспечения прав всех народов, населяющих территорию Союза ССР. Для этого требуются еще как минимум два элемента; появление специального законодательства о правах национальных (и религиозных) меньшинств, и гарантии его соблюдения.

В западных странах система законодательной защиты прав меньшинств опирается на опыт многих десятилетий и развитую традицию политической самоорганизации национальных, культурных, расовых и других групп. Не так обстоит дело в Советском Союзе. За исключением "малых" народов Севера, чье положение регулярно подтверждает-

лось все эти годы специальными актами и постановлениями центральных властей, остальные меньшинства в советской законодательной практике с 30-ых годов не имели никакого закрепленного статуса. Более того, все формы их политической жизни подавлялись, а попытки самоорганизации - жестоко карались.

Создание законодательства (серии республиканских законодательств?) о национальных меньшинствах; признание их прав на самоорганизацию, подписание республиками международных конвенций о защите меньшинств и участие в такой защите через сеть общественных и правительственных организаций - вот необходимые ступени той эволюции, которую еще предстоит пройти новым политическим силам в СССР. Поэтому для всех нас очевидно значение нынешней конференции и столь важен нравственный импульс, заложенный ее организаторами.

Более сложен вопрос о гарантиях прав меньшинств при нынешней интериоризации всей системы национальных отношений в СССР. Для ряда народов, как уже отмечалось, эти гарантии могут хотя бы теоретически обеспечиваться через сеть межреспубликанских договоров или политическую поддержку "своих" республик и автономий. Другие меньшинства могут надеяться на добрую волю, прагматизм или дальновидность новых политических сил на территории своего проживания. Тем же, кто уже вступил в конфликт с этими новыми силами, остается уповать лишь на защиту центральной власти, что только обостряет конфликт и ставит меньшинства в крайне уязвимое положение.

Возможно ли здесь обращение к каким-либо внешним гарантиям? Хочется надеяться, что так и произойдет, хотя в разных частях страны эти внешние гаранты будут, очевидно, разными (3). Для тех республик, что ориентированы на "вхождение в Европу" и обретение статуса полноправных европейских наций, такими гарантиями их национально-культурной политики и соблюдения прав меньшинств должны, видимо, стать нормы "европейского дома" - политические, юридические и моральные. В рамках этих норм будет естественным присоединение республик к системе международных и европейских конвенций о правах меньшинств с вытекающими обязательствами, включая контроль со стороны международных и независимых организаций.

Открытым, однако, остается вопрос о тех республиках, которые вряд ли будут претендовать на "вхождение в Европу" и могут скорее ориентироваться на организации неприсоединившихся или ислам-

ских государств или региональные группировки. Положение меньшинств в этих странах пока реально регулируется лишь доброй волей их правительств или, чаще, условиями предоставления им иностранной помощи на фоне весьма негативного отношения к независимой инспекции и внешним правовым гарантиям. Поэтому столь актуально включение этой части Советского Союза в сферу деятельности международных и независимых организаций и групп, следящих за соблюдением прав национальных меньшинств (типа Minority Rights Groups, Indigenous Survival International, International Work Group for Indigenous Affairs и др.).

Может показаться, что эти рассуждения остаются не более, чем пустыми пожеланиями, пока не решен главный вопрос и не ясно общее направление дальнейшего этно-политического развития Союза ССР. Большое число имеющихся прогнозов, как известно, легко группируется в четыре наиболее популярных сценария (4): "распад империи"; глубинная федерализация СССР с сохранением дееспособной центральной власти; переход к более гибкой форме сотрудничества (конфедерации?) республик, связанных сетью общих и взаимных договоров; и, наконец, восстановление прежней пирамидальной структуры в ходе авторитарного поворота, пусть даже ценой потери части республик ради компромисса с мировым сообществом. Очевидно, что положения и права меньшинств будут радикально отличаться в каждом из четырех названных случаев.

Существует, однако, тенденции, которые, на мой взгляд, могут (будут?) действовать при любом сценарии будущего Советского Союза. Все они вытекают из уже достигнутого состояния этно-политического процесса и имеют непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме национальных меньшинств.

Первую из них можно назвать новой приоритетностью. За период 1985-1990 гг. произошла кардинальная перестановка важнейших социально-политических и идеологических приоритетов всей советской жизни; основных лозунгов, идеалов и стереотипов советского общества. Было бы наивным утверждать, что наиболее одиозные схемы уже навсегда исчезли из новой советской реальности. Напротив, как показали события зимы 1991 года, при первом же начале попятного движения эти схемы и идеологические клише мгновенно реанимируются официальной пропагандой.

Но официальная реанимация и место в сознании масс людей - совершенно разные вещи. Можно вновь начать отрицать частную соб-

ственность или индивидуальную коммерческую инициативу, но потребуются много лет и много усилий, чтобы вернуть все советское общество к уровню экономического мышления 70-ых годов. Точно так же невозможно заставить миллионы людей мгновенно изменить или "забыть" тот огромный опыт этнического и этно-политического возрождения, который был накоплен в последние годы. В этом новом опыте проблема национальных меньшинств занимает весьма важное место. В особенности это касается таких меньшинств как крымские татары, армяне Карабаха, немцы, евреи, турки-месхетинцы или абхазы, чья судьба играла столь важную роль в становлении общей идеологии демократического движения в 1988-1990 гг.

Другой, надеюсь столь же трудно обратимой тенденцией стало стремление меньшинств к более широкой интернационализации своих связей. Этот процесс включает не только естественное обращение за помощью к своей диаспоре или основному этническому массиву и расширение прямых контактов до уровня, не виданного ранее в истории СССР (примеры - немцы, евреи, венгры, крымские татары, греки, саамы или эскимосы, а также армяне, украинцы, молдоване, литовцы и др.). В попытке противостоять интериоризации этнических конфликтов или давлению центра меньшинства активно ищут новых союзников. Они создают блоки и коалиции, надэтнические политические структуры; открывают каналы передачи информации международным и независимым организациям. В результате уже сейчас достигнут принципиально иной уровень международной информированности и вовлеченности в положение многих национальных меньшинств в Советском Союзе. Этот уровень сам по себе становится фактором процесса, порождает следующий цикл связей по принципу саморасширяющейся системы.

И, наконец, третьей тенденцией стало общее изменение баланса сил во всей системе межнациональных отношений в Советском Союзе. Прежняя структура вертикальной иерархической пирамиды наций, где одни были явно "более равны", чем другие, сменяется сложной сетью разнофокусных вертикальных и горизонтальных связей. Эта сеть находится в движении из-за постоянно меняющегося соотношения и несовпадения темпов политического процесса в разных республиках. Ясно лишь одно: идет переход к новому распределению ролей на этнополитическом пространстве Советского Союза, в котором меньшинства в целом могут получить иной, более значимый статус.

Этот переход имеет для нас решающее значение, поскольку он определяет новые рамки нашей возможности анализировать ход событий и, тем более, влиять на их развитие в форме экспертизы, консультаций или прямых рекомендаций. Когда в 1988-89 гг. страна к общему удивлению наполнилась десятками открытых этнических конфликтов, этнологи неожиданно для самих себя оказались носителями высоко значимых и остро необходимых знаний. Они были на гребне общественных потребностей, потому что могли связно объяснить скрытые до того пружины этнических конфронтаций. Но по мере того, как этнические конфликты трансформировались в этно-политические, а затем и в национально-государственные, знания и личный профессиональный опыт этнографов стали терять свою объяснительную силу. Происходила постепенная "деэтнологизация" конфликтных ситуаций, когда их движущие силы надо было все чаще искать в истории, нынешнем политическом противостоянии, борьбе за национальную государственность или в стремлении к иной экономической жизни, но никак не в этнических или культурных различиях участвующих сторон.

Раньше всего это произошло в Прибалтике. Сейчас уже очевидно снижение нашего вклада в анализ нынешних событий в Закавказье, на Украине, Молдове, в Поволжье, Крыму, то есть везде, где ситуация уже вышла за рамки однолинейной схемы этнических конфликтов. Но "деантропологизация" нынешних конфликтов - это, на мой взгляд, скорее положительный знак, некий символ их зрелости как и повышение роли социологов и особенно политологов в их экспертизе и выработке рекомендаций.

Само развитие событий ставит перед нами и нашей наукой новый профессиональный вызов. Конечно, мы можем спокойно вернуться к своим прежним темам, утешая себя тем, что сделали все, что могли в период, когда наши знания и опыт были способны принести реальную пользу. Можно, напротив, сосредоточиться на некоторых особых объектах, чье изучение в меньшей степени связано с политическими, государственными или законодательными отношениями, то есть попытаться сохранить свою прежнюю лидирующую роль на заведомо меньшей территории. Такой более узкой областью естественно становятся проблемы "безгосударственных" и дисперсно живущих меньшинств: их этническое выживание в инонациональном окружении, изучение их культурного наследия, современных механизмов этнической преемственности и т.п.

Но, может быть, лучший ответ состоит в том, чтобы попытаться принципиально изменить сам облик нашей науки, утверждая в ней те области, которые не существовали в советской этнографии (как и в политологии) до национального возрождения конца 80-ых годов. Иными словами, создавать в сотрудничестве с социологами и политологами новую теорию этнических конфликтов в СССР; изучение этнических меньшинств с позиций их прав и особенно статуса в структуре общества (minority rights studies); развивать анализ ассимиляции и акультурации, национального возрождения и национализма как основных форм взаимодействия народов в полиэтническом государстве взамен прежних теорий "расцвета" и "сближения".

Примечания

1. См.: Грушевский А.Ю. Народное движение Украины за перестройку: подходы к гармонизации межэтнических отношений - Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. Алма-Ата. 1990. Вып. 1, с. 130-131; Дашкевич Я.Р. Украинские общественно-политические движения и национальные меньшинства. Там же, с. 131-133; Vardys S. Lithuanian National Politics - Problems of Communism. 1989. Vol. 34 (4), pp. 53-76; Clements W. Baltic Communism and Nationalism. Kto kovo? - In: Uri Ra'anana (ed.). The Soviet Empire. The Challenge of National and Democratic Movements. Lexington: Lexington Books. 1990, pp. 95-122.

2. Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Турки-месхетинцы (историко-этнографический анализ проблемы) - Советская этнография. 1990, N 3.

3. Крупник И. Этнополитическое пространство СССР - Независимая газета. 1990, N 1, (26.12), с. 3.

4. Nahaylo B., and V. Swoboda. Soviet Disunion. A History of the Nationalities Problem in the USSR. New York: Free Press. 1990, p. 358. См. также: Gitelman Z. Ethnopolitics and the Future of the Soviet Union. Paper presented at the IV World Congress for Soviet and East European Studies. Harrogate, England. 1990, pp. 17-21.

МИГРАЦИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕВЕНТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

Пьер Леметр

Центр исследований мира и конфликтов,

Копенгагенский университет

Постановка проблемы

В глобальном контексте миграция до сих пор рассматривалась в основном как второстепенная проблема. Однако она все больше становится одной из крупнейших международных проблем. Число беженцев, как покинувших страну проживания, так и оставшихся на родине, выросло с примерно двух млн. в конце 50-х гг. до 25-30 млн. (Видгрэн 1990, с. 756) в настоящее время. В 1989 г. во всем мире насчитывалось 15 млн. внешних беженцев и около 14 млн. беженцев, перемещавшихся в пределах территории своей страны. В Советском Союзе насчитывается полмиллиона внутренних беженцев. В 1990 г. 600 тыс. человек покинуло СССР, в три раза больше, чем в 1989 г. (Хайсбург 1991, с. 35). Когда ограничения на получение визы будут в 1991 г. сняты, и по мере того как экономический и политический кризис будет углубляться, число мигрантов, вероятно, значительно вырастет. Существует потенциальная возможность большой миграции и из Восточной Европы.

Проблема миграции до настоящего времени решалась в основном задним числом. За ней видели проблему обеспечения прав мигрантов и проблемы интеграции. Эти аспекты и в дальнейшем будут заслуживающими внимания. Однако автор полагает, что ввиду многоплановости проблемы гораздо больше внимания необходимо уделить предотвращению миграции.

Миграция была в основном проблемой Юга, однако она все более и более затрагивает индустриальные страны Севера. Миграции угрожают политическому спокойствию стран Севера. Если эта тенденция продолжится, вероятно, станет все более трудно улучшать правовое положение иммигрантов. Красноречивый пример тому - Франция, где количество жителей-иностранцев - одно из самых высоких в Европе

(приблизительно 6%). Крайне правая партия, Национальный фронт, из года в год получает на выборах 10-15% голосов. На Копенгагенской Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1990 г. Франция была одной из немногих стран, выступавших против улучшения юридического положения иммигрантов.

После окончания советско-американского противостояния в мире доминируют державы, стремящиеся сохранить status quo. Массовая миграция угрожает стабильности, и судя по всему, интерес к превентивной стратегии растет. Это проявляется в новой стратегии, разрабатываемой Европейским Советом в отношении стран Магриба (Мавритании, Марокко, Туниса, Алжира и Ливии). Во избежание массовых миграций ЕС обещал помощь в развитии сельского хозяйства, промышленности, инфраструктуры, в децентрализации экономики, а также более легкий доступ на европейский рынок. Другие примеры превентивной стратегии - это усилия западных стран помочь революциям в Восточной Европе и Советском Союзе, а также помощь Японии странам Азии. Иными словами, по-видимому, возникают предпосылки нового мирового порядка, который не будет ни миром по-американски, ни миром по-советски. Нового мирового порядка, который, по сравнению с прежним, в большей степени определяется нормами и правилами, и значительными усилиями направить ресурсы на решение глобальных проблем.

В докладе анализируются причины миграции, дается первый набросок превентивной стратегии, а также обсуждаются значение и последствия такой стратегии для Европы - как Восточной, так и Западной - и для СССР. Поскольку предотвращение миграции усилением полицейских мер или созданием более трудных условий для иммигрантов неприемлемо по этическим соображениям, будут обсуждаться лишь позитивные меры. Для обсуждения предотвращения огромных иммиграционных потоков необходимо проанализировать причинно следственные связи этого явления.

Миграция, безопасность, окружающая среда и развитие

Если взглянуть на крупные скопления людей, вырванных из родной почвы (10,4 млн. в Южной Африке, из них за границей 1,4 млн.; Афганистан: 7-8 млн., за границей 5,8 млн.; палестинцев 2,8 млн. - все за границей; другие народы Ближнего Востока: 2,8-3,2 млн., из которых 1,3 млн. за границей (эти цифры относятся ко

времени до начала войны 1991 г. в Персидском заливе); Африка южнее Сахары: 2,7–2,9 млн., из которых за границей 1,3 млн.; Эфиопия: 1,8–2,6 млн., в том числе 1,1 млн. за границей; Центральная Америка 1,9 млн., в том числе за границей 0,8 млн.; бывший Индокитай: 0,4 млн. за границей), то они показывают, что войны, гражданские войны, политическая нестабильность и бедность в стране проживания, а также разрушение окружающей среды находятся в ряду главных причин миграции. К этому списку следует прибавить, если принимать во внимание Советский Союз и Восточную Европу, распад прежних политических и экономических структур.

Как указывает, например, доклад Брундтланд, эти причины взаимосвязаны. Гонка вооружений увеличивает вероятность войн. Гонка вооружений и войны приводят к распаду государственного и общественного устройства, нищете и уничтожению окружающей среды, что вызывает миграцию. Массовая миграция иногда приводит к экономическому, политическому и экологическому краху государства, принимающего мигрантов. Таким образом, проблема миграции входит составной частью в три главные проблемы, стоящие перед человечеством на пороге XXI века: гонка и распространение вооружений (в том числе оружия массового поражения), уничтожение окружающей среды и слаборазвитость.

Превентивная стратегия

Учитывая причинно-следственные связи, в которые включена миграция, превентивная стратегия должна быть комплексной и иметь целью: (1) предотвращение войн и стремление к демилитаризации, (2) защиту окружающей среды и (3) обеспечение экономических, политических и культурных прав отдельной личности. Как указывается в докладе Брундтланд, это потребует определения целей и стандартов на глобальном уровне. Однако, для реализации стратегии очень важен региональный уровень – частью потому, что эти проблемы в значительной степени возникают на региональном уровне, отчасти потому что региональный уровень жизненно важен для решения этих проблем. Это подводит нас к вопросу выделения соответствующих региональных комплексов. При рассмотрении проблемы миграции можно выделить два основных узла проблем: (а) национальная безопасность и (б) развитие (имеющее экономический, экологический, политический и культурный аспекты).

Комплексы безопасности

Комплекс безопасности определяется как "группа государств, чьи непосредственные интересы безопасности связаны настолько тесно, что безопасность одного из них нельзя рассматривать в отрыве от других" (Бузан 1983, с. 105-106). Пример комплекса безопасности - Южноазиатский, в центре которого находится пакистано-индийский конфликт и который включает также ряд более мелких государств: Бангладеш, Бутан, Непал, Шри Ланка и Мальдивские о-ва. Суперкомплекс состоит из нескольких соседних комплексов, чья безопасность в определенной степени связана, например, страны Персидского залива, Ближний Восток, Магриб и Африканский Рог. Мегакомплекс представляет собой суперкомплекс, в котором страны не соприкасаются географически. Пример мегакомплекса - страны, вовлеченные в конфликт между Востоком и Западом. Используя эти критерии, весь земной шар можно разделить на ряд комплексов безопасности различного уровня.

Стратегия "разрядки"

Для каждого из комплексов региональные посреднические структуры должны выработать стратегию, направленную на разрядку регионального потенциала конфликта. Такая стратегия должна основываться на анализе специфики комплекса, а также на опыте, полученном при разрешении конфликта между Востоком и Западом и других. Страны, желающие принять участие в процессе, должны удовлетворять определенным минимальным требованиям. Привлекать к процессу их следует определенными стимулами. Например, условием для стран третьего мира, желающих вступить в процесс, мог бы стать отказ от исследований в области оружия массового уничтожения и средств его доставки, их разработки, производства и хранения. Такие страны должны были бы также заменить свою военную стратегию с наступательной на оборонительную, и воздерживаться от применения вооруженных сил против собственного населения, включая национальные меньшинства. Стимулом для привлечения таких стран могли бы служить такие меры, как списание долгов, мягкие условия займов, режим наибольшего благоприятствования в торговле, предоставление технологий.

Комплексы развития

Предпочтительно, чтобы они охватывали те же регионы, что и комплексы безопасности. Для этих комплексов следует принять те же принципы разработки стратегии посредством приспособления к сложности региона, установления минимальных требований в различных областях (экология, политика, экономика, культура), а также различных стимулов для стран-участниц. Что касается минимальных требований в отношении меньшинств, это может быть право на сохранение собственной культуры, в сфере экономики – специальный фонд развития районов проживания меньшинств, в политической сфере – демократия и особые гарантии прав меньшинств.

Глобальный процесс

Таким образом, можно было бы организовать глобальный процесс, который бы шел из различных регионов. Главное здесь то, что отправной точкой является анализ специфических условий различных регионов и определение в общих чертах стратегии разрядки, которая должна быть комплексной, охватывая как проблемы безопасности, так и экономические, политические и культурные вопросы. – Один из таких регионов – Европа. По сравнению с предпринимаемыми в настоящее время, что означало бы использование такой концепции для Европы и СССР?

Европа

Один из важнейших процессов для будущего Европы это трансформация системы советского типа в систему демократического капитализма в Советском Союзе и Восточной Европе. Поскольку системе демократического капитализма не существует действенной альтернативы (при наличии множества вариантов самой системы: ср. например, японскую и американскую модели), и поскольку системы советского типа совершенно исчерпали себя, альтернативой успеху такой трансформации будет хаос, и при этом имеющий катастрофические последствия для национальных меньшинств. В свете этого и следует рассматривать все проблемы.

Европейский комплекс безопасности

В настоящее время Европа стоит перед двумя потенциальными опасностями. Одна состоит в мощи военно-промышленного комплекса в СССР по сравнению с силами демократии и в потенциальной возможности военного переворота. Вторую представляют вооруженные конфликты, которые могут вырасти из этнических (Венгрия-Румыния; Югославия). Такое положение требует (в дополнение к продолжению усилий НАТО и Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе) создания Европейской системы коллективной безопасности. Такая организация могла бы со временем включить и некоторые советские республики. Она должна быть построена на оборонных принципах, и страны, желающие участвовать в ней, должны согласиться на размещение на своей территории войск организации в том случае, если они сами не в состоянии разрешить внутренние конфликты без применения военной силы. Следует также организовать центр, который бы изучал этнические конфликты и давал рекомендации по их разрешению. (Третья потенциальная опасность - следствие отношений между Севером и Югом - здесь не рассматривается).

Европейский комплекс развития

Хотя и Советскому Союзу, и Восточной Европе предстоит трудный процесс трансформации системы советского типа в систему демократического капитализма, их предпосылки очень сильно отличаются и стратегия здесь потребуется в каждом случае своя.

Восточная Европа

Поскольку старая коммунистическая элита слаба и склонна уступать широкому стремлению масс к вестернизации, ключевой вопрос в том, как заставить экономику работать. Говоря об усилиях, предпринимавшихся до сих пор, можно сказать, что главными проблемами являются (1) недостаток ресурсов для начала процесса и (2) недостаточная координация усилий и недостаточное внимание к социальным последствиям такой трансформации. Таким образом, требуется комплексное скоординированное решение типа плана Маршалла. Если подобные шаги окажутся успешными, это даст новые рычаги для

влияния на восточноевропейские государства и в отношении соблюдения минимальных стандартов в вопросе о правах национальных меньшинств.

Советский Союз

Важнейшая особенность здесь состоит в том, что исход борьбы демократических сил с консервативным крылом партии и военно-промышленного комплекса еще не ясен. Консерваторы блокируют дальнейшие шаги в направлении создания западной системы в жизненно важных областях: демократизация, создания рынка, монополизации, эффективной конверсии экономики, обеспечение права на самоопределение различных национальностей. Учитывая размеры Советского Союза и глубины проблем, с которыми сталкивается переход к новой системе, можно сказать, что эффект внешней помощи может быть лишь маргинальным. Однако, можно сделать больше. Контакты и прямая поддержка республик и городов типа Ленинграда, которые будут удовлетворять минимальным требованиям; рекомендации экспертов и помощь в жизненно важных областях, таких как сельское хозяйство и улучшение состояния окружающей среды. Более того, следует стимулировать и советских военных, если они будут придерживаться соглашений по разоружению: жилье, программы переподготовки, предоставление работы.

Западная Европа

Для Западной Европы это станет не только вопросом предоставления денег и технологий. Сама Западная Европа - тоже часть проблемы. Притягательность Европы для мигрантов заключается отчасти в доступности многих товаров, которая есть результат системы производства, крайне разрушительно воздействующей на окружающую среду. Отчасти же мигранты стремятся из третьего мира и из-за того, что Запад, имея большое влияние, например, в организациях типа Генерального соглашения по таможенным тарифам и торговле, может "определять правила игры" в международной экономике. Некоторые из этих правил, например касающиеся торговли сельскохозяйственными продуктами чрезвычайно затрудняют экспорт из стран третьего мира, тем самым увеличивая бедность и стремление эмигрировать. Некоторые из больших потоков беженцев вызваны войнами,

которым во многом способствует большое количество современного оружия, поставляемого как с Запада, так и с Востока. Таким образом, в Западной Европе тоже должны начаться значительные изменения с тем, чтобы она соответствовала определенным минимальным требованиям.

Перевод с английского Г. Розова

**ЗАКОННЫ ЛИ И ОСУЩЕСТВИМЫ ЛИ
"КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА" ДЛЯ МЕНЬШИНСТВ?**

*Торе Линдхольм
Норвежский Институт прав человека, Осло*

1. Определение терминов и описание подхода

Говоря ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, я имею в виду международно признанную систему фундаментальных прав, входящую в Международный Билль о правах (IBM) или выросшую из принципов последнего. IBM состоит из Всеобщей Декларации прав человека (UDHR, 1948) и двух конвенция 1966 года: Международной Конвенции по гражданским и политическим правам (CCPR) и Международной Конвенции по экономическим, социальным и культурным правам (CESCR). После 1948 года под эгидой ООН, Европейского Совета и других международных органов в международном праве была разработана разветвленная система соглашений и деклагаций по правам человека. За обеспечение прав человека прежде всего ответственно государство. Разработка норм и установлений прав человека ни в коем случае не может считаться завершенным: необходима, без сомнения, дальнейшая работа, в особенности в области защиты меньшинств. Был поставлен вопрос о "контроле качества" новых прав человека, и Генеральная Ассамблея ООН призвала

Государства-участники и органы ООН руководствоваться следующими основными направлениями при разработке международных инструментов в области прав человека; эти инструменты должны, среди прочего, (а) согласовываться с существующим пакетом международных законов по правам человека; (б) входить в основной корпус законов и основываться на принципах достоинства и ценности человеческой личности; (в) быть достаточно конкретными, чтобы на их основе смогли вырасти легко очерчиваемые и практически примени-

мые права и обязанности; (г) обеспечивать, где необходимо, реалистические и эффективные механизмы применения, включая системы контроля; (д) привлекать широкое международное сотрудничество (Gen.Ass.Res.41/120, 4 Dec.1986).

В целом, ПРАВА имеют приоритет перед иными демократически санкционированными целями (такими как парламентское решение о строительстве ядерной электростанции или аэропорта). Поэтому права в особенности важны для меньшинств. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, в частности - это очень мощные нормы: в случае конфликта они, как правило, перевешивают большую часть иных юридических норм, включая обычные права. Аналогичный статус приписывается правам человека и как нравственным нормам: это, так сказать, "нравственные козыри". Тем не менее лишь немногие права человека абсолютны; различные права человека, будучи применены к индивидуальному случаю, могут требовать противоположных решений и должны, следовательно, применяться только через решения независимых судебных или иных компетентных органов.

Под термином МЕНЬШИНСТВО я понимаю группу граждан государства, численно составляющую меньшинство и не доминирующую в этом государстве, имеющую этнические, религиозные или лингвистические характеристики, отличные от остального населения; которая демонстрирует, пусть имплицитно, чувство солидарности, направленное на сохранение своей культуры, традиций, религии или языка. (Я пользуюсь определениями [Deschenes 1985, Capotorti 1979]). Это определение составлено с опорой на статью 27 ССРР. Кроме того, МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕНЬШИНСТВА и НЕБОЛЬШИЕ НАЦИИ, включенные в более крупные многонациональные государства, являются в этом смысле меньшинствами. Однако из специфические коллективные устремления выходят за рамки простого сохранения культуры, традиций, религии и языка и включают политические цели, такие как определенная степень политической автономии, или возможно даже государственный суверенитет.

МНОЖЕСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА существуют там, где граждане государства подразделяются на несколько этнических групп, отличающихся друг от друга по своим признакам и по устремлениям, которые ограничивают меньшинство от остального населения. Все общества, которые мы наблюдаем, несомненно являются множественными.

Мне не удастся определить термин НАЦИЯ и НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (nation and nationality) так, чтобы объединить необходимые объе-

ктивные и субъективные элементы, и так, чтобы не заложить в это определение ответы на те вопросы, которые подлежат открытому обсуждению.

Я также не хотел бы определять НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ. Однако думается, что среди них должны выделяться (вслед за [Hroch 1991: 4]) три фазы их нормального развития: фаза научных исследований языка, традиций, истории группы (фаза А), фаза национального возбуждения (фаза В), и фаза массового национального движения (фаза С). Национальные движения, по крайней мере в фазе В и С, до определенной степени черпают силы из национальных или "националистических" устремлений.

НАЦИОНАЛИЗМ бывает разных видов и степеней; если взять только политический национализм, и только его предельную степень, то он предполагает верность следующим двум принципам: (1) политическая и национальная единица должны совпадать (т.е. государство должно быть национально однородным, а нация – политически единой); и (2) политическая верность граждан существующему или будущему национальному государству перекрывает все прочие общественные обязанности, а к экстремальных ситуациях (таких, как война) – и все прочие обязанности любого типа.

Каждый из двух принципов может быть смягчен различными способами, и все же нести достаточно информации о том, что же я понимаю под "националистическими" политическими программами и взглядами. Они и должны быть существенно смягчены, чтобы избежать прямого столкновения с принципами прав человека и подобающей защиты меньшинств.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА – это права, которыми обладают коллективные субъекты: группы или общины, в отличие от индивидуумов. Противоположное понятие – ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРАВА (права, которыми обладают индивидуумы). Многие индивидуальные права имеют коллективные измерения. Например, индивидуальное право может предполагать предоставление особого статуса каждому члену некоторой группы ("все государственные служащие – мусульмане обязаны избегать употребления свинины"); осуществление индивидуальных прав может предполагать коллективные действия (например, следование религиозным обрядам или использование своего языка); индивидуумы могут, далее, обладать правом пользования коллективным достоянием (например, общественное здравоохранение или чистая окружающая среда). И, естественно, государства и международные органы, ко-

которые имеют обязательства уважать, защищать или обеспечивать права людей, являются коллективными сущностями.

Коллективные права значительно различаются по степени активной самоорганизации, которая требуется от членой группы, чтобы эти права могли осуществиться: активное коллективное право может потребовать от общины создать и поддерживать специальную организацию, которая бы принимала решения, управляла и контролировала деятельность школ для меньшинств, политических организаций меньшинств или религиозных учреждений. Пассивные коллективные права требуют лишь, чтобы были определены критерии членства в группе; после этого государственные структуры могут распределять фонды и ресурсы, предоставлять возможности для обучения, проводить выборы на места в общественные учреждения, нанимать на государственную службу и т.п., в каждом случае предоставляя меньшинству то, что ему положено как группе, например - на пропорциональной основе.

(Тезисы остальных четырех разделов доклада):

2. Исторический обзор: три основные фазы защиты меньшинств в международном праве; сильные и слабые стороны каждого из них; роль коллективных прав

- (а) до Первой Мировой войны;
- (б) между Мировыми войнами;
- (в) после Второй Мировой войны.

3. Первое препятствие: закрывает ли дорогу коллективному праву индивидуализм современных прав человека?

- (1) индивидуализм первоначального проекта ООН всемирных принципов всеобщих прав человека;
- (2) бескомпромиссный индивидуализм в отношении субъектов прав человека ставит коллективные права вне закона, в то время как индивидуализм в отношении основы ценностей прав человека может в некоторых обстоятельствах предполагать коллективные права человека; отказ от первого подхода.

4. Второе препятствие: могут ли нормативные принципы современных прав человека помочь в обосновании коллективных прав человека для защиты меньшинств?

(1) политический "плюрализм" и существование множественных обществ: разграничение, которому не придано должного значения в либеральной доктрине;

(2) множественные общества - это примеры таких общественных обстоятельств, для которых коллективные права человека нормативно законы.

5. Третье препятствие: является ли всеобщая система коллективных прав для меньшинств политически осуществимой? Нерешенные проблемы и противоречивые возможности.

Цитированная литература

Capotorti 1979: Francesco Capotorti. Study of the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. (New York: United Nations).

Deschenes 1985: Jules Deschenes. Une definition des minorites (Montreal).

Hroch 1991: Miroslav Hroch. Old nationalism or new national movements in contemporary Central and Eastern Europe? (Unpublished paper to the Oslo Conference on Minority protection and human rights in new Europe, Jan.30-Feb.3. 1991).

Перевод с английского Н.Вахтина

**ПРАВА МЕНЬШИНСТВ И ЭТНИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ
В ТОТАЛИТАРНОМ КОНТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕСХЕТИНСКИХ ТУРОК)**

А. Г. Осипов

(Институт этнологии и антропологии АН СССР, Москва)

1. Пример месхетинских турок позволяет проследить некоторые особенности положения этнических меньшинств и генезиса межэтнической конфликтности. Это связано, в частности, с разнообразием географического и языково-культурного контекста очагов конфликтности и с отсутствием в наиболее актуальных случаях (Узбекистан, Грузия) долговременной напряженности в отношениях вовлеченных в конфликт групп (механизм самопровокации в первом случае, отсутствие непосредственного контакта во втором).

2. Необходим учет некоторых базисных характеристик общества "советского" типа, не претерпевших до настоящего времени существенных изменений: монополия структур власти на редистрибутивные функции, тотальная зависимость индивида от структур власти и тотальная люмпенизация населения. С другой стороны, существенен органический контекст "национально-государственного устройства" - отношений, в основу которых положен принцип, согласно которому субъектом государственности выступают этнические общности ("этнократия"). В силу этого этнические национальности выделяются в качестве формализованных статусных групп, а принцип "этнократии" в качестве доминирующей мифологемы закрепляется в общественном сознании. В период либерализации тоталитаризма закономерно возникают массовые коммуналистские движения, направленные на реализацию статуса национальностей как субъектов государственности или автономии. Их объектом становятся малые этнические группы, воспринимаемые в качестве посягательства на статус "больших". С другой стороны, происходит формирование новых политических режимов, имеющих массовую активную поддержку на базе своеобразного массового психоза. При этом существование малых групп связано со своеобразным перманентным изъявлением лояльности господствующей мифологеме (пример - турки в Азербайджане).

**ТИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СССР**

Э. А. Паун

*Центр независимых экспертиз
при фонде "Культурная уникатива", Москва*

Изучение межнациональных конфликтов делает в СССР лишь первые шаги, и неудивительно, что методологической опорой для многих начинаний в этой области служат сравнительно разработанные идеи ряда зарубежных исследователей.

На некоторые из этих идей опирается и предлагаемая вашему вниманию типология межнациональных конфликтов (1). Так, вслед за Д.Зиммелем, Р.Дерндорфом, Л.Козером мы рассматриваем такие конфликты не как социальную аномалию, а как объективный процесс, являющийся одним из важных источников позитивных изменений в обществе. Применительно к исторической ситуации в СССР межнациональные конфликты выступают одним из важнейших источников трансформации тоталитарно-имперской политической системы и одновременно одной из форм становления гражданского общества.

В условиях неразвитости демократических традиций и институтов гражданского общества, национальные движения во всем мире — и СССР тут отнюдь не исключение — выступают как наиболее доступная форма объединения людей, становления их гражданского самосознания, включения в политическую жизнь.

Национально-политические движения на ранних этапах своего становления, как правило, бывают конфронтационными. Это объединения "против", в отличие от объединений "за". Последние возникают в процессе саморазвития национальных движений, когда их участники осознают позитивные цели политической борьбы и формируют конструктивные программы действий.

Степень зрелости национально-политических движений в определенной мере определяет собой и тип конфронтационного поведения. Для выделения этих типов мы использовали следующие признаки:

- степень адекватности (глубины, полноты, правильности) понимания сторонами существа конфликтных ситуаций, уровень осведомленности их об истинных причинах противоречий между этническими группами, общностями;

- уровень организованности конфликтующих групп (соотношения неформально-стихийного и институционально-организованных форм поведения);

- характер и уровень обоснования сторонами конфликта своих притязаний и требований (соотношение аргументов "силы", "морали" и "права").

Используя эти признаки мы выделим три типа межнациональных конфликтов, отражающие, на наш взгляд, разные стадии эволюции национально-политических движений. Эти типы условно названы нами: "конфликт психологических стереотипов", "конфликт идеологических доктрин", "конфликт политических прав".

Такова наша исходная рабочая гипотеза, которую мы попытаемся проанализировать на примерах межнациональных конфликтов, во множестве проявившихся в различных регионах СССР.

"Конфликт психологических стереотипов"

Примерами конфликтов этого стадийного типа могут служить такие межнациональные столкновения, которые в нашей прессе обозначаются одним термином "события". "Сумгаитские события", "ферганские события", "ошские события" и др. - при всем своеобразии каждого из них все эти конфликты развивались по сравнительно однотипной схеме. Так или иначе, но непосредственным толчком к открытым столкновениям во всех перечисленных случаях выступили некие психологические феномены. Иногда это просто ни на чем не основанные (например, в Фергане - измышления о якобы имевшем месте разгроме месхетинскими турками узбекского детского сада, или чаще - сообщения о реальных событиях, которым однако, в глазах возбужденного населения придается преувеличенный или искаженный смысл фактов национальной дискриминации (например, факт выделения земельных наделов киргизам, в той части Ошской области, которая преимущественно населена узбеками, послужил поводом к развязыванию ошских событий).

Возникающие на основе таких слухов и подозрений стереотип "наших бьют", чрезвычайно быстро распространяются на некоторой

территории, способствуя консолидации и мобилизации на ответные меры этно-территориальных общностей, осознающих себя ущемленными. В каждой из конфликтующих общностей одновременно формируется и развивается два вида стереотипов: первый определяет собой рост этнической замкнутости, второй - развитие этнической подозрительности, достаточно быстро трансформирующейся в этническую враждебность.

Существенно типологической особенностью "конфликтов психологических стереотипов" является неопределенность целей организаторов беспорядков (бунтов). Так, ни ученые, ни сотрудники правоохранительных органов не могут сегодня с уверенностью объяснить почему во время ферганских событий летом 1989 года погромы подвергались именно турки-месхетинцы, и не иные этнические меньшинства, населяющие Ферганскую долину. Столь же туманные цели инициаторов душанбинских событий 1990 года и мало объяснимы причины антиармянских настроений в Душанбе.

Еще одной особенностью таких конфликтов является и анонимность организаторов столкновений. Примером могут служить те же ферганские события. В них участвовали десятки тысяч людей, но в ходе следствий по этому уголовному делу, выяснилось, что подавляющее большинство участников погромов не знали ни об истинных целях организаторов беспорядков, ни самих этих людей. В то время как признаки организационной подготовленности беспорядков у следствия не вызывают сомнения.

На наш взгляд, организованные силы в конфликте "стереотипов" выполняют лишь функции "спускового крючка", включая механизмы развертывания стихийных процессов.

Именно стихийность и является основной типологической характеристикой конфликтов "психологических стереотипов". Они остаются принципиально стихийными и в тех случаях когда в рядах противоборствующих сторон выдвигаются популярные лидеры, поскольку такое выделение происходит на бессистемной основе, не опирается на сколько-нибудь развитые организационные структуры и теоретические концепции.

В силу своей стихийности, неуправляемости конфликты стереотипов чрезвычайно опасны и, как правило, ведут к трагическим последствиям.

"Конфликты идеологических доктрин"

Определяющей чертой конфликтов этого типа является консолидация членов конфликтующих общностей на основе осознанного согласия с прокламируемыми в группе идеологическими концепциями. В таких концепциях, как правило конкретно определены цели национальных движений и пути их достижения. Концепции формируются не стихийно — они разрабатываются идеологами-теоретиками. Эти люди не анонимны, напротив, они широко известны и популярны в народе, из их рядов впоследствии рекрутируются политические лидеры. Основной движущей силой в "конflikте доктрин" выступает интеллигенция, в то время как в конфликте стереотипов, ведущей силой являются спонтанные группы с эмоционально экстремистской ориентацией, в основном из числа малоквалифицированных работников или деклассированных групп. Не случайно все ранее перечисленные "события-бунты" разгорелись в районах наивысшей концентрации "незанятого" населения (Степанакерт, Фергана, Ош).

Конфликты-события всегда локальны и скоротечны, в то время как конфликты идей могут охватывать несколько этнических общностей, включая их этнодисперсные группы и сохраняются в течение длительного времени.

Примерами столкновения противоборствующих идеологических позиций могут служить три наиболее распространенных разновидности межнациональных конфликтов в СССР — предметом конфронтации в каждой из них является историческое право этнической общности на данную территорию.

Первая группа этнотерриториальных конфликтов рассматриваемого типа возникла как историческое эхо депортации в 1941-1944 гг. многих народов СССР. Эти народы стремятся возвратиться в родные места и обосновывают свои притязания на расселение в конкретных районах представлениями о своем безусловном праве на восстановление исторической справедливости. В то же время среди этнических групп, заселивших районы, откуда выселены немцы Поволжья, турки-месхетинцы, крымские татары и другие депортированные народы культивируется принцип необратимости исторических изменений ("теперь мы населяем эту территорию, теперь это наша земля, за нами, следовательно право на нее"). Иными словами идея "восстановления исторической справедливости" сталкивается с идеей "сохранения исторической реальности".

Сходные коллизии характерны и для конфликтов, в основе которых лежат процессы изменения в ряде регионов этнодемографической структуры в сторону увеличения доли пришлого иноэтнического населения. Опасения утраты статуса этнического большинства приводят к тому, что национальные движения народов, давших название данной территории, выдвигают требования "защиты коренного этноса", скажем путем ограничения иммиграции иноэтнических групп, и даже поощрения их реэмиграции. Такие требования встречают понятное противодействие со стороны представителей "некоренных" национальностей в Казахстане, в Молдавии, в республиках Российской Федерации и в ряде других регионов.

Наконец, третьим источником конфликтов идеологических доктрин выступает неопределенность, а зачастую и произвол в установлении границ и административных статусов национально-территориальных образований. Чаще всего источники конфликта этого типа кроются в сохранении многоярусной иерархии национально-территориальных общностей, при которой одни народы как бы подчинены другим, входят в них на правах населения зависимых автономий. Такую природу имеют "абхазский", "гагаузский", "юго-осетинский", "нагорно-карабахский" конфликты. На первый взгляд представляется, что стороны конфликта этого типа обосновываются свои требования исключительно на основе конституционного права: национальные движения автономий апеллируют к праву наций на самоопределение, тогда как противостоящие им силы ссылаются на другие положения той же Конституции СССР, предоставляющих только союзным республикам право изменять границы и административный статус входящих в нее территорий.

Действительно, действующее законодательство в области национально-государственного устройства СССР противоречиво и несовершенно. Однако не только, а может быть, и не столько этим объясняется антагонизм рассматриваемых идеологических доктрин. Постоянное стремление идеологов конфликтующих сторон подкреплять сугубо юридические доводы ссылками на историческое первенство своего народа, в заселении спорной территории позволяет предположить, что авторитет закона в идеологических построениях обеих сторон пока явно уступает силе аргументов "исторического права" и это в значительной мере затрудняет возможность нахождения сторонами конфликтов взаимоприемлемых решений.

Конфликт политических институтов

Если "конфликт доктрин" – это в основном противостояние идей развернутых лозунгов, программы, то "конфликт политических институтов" – это уже всегда противоборство организаций. Противостоящие стороны на этой стадии конфликта консолидируются на основе их активной практической включенности в систему функционирования политических институтов (партий, политических блоков, институтов власти и др.).

По отношению к "конфликту стереотипов" и "конфликту концепций" государство выступает как "третья сила" и ограничивается в первом случае функцией защиты общественного порядка и пресечения крайних форм конфронтации, во втором – ролью посредника, пытающегося наладить диалог между конфликтующими этническими общностями. А вот в "конфликте политических прав" государство уже не "третья сила" а основной участник конфликта. Именно к нему обращены требования одной или нескольких этнических общностей – требования предоставить права, поделиться властью.

Такого рода требования составляют основное содержание межнациональных конфликтов в республиках Прибалтики. Даже если ограничиваться рассмотрением "горизонтальных" сугубо межэтнических коллизий, то здесь они носят весьма своеобразный характер. Как правило, для участников межнациональных конфликтов характерна ярко выраженная этноцентристская ориентация. В Прибалтике же конфликтные отношения сложились между этноцентристски ориентированными народными фронтами и панцентристскими по своей идеологии интердвижениями. Последние воспринимаются значительной частью населения коренных национальностей не столько как особая этническая, этнолингвистическая общность (русскоязычная), сколько в качестве политической силы, представителей центра в республике, как "пятая колонна" союзного государства. События января 1991 г. в Литве, в ходе которых одна из сторон конфликта интердвижения, КПСС – опирались на военную силу союзного государства, думается, неоспоримо доказывают внеэтническую социально-политическую природу "балтийских конфликтов".

Два вектора развития межнациональных конфликтов

Проведенное обобщение и анализ региональных конфликтных ситуаций как будто бы подтверждает правомочность рассмотрения различных типов конфликтов в едином эволюционном ряду. Так, сравнение, скажем, "ошских событий" с конфликтами "прибалтийскими" показывает одно из возможных направлений эволюции конфликтационного поведения - перехода от стихийной конфронтации слабо организованных этнических групп к политически организованной оппозиции национальных движений.

Можно выделить основные элементы и позитивные социальные последствия эволюционного развития конфликтов. Прежде всего это формирование низовой структуры массовых общественно-политических организаций начиная от движений за возрождение национальной культуры и кончая организациями типа "народный фронт", некоторые из которых, в свою очередь, стали предтечей политических партий. Анализ показал, что в тех случаях, когда национальные движения развиваются под руководством демократических организаций, наблюдается заметное изменение их целей и программных установок. Так, в программах народных фронтов республик Прибалтики широкие социально-экономические и политические задачи явно превалируют над задачами узкоэтническими. Далее, опыт деятельности многих национальных движений подтвердил способность демократически избранных лидеров и штабов таких движений предотвращать разгул стихии, вспышки насилия. Примером может служить Организация крымско-татарского национального движения, не раз удерживавшая своих членов от насильственных действий в эмоционально напряженной ситуации возвращения на родину крымских татар. И, наконец, появление в национальных движениях организаций демократической ориентации является абсолютно необходимой предпосылкой развития межнационального диалога.

Вместе с тем, ход развития политической ситуации во всех республиках Советского Союза показал, что эволюционное направление развития межэтнических противоречий сегодня далеко не определяющее. Все заметнее проявляется совершенно иная траектория динамики межэтнических конфликтов - условимся называть ее "эскалацией".

Под ней мы понимаем накопление и нарастание межнациональной напряженности, усиление этнических предубеждений вплоть до раз-

вития этнофобий, переход от взаимных угроз к открытым массовым становлениям, наконец, разрастание и ожесточение самих этих столкновений.

Такое направление развития конфликтов обусловлено объективными особенностями той социально-экономической и политической среды, в которой возникают и протекают межэтнические противоречия. Из числа этих особенностей стоит выделить, прежде всего, следующие: структурный кризис социалистической системы, проявляющийся в одновременном обострении множества крайне запущенных проблем: экономических, экологических, социальных и др.; отсутствие сколько-нибудь развитого "среднего слоя", т.е. собственников, людей заинтересованных в сохранении общественной стабильности и ориентированных на ненасильственные действия, на достижение гражданского согласия; зачаточный уровень политической культуры у значительной части населения страны. Помимо объективных причин, нарастает действие субъективных факторов эскалации межнациональных конфликтов. Главным среди них является политика центральной власти, все более ориентирующейся на военно-силовые методы разрешения межэтнических противоречий, и, зачастую и в разжигании таковых на превращение социальных противоречий в межэтнические. Как реакция на политику "давления", происходят негативные изменения внутри национальных движений, и из фактора блокирующего возможность возникновения неконтролируемых вспышек насилия они превращаются в один из источников обострения межнациональной конфронтации.

Так, объединение спонтанных групп под эгидой общественно-политических организаций, способствуя преодолению стихийности, уменьшает риск эскалации конфликта. Однако, в условиях подполья или неполной легальности подобная интеграция происходит на основе жесткого подавления инакомыслия в рядах собственного движения, усиления роли радикальных и оттеснения умеренно настроенных групп. В итоге могут сформироваться организации микрототалитарного типа, которые приводят своих сторонников на тупиковый путь организованных вооруженных столкновений, напоминающий гражданскую войну между регулярными отрядами (наподобие той, что уже много лет не прекращается в Ливане). К сожалению, в таком направлении развиваются межнациональные конфликты в ряде районов Закавказья.

Появление у национальных движений своих теоретических доктрин, взамен иррациональных психологических стереотипов, также в принципе является фактором, предотвращающим неуправляемое развитие межэтнических конфликтов. Но в атмосфере осадного положения подобные доктрины зачастую вырождаются в некие догмы, зачастую антигуманистической направленности. Наиболее распространенный ныне среди национальных движений является идеология избирательного гуманизма. Суть ее в том, что доктрина каждой из сторон оправдывает действия и направлена на защиту интересов своей общности, совершенно игнорируя интересы чужих общностей. Подобная идеология не только не блокирует развитие этнических предубеждений, но и стимулирует появление все новых стереотипов такого рода, усиливает общую мифологизацию национального сознания.

Возможность развития межнациональных конфликтов в двух противоположных направлениях стоит учитывать при разработке целей и средств национальной политики.

На наш взгляд, такая политика не должна проектировать полное и окончательное устранение межэтнических конфликтов из жизни многонационального государства или региона. Сама постановка такой задачи представляется не только утопической, но и в ряде случаев неправомерной с точки зрения общих целей прогрессивного развития общества. Однако не вызывает сомнений необходимость применения некоего управляющего воздействия на межнациональные отношения в конфликтных ситуациях. Такое управление может быть эффективным, если его цели будут в основном ориентированы на перевод конфликтов в русло эволюционного развития, а основным средством явится "окультуривание" стихийных движений, придание им организованного, демократически ориентированного характера.

Примечания

1. Типология разработана Э.А.Паиным и А.А.Поповым, изложена в их совместной работе: Межнациональные конфликты в СССР. - "Советская этнография". 1990, № 1. Данный доклад базируется на этой работе, с некоторыми уточнениями, отражающими ряд новых событий в межнациональной сфере.

ПРОБЛЕМА ДАТСКО-НЕМЕЦКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Клаус Карстен Педерсен

Директор Датской Ассоциации внешней политики

История вопроса

Проблема датско-немецких меньшинств возникла на приграничных территориях в узком основании полуострова Ютландия, где более тысячелетия назад встретились и смешались два эти народа.

С доисторических времен датчане населяли полуостров вплоть до наиболее узкой и наиболее легко обороняемой его части между фиордами Слиен /Slien/ на востоке и болотами Трене /Trene/ на западе. В этом месте в начале VIII века датский король построил вил, обнесенный частоколом, который должен был служить защитой с юга. В течение последующих пяти веков этот вал несколько раз укреплялся и укрупнялся, в результате чего возникла кирпичная стена, получившая название Данневирке /Dannevierke/.

К югу от Данневирке до реки Айдер /Eider/ находилась малонаселенная территория, а еще южнее – земля Гольштейн, населенная в западной части германскими саксами, которые впоследствии захватили и германизировали славянские венды на востоке.

На протяжении средних веков знать Гольштейна постепенно завоевывала, скупала или получала в результате заключений браков земли и власть к северу от Данневирке в Южной Ютландии, образовав герцогство Шлезвиг. Шлезвиг они начали считать подчиненным Гольштейну. Однако в 1460 году они выбрали своим правителем короля Дании при условии, что немецкий Гольштейн и датский Шлезвиг в будущем не будут отделены друг от друга. Таким образом образовался реальный союз между герцогствами Гольштейн и Шлезвиг, а также между этими двумя герцогствами и королевством Дания. Такой союз существовал 400 лет, в течение которых германское языковое и культурное влияние могло свободно проникать в Шлезвиг; и никто не видел в этом опасности, пока положение Дании оставалось стабильным и защищались привилегии знати, церкви и городов.

Проблема меньшинств, I этап

Однако в начале XIX века рост политического и национального самосознания в Европе оказал влияние и на отношения между датчанами и немцами. Упрощенно ситуация выглядела следующим образом: руководящие круги чисто немецкого Гольштейна и частично германизированного Шлезвига хотели получить большую автономию от Дании. С другой стороны, датчане в Шлезвиге хотели ослабить господство немецкого языка в школах, церкви и управлении в тех районах Шлезвига, где основное население все еще говорило на датском языке.

Проблема границы

Основной вопрос, возникший незамедлительно, заключался в том, где должна проходить граница между Данией и Германией. Война 1848-1850 гг. не изменила ситуацию, однако теперь все большее число датчан стремилось избавиться от Гольштейна, сохранить Шлезвиг и таким образом восстановить государственную границу вдоль Данневирке или по реке Айдер, существовавшую тысячелетие назад. Но Гольштейн не хотел лишаться Шлезвига. В новой короткой, но кровопролитной войне 1864 года на помощь немцам Гольштейна и части Шлезвига пришла Пруссия, которая одержала победу над Данией и отодвинула границу к северу от Шлезвига, отдалив таким образом оба герцогства от Дании. Однако они не получили независимости, а были включены в состав Прусского королевства, а четыре года спустя - в состав новой Германской Империи.

Проблема меньшинств, II этап

Изменение границы означало поворот на 180 градусов в проблеме национальных меньшинств: до 1864 г. многочисленное довольно влиятельное и привилегированное германское меньшинство находилось под датской короной - после 1864 года гораздо более малочисленное и пользующееся все меньшими и меньшими правами датское меньшинство оказалось в подчинении Германии. Десятки тысяч эмигрировали в Данию или за границу, чтобы избежать военной службы под германским флагом и насильственной германизации в системе образования, но большая часть датского населения осталась, чтобы

сохранить свои семейные фермы, и питала мечты о скорейшем воссоединении с Данией. Во время I мировой войны около 30.000 датчан Шлезвига были вынуждены сражаться на стороне Германии, причем процент потерь датского меньшинства (6.000 убитых) был выше среднего уровня потерь Германии.

Однако все более пренебрежительное отношение к датскому меньшинству со стороны Германии имело противоположный результат: в 1914 году Северный Шлезвиг был, вероятно, даже более датским, чем в 1864 году. Вот что говорил политический оратор на ежегодном собрании датского меньшинства в 1914 году: "Развитие истории с каждым днем все очевиднее показывает, что угнетенные народы не исчезают, а живут и борются, что по мере усиления угнетения укрепляется их самобытная культура и растет ее уровень. Но в конечном счете политика, которая является не только вопиюще несправедливой и морально предосудительной, но к тому же еще и бесплодной, не может долго существовать. Поэтому политику насилия ждет неизбежный крах".

Решение вопроса о границе

Вследствие разгрома Германии в 1918 году, неожиданно стало возможным пересмотреть вопрос о границе. Проблема заключалась в том, каким образом и в каких масштабах это сделать. И Дания приняла сложное решение. Хотя многие стремились к восстановлению исторической границы по Данневирке, большинство датчан Дании и большинство лидеров датского меньшинства в Шлезвиге решили руководствоваться не историческим правом, а желанием населения, в тот момент живущего в Шлезвиге.

Был проведен референдум, в результате которого 74% населения Северного Шлезвига проголосовало за то, чтобы входить в состав Дании, 80% населения меньшей центральной части Шлезвига, включая крупнейший город Фленсбург, проголосовало за германское подданство, а в южной части Шлезвига голосование вообще не проходило, поскольку многочисленное германское большинство уже заранее предопределило выбор. Среди всего населения Северного и Центрального Шлезвига, где датское большинство составляло фактически 53%, 88.000 голосов было отдано за Данию и 77.000 за Германию. В результате установления новой границы в 1920 году между этими дву-

мя зонами (Северным и Центральным Шлезвигом) 25.000 немецкого меньшинства осталось в Дании, а 13.000 датского меньшинства - в Германии.

За относительно сдержанным и справедливым решением Дании скрывались и идейные, и практические мотивы. С одной стороны идея о праве населения на самоопределение прочно укрепилась в Дании. С другой стороны, Дания не жаждала вновь отдавать древнюю датскую территорию многочисленному трудно контролируемому немецкому меньшинству. Но Дания также не стремилась к конфронтации с Германией, которая хотя и проиграла в войне, могла рано или поздно вновь стать очень сильным государством по соседству с Данией.

Проблема меньшинств, III этап

Хотя было принято справедливо решение об установлении новой границы, оно, конечно же, удовлетворяло не всех. Вопрос годами обсуждался обеими сторонами и надежды на пересмотр границы не умирали.

Сдержанная политика Дании была подвергнута самому тяжелому испытанию после второго поражения Германии в 1945 году. В атмосфере хаоса и лишений, начавшихся после капитуляции Германии, в результате наплыва сотен тысяч беженцев с востока, многие жители Южного Шлезвига начали пересматривать свою "немецкость", вспомнили о своих датских корнях и обнаружили преимущества датской (и вообще, скандинавской) экономической, социальной и политической структур. В 1947 году на выборах в парламент Шлезвиг-Гольштейн в Киле кандидаты-датчане получили 100.000 голосов, т.е. немного более половины всех голосов, зарегистрированных в Южном Шлезвиге. В силу радикально изменившейся ситуации общественное мнение Дании теперь активно выступало за установление особого статуса Южного Шлезвига, не исключая вопроса о возможном пересмотре границы, при условии, что новое датское большинство в этом районе оказалось бы влиятельным. Не вполне ясно, поддержала бы такое решение Великобритания, которая оккупировала Северную Германию, если бы оно было предложено датским правительством. Как оказалось, правительство Дании и все политические партии, за единственным исключением, придерживались политики неизменности границы.

Можно было бы утверждать, что при установлении границы без учета нового датского большинства к югу от нее, Дания предала принцип самоопределения. Но, во-первых, существовали некоторые сомнения по поводу искренности шагов в пользу Дании, и, во-вторых, стояла проблема беженцев из восточных частей бывшего Германского Рейха. Их пришлось бы либо выселять из Шлезвига и размещать в других районах Германии (а поскольку их число росло повсюду, выселение вскоре стало невозможным), либо они должны были остаться в Шлезвиге, увеличивая тем самым его немецкое население и превращая новое датское большинство снова в меньшинство. Произошло как раз последнее. Таким образом, сохранение границы на прежнем месте, в конце концов, не нарушило принцип самоопределения.

Двумя другими (менее идейными, но более практическими) мотивами сдержанности Дании в вопросе о границе были: не включать очень многочисленное немецкое меньшинство в состав Дании и не идти на конфронтацию с Германией. В 1945-47 годах эти причины были не менее актуальны, чем в 1918-20 годах. Вопрос о границе был закрыт.

Но осталась проблема прав национальных меньшинств к северу и к югу от границы. Датское меньшинство в Германии притеснялось со времени его образования в результате немецкого завоевания в 1864 году. Перспективной целью Германии было укрепить свои позиции в Шлезвиге путем уничтожения датского языка, культуры и подавления политической активности. Кроме того, датчане постепенно насильственно выселялись из родных мест, т.к. многие молодые люди эмигрировали, чтобы избежать военной службы в Германии и клятвы верности Кайзеру. Более трети населения Северного Шлезвига эмигрировало за период 1864-1914 годов. После 1920 года ситуация несколько улучшилась, но с ростом нацизма после 1933 года положение снова ухудшилось. После 1945 года немцы, проживающие на территории будущей земли Шлезвиг-Гольштейн, были напуганы волной про-датских настроений. Они делали все возможное, чтобы ее сдержать. Ситуация складывалась конфронтационная.

Немецкому меньшинству в Дании, образованному в результате пересмотра границы в 1920 году, были предоставлены гораздо лучшие условия. Политика Дании стала ясна еще на конференции в Париже в 1919 году: "Воссоединение датской части Шлезвига с Королевством должно гарантировать всем будущим гражданам Датского

государства одинаковые права и одинаковое к ним отношение в соответствии с основными либерально-демократическими принципами". Датские законы, особенно школьные, давали меньшинству широкие возможности для активных действий и консолидации. Очень быстро немецкое меньшинство создало эффективную школьную систему, основанную на немецко-язычных муниципальных школах и все в большей степени на частных школах, получающих щедрую государственную поддержку в соответствии и с высшей степени либеральным Законом о датской независимой школе. Политическая деятельность была полностью свободной, и вскоре немецкое меньшинство выбрало представителя в датский парламент. Следует также отметить, что немецкие государственные служащие в Дании (в отличие от датчан в Германии) были избавлены от необходимости делать выбор давать или не давать клятву верности государству, поскольку в Дании не существовало такой практики ни на гражданской, ни на военной службе. Датские государственные служащие и духовные лица, не дававшие клятву на верность Германии после 1864 года, увольнялись без предоставления пособия.

Однако либеральная атмосфера к северу от границы была полностью нарушена германской оккупацией Дании в течение 1940-45 годов. Немецкое меньшинство открыто сотрудничало с оккупационными силами, и реакция Дании в 1945 году была резкой по сравнению с обычной датской традицией и практикой, хотя гораздо менее жесткой по сравнению с "ответным ударом" в других странах Европы. 3.000 было интернировано и осуждено, в основном на основании законов, имеющих обратную силу. Хотя не было вынесено ни одного смертного приговора, многие рассматривали подобные меры как глубоко несправедливые. По школам немецких меньшинств также был нанесен тяжелый удар. И муниципальные, и частные школы были закрыты, но в 1946 году снова открылись частные школы, так же основательно поддерживаемые государством, как и датские частные школы, хотя некоторое время они находились под строгим надзором. Таким образом, к северу от границы ситуация была также конфликтной.

Решение вопроса

Как же удалось Дании и Германии выйти из этого конфликта?

В целом, датские законы и политические институты предоставляли достаточные возможности для восстановления нормальной куль-

турной и политико-экономической деятельности немецкого меньшинства. Основные затруднения были к югу от границы, где нужно было создать новые институты, не имея при этом практически никаких демократических традиций. Одновременный приход к власти социал-демократических правительств и в Копенгагене, и в Киле в 1949 году и лейбористского правительства в Лондоне способствовал налаживанию связей, а осознание угрозы со стороны Советского Союза после коммунистического переворота в Праге в 1948 г. выдвинуло новую общую проблему, для решения которой необходимым стало лучшее взаимопонимание между Данией и Германией.

В сентябре 1949 года после переговоров с датским меньшинством правительство земли Шлезвиг-Гольштейн приняло так называемую Кильскую Декларацию о положении меньшинства. Декларация гарантировала датчанам (и фризам) Южного Шлезвига обычные демократические права, гражданские свободы и отсутствие дискриминации. В Декларации специально заявлялось: "Сохранение верности Датскому национальному сообществу и датской культуре добровольно. Это право не может ни подвергаться контролю со стороны правительства, ни нарушаться им". Тем самым, даже в Германии был, наконец, установлен принцип свободы национального и культурного выбора; а поскольку право выбора было личным правом, это был также и демократический прорыв. Следует отметить, что этот принцип не тождественен принципу самоопределения, но так как он относится даже к национальным меньшинствам за жестко установленными границами, то он является важным дополнением к принципу самоопределения.

Добрые намерения Кильской Декларации на деле не были осуществлены, датское меньшинство продолжало испытывать различные формы дискриминации, и ситуация достигла критической стадии, когда в 1954-58 годах в результате предвыборных махинаций, связанных с неправильной разбивкой на округа, и высокой квотой датское меньшинство не получило представительства в парламенте земли Шлезвиг-Гольштейн.

Дания подняла этот вопрос в связи с предстоящими заседаниями в НАТО по вопросу о принятии Германии в Западный оборонительный военный союз. Предполагаемая угроза заключалась в том, что Дания могла наложить вето на решение принять в союз страну, подвергающую дискриминации датское меньшинство, делая тем самым затруднительным для Германии полноценное участие в Союзе. Такая угроза подействовала на федеральное германское правительство в Бонне,

результатом чего стали 2 аналогичные правительственные декларации – мартовские Боннско-Копенгагенские деклараций 1955 года о положении национальных меньшинств к северу и к югу от границы. Датскому меньшинству было гарантировано парламентское представительство в Киле. а школам немецких меньшинств были предоставлены такие же права при проведении экзаменов, что и в датских школах. Решение о создании этих двух деклараций было принято, т.к. Дания выступала против двустороннего соглашения, дающего большому и могущественному соседу право вмешиваться во внутренние дела маленькой демократической страны.

Итоги

Главным итогом декларации было, по-видимому, укрепление уверенности и прокладывание пути к доверию и доброй воле, которые при поддержке со стороны властей и общественного мнения являются основой, на которой могут нормально существовать национальные меньшинства. По обе стороны границы растет тенденция рассматривать национальное меньшинство не как угрозу, а как активную стимулирующую силу общества и государства, в котором оно живет.

Вслед за партнерством в НАТО Германия и Дания стали партнерами в Европейском Совете. Таким образом, значение государственной границы сейчас быстро уменьшается. Однако мирное соревнование между Данией и Германией в области культуры и при решении общих вопросов обязательно будет продолжаться наряду с мирным сотрудничеством, стимулируя его.

В заключение можно сделать следующий вывод. Очевидно, основными факторами, определяющими настоящую ситуацию, являются: демократическая политическая культура, предполагающая уважение гражданских прав, в том числе и права нации на самоопределение и права на добровольный национальный и культурный выбор; сдержанность в отношении к требованиям, основанным на исторических правах на определенную территорию; конструктивные односторонние шаги; особое внимание к районам общих и взаимных интересов; наличие незаинтересованного посредника в критические моменты. Хотя датско-немецкий опыт, конечно же, уникален, какие-то моменты, вероятно, все же могут быть учтены при рассмотрении других случаев. Он привлекателен тем, что удался.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Lorenz Rerup. Graensen. Fra graensekamp til sameksistens. Copenhagen 1969
2. Lorenz Rerup. Slesvig og Holsten efter 1830. Copenhagen, 1982
3. Dansk syd for graensen / 30 Jahre Bonn-Kopenhagener Erklaerungen. Flensburg og Abernaa, 1985
4. Личное письмо от 6 февраля 1991 г. С.Мэтлока, главного редактора газеты немецкого национального меньшинства Der Nordschlesviger.

Перевод с английского Ю.Арсеньевой

*СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ*

*П. М. Рабинович
(Львовский Университет)*

1.1. Современный период мирового развития характеризуется все более широким и обстоятельным фиксированием прав национальных меньшинств в международных документах самого высокого уровня. Одним из последних подтверждений этой гуманистической тенденции является, в частности, Парижская хартия для новой Европы.

1.2. Для понимания связи и соотношения коллективных прав национальных меньшинств и индивидуальных основных прав человека методологически существенным представляется следующее положение: каждому человеку объективно присущи, в той или иной мере, определенные черты национально-культурной самобытности, возможность сохранения и развития которых входит в состав его основных, неотъемлемых прав. Данный тезис, надо полагать, позволяет "снять" противоположение, антиномичность прав человека и прав нации.

1.3. Другим вопросом концептуального уровня, с решением которого так или иначе связаны многие практические решения по рассматриваемой проблематике, является установление непосредственного объекта культурно-национального возрождения и развития. При обсуждении этого вопроса надо учитывать, что, во-первых, не все элементы (эталоны, модели) прежней культуры могут быть "зеркально" воспроизведены и механически привиты, внедрены в современную жизнь: что именно возобновлять из утраченной культуры, а что оставить лишь для исторического изучения, - это должно определяться прежде всего реальными потребностями живущих сегодня людей, а не какими бы то ни было моделями, эталонами, образцами. А во-вторых, развитие национальной культуры непременно предполагает ее контактирование с другими культурами и обогащение их достижениями.

2.1. Непременным, ничем не заменимым средством реализации и защиты основных прав любого национального меньшинства, каждого его представителя является неукоснительно осуществляемое законодательство. Именно оно способно внести наибольшую определенность, четкость, стабильность в регулирование отношений, участниками которых выступают национальные меньшинства, придать представителям (членам) таких социальных групп ясность и уверенность относительно их многообразных возможностей в общественной жизни, в том числе тех, которые провозглашены в соответствующих международных документах. Словом, без надлежащего юридического инструментария основные права национальных меньшинств практически неосуществимы.

2.2. В советских республиках указанное значение государственных нормативно-правовых актов, регулирующих упомянутые отношения, особо актуализируется тем обстоятельством, что в настоящее время небывало широко и интенсивно разворачиваются процессы духовного, культурного возрождения "национального большинства", т.е. коренных наций, населяющих территорию соответствующей республики. В унисон с этими процессами (протекающими тоже ведь не без помощи законодательства) должно, очевидно, развиваться юридическое обеспечение возрождения, сохранения и развития культур национальных меньшинств.

2.3. Особую значимость в современных условиях приобретает юридическое обеспечение возможности учета специфических интересов, запросов национальных меньшинств в деятельности государственных органов. Ряд новых положений на этот счет содержит, как известно, Закон СССР "О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-территориальных образований или не имеющих их на территории СССР" от 26 апреля 1990 г. Однако очень немногие из этих положений реализуются на практике - не в последнюю очередь и потому, что ныне, в связи с радикальной суверенизацией республик, обозначенная проблема составляет прежде всего предмет республиканского законодательства, а оно сегодня по некоторым вопросам либо не соответствует упомянутому Закону СССР (это имеет место, к примеру, в Законе Эстонской ССР "О национальных правах граждан Эстонской ССР" от 15 декабря 1989 г.), либо же вообще отсутствует. (Показательно, что, скажем, в Украинской ССР лишь намечается разработка и принятие Закона о национальных меньшинствах).

2.4. В этих условиях нельзя исключать и принятие местными органами государственной власти локальных (или региональных, межобластных) нормативных актов по вопросам правового положения национальных меньшинств, в частности - вопросам развития их культуры. Очевидно, такие акты, даже не нарушая действующее законодательство, не могут не отличаться друг от друга по содержанию, коль скоро они призваны отражать и особые национально-культурные проблемы, обусловленные конкретно-исторической спецификой межнациональных отношений в соответствующей местности.

Такие акты, наряду с собственно регулятивными, регламентационными функциями, призваны выполнять и важные идеологически-воспитательные задачи. Одна из них видится в том, чтобы способствовать уменьшению и изживанию проявлений так называемого бытового шовинизма, национализма. А ведь нередко руководители местных органов государственной власти, лидеры национально-демократических движений (соответствующих партий, объединений), декларируя и демонстрируя благожелательное отношение к национальным меньшинствам, не считают себя сколь-нибудь ответственными за проявления бытового шовинизма, более того - полагают, что он в каком-то смысле неизбежен, неустраим. Однако представляется, что воздействие именно на массовое, "будничное" национальное сознание жителей территории (оказываемое и локальными нормативно-правовыми актами) является одним из важнейших показателей эффективности деятельности местных органов государственной власти и управления, различных общественных объединений в области межнациональных отношений.

2.5. Учитывая многонациональный состав населения г. Львова и Львовской области, Львовский областной Совет народных депутатов дал принципиальное согласие на утверждение местного Положения о культурной автономии национальных меньшинств. Необходимость принятия такого нормативно-правового акта применительно, в частности, к русскому (русскоязычному) населению области - наиболее многочисленному из таких меньшинств - была зафиксирована в рекомендациях общественно-политической конференции "Украинско-русские отношения в суверенной Украине", проведенной во Львове в январе 1991 г.

Представляется, что на местном уровне едва ли оправдано принимать отдельные документы о культурно-национальной автономии каждого национального меньшинства. Уместнее разработать и при-

нять один (единый) документ, в котором имелись бы "общая часть", включающая принципы и нормы, одинаковые для всех национальных меньшинств, и "особенная часть", подразделы которой посвящены своеобразным правам, возможностям соответственно каждой из таких групп.

РУССКОЕ И "РУССКОЯЗЫЧНОЕ" НАСЕЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ПЕРИОД КРИЗИСА ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭСТОНИИ)

А. А. Семенов

(Таллиннский педагогический институт)

1. Кризис в обществе сказывается на всех социальных группах, меняя их статус, взаимоотношения, отношения власти и т.п. Наиболее остро, вероятно, он воспринимается в сфере межнациональных отношений на "окраинах империи", где валентность происходящих изменений оценивается разными этническими группами противоположным образом. Представителями коренной нации изменения воспринимаются как национальное возрождение, а людьми, относящимися к "имперской нации" - как социальная катастрофа.

2. Осознание изменения статуса как социальной катастрофы связано, главным образом, с внезапностью перехода от положения привилегированного большинства в составе империи к статусу национального меньшинства в новом и непонятном государственном образовании. Кроме того, поскольку привилегированное положение воспринималось как должное, как данность, о которой не задумывались, то потеря этого статуса осознается как ущемление прав, зачастую принимающее комичные формы. Так, для внешнего наблюдателя непонятна борьба против национальной символики, борьба за "право" не говорить на языке коренной нации и т.п.

3. Существенным следствием ситуации кризиса империи является сравнительно высокая степень распространения консервативных настроений ("имперского сознания") среди русского населения в национальных республиках относительно русских метрополий. Это можно показать на примере опроса жителей Ленинграда, Пскова, Нарвы и Таллинна летом 1990 года. В ответе на тестовый вопрос "Следует ли силой препятствовать выходу республик Прибалтики из состава СССР?" доля ответивших утвердительно (т.е. сторонников сохранения империи любой ценой) составила, соответственно, 24, 28, 31 и 40 процентов. Причем в Таллинне "имперское сознание" оказалось характерным даже для значительной части гуманитарной интеллигенции - во всех прочих отношениях наиболее либеральной группы населения.

4. Разумеется, за последние годы происходит процесс разрушения консервативной имперской установки, хотя и достаточно мед-

ленный. Так, доля сторонников государственной независимости Эстонии среди русского населения увеличилась с 5% в апреле 1989 г. до 27% в июне 1990 г. Если же обобщить данные различных опросов и исследований, проведенных в 1990 году, то можно полагать, что среди русского и "русскоязычного" населения Эстонии сторонники независимости республики составляют около 25%, а доля носителей имперской установки - около 30%. Остальные ориентируются либо на идею "обновленной федерации", хотя до сих пор не вполне понятно, что имеется в виду, либо так и не составили для себя определенного мнения.

5. Одной из причин распространенности "имперского сознания" является, на наш взгляд, то обстоятельство, что положение русского населения в национальных республиках довольно неопределенно. Для того, чтобы играть какую-либо конструктивную роль, им необходимо ощущать себя некой субъективной общностью (назовем это субэтносом), со своими специфическими интересами и ценностями, укладом и образом жизни, моральными нормами и т.п. - отличными от прочих этносов. Только в этом случае можно говорить об особой русской общине в Эстонии (вообще в Прибалтике), или в Молдавии, Средней Азии и проч. Тогда возможно и политическое самоопределение, и компромиссы с другими движениями, и конструктивное сотрудничество. Пока же так называемое русскоязычное население представляет собой пеструю неструктурированную массу, которая в политическом смысле выступает не в виде движений и партий, а в виде толпы, и действует по законам толпы. У нее нет четко осознаваемых позитивных целей, поэтому ее действия - реакция на действия, совершаемые другими, как правило - реакция негативно-упрощенная и враждебная, подозрительная и деструктивная.

6. Одной из причин трудностей в формировании полноценной русской общины (субэтноса) в Прибалтике вообще и в Эстонии в частности, является то обстоятельство, что русское население республик продолжает осознавать себя частью либо великорусского этноса, либо представителями "новой исторической общности - советского народа". Чтобы выделился субэтнос, необходимо, как минимум, противопоставление "мы" - "они". Если этого нет, то население окраин продолжает считать себя частью основного этноса, а свое место жительства - частью метрополии. В таком положении оказалась, например, Франция во время войны в Алжире. Не случайно так сходно звучат лозунги "Алжир - французский" и "Эстония -

советская". В нашем случае дело осложняется пестротой происхождения русского населения (национальной и социокультурной) и наличием мощного эстонского национального движения, ценности и цели которого непонятны и воспринимаются как враждебные. Поэтому субъективное противопоставление иное: "мы - русские (советские)" - "они - эстонцы".

7. Предварительные выводы:

- Формирование балтийско-русской общины (или эстонкорусской) может начаться только в процессе выделения русского населения из метрополии и осознания себя как отдельной сущности (субэтнуса).

- Процесс этот необходимо должен быть связан с конструктивным участием в жизни эстонской общины, что предполагает, как минимум, хотя бы основные общие цели и ценности: например, восстановление эстонской государственности. Без этого невозможно ожидать взаимной лояльности и гражданского мира.

- Проблема лояльности и общих целей не означает, что приоритет ценностей должен быть полностью совпадающим. Если для эстонской общины приоритетна независимость, то для русской это может быть построение демократического и процветающего общества, экономическое развитие. Таким образом две общины могут искать гармонию общих интересов и взаимодополнять друг друга.

- В плане практической политики и экономики необходимо возможно более полное, без ущемления интересов коренного населения, удовлетворение интересов незстонского населения. Особо важны интересы лидеров наиболее сильных организаций - потенциального слоя "новой русской буржуазии", которым нужны гарантии того, что их интересы лучше будут защищены в рыночной независимой Эстонии, чем в квази-рыночном Союзе.

- Главная проблема в том, что национальная эстонская община не может нормально сосуществовать в аморфном "населением". Поэтому в интересах и эстонского общества способствовать трансформации этого населения в полноценную общность, обладающую равным юридически закрепленным статусом, имеющую в большой степени совпадающие с эстонской общиной цели, участвующую в структуре власти, сотрудничающую, а не враждебную. Как учит мировой опыт, сегрегация (неважно, де-юре, или де-факто) лишь усиливает, а не смягчает межгрупповую рознь.

*ЛАТВИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ
ВОЗРОЖДЕНИЮ РОССИИ (ЛАВР) И СОЗДАНИЕ МЕХАНИЗМА РАЗРЕШЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ЛАТВИИ*

*В. В. Тухомиров
президент Латвийской ассоциации
содействия возрождению России (ЛАВР "Корни")*

Трагические события января 1991 г. в Латвии и Литве предельно обнажили и подтвердили два вывода, к которым Оргкомитет ЛАВР еще летом прошлого года призывал прислушаться русскоговорящую часть населения Латвийской Республики и которые стали своеобразным катализатором рождения нашей ассоциации. Это, во-первых, вывод о неспособности и нежелании различных общественно-политических организаций, созданных под эгидой партийно-бюрократических структур, на деле решать проблемы социальной защиты русских в Латвии, и во-вторых, - о том, что именно российские демократические структуры власти, становящиеся сегодня главным разрушителем имперских союзных рычагов, смогут и должны будут стать самым мощным гарантом этой защиты. Подтверждением тому явилась как вся прогрессивная законодательная практика Верховного Совета РСФСР, сориентированная на приоритет прав личности над правами нации и государства, так и реальные шаги в поддержку суверенитета прибалтийских республик, оговоренные условием соблюдения в них равноправия национальных меньшинств.

Но не только поэтому значение российского "фактора" начинает играть все большую и большую роль для русских, проживающих в Прибалтике и, в частности, в Латвии. Особенно для тех тысяч "мигрантов", кто вследствие сталинско-брежневской политики русификации национальных республик был привлечен в качестве малоквалифицированной рабочей силы на союзные предприятия республики, а сегодня оказался на обочине рынка. Названная категория - самая многочисленная. Главных причин неудовлетворенности жизнью в республике среди ее представителей, как правило, две: 1) бесперспективность в отношении работы и 2) улучшения жилищных условий.

Вторая более обеспеченная и квалифицированная категория русских, обратившихся за содействием в ЛАВР, не удовлетворена медлительностью проводимой земельной реформы в Латвии, бюрократическими и национальными рогатками на ее пути, что не дает возможности быстро развернуть свой предпринимательский талант в качестве землепользователя, фермера. Третья категория – в основном люди пенсионного возраста – называют в качестве причин одиночество, оторванность от родных и близких, психологический дискомфорт как результат социальной и национальной напряженности, стремление переселиться в более спокойное место, каковым мог бы быть старинный русский город или собственный дом в сельской местности.

Для большинства из общего числа опрошенных (около 70%) характерно понимание того, что:

- главной причиной их сегодняшней неустроенности и неудовлетворенности жизнью в республике являются экономические и социально-этнические последствия тоталитаризма в СССР;

- без возрождения российского села с передачей земли крестьянину в частное наследственное пользование невозможно подлинное возрождение ни самой России, ни исторически связанных с ней республик и народов;

- занятие фермерством в России станет перспективным делом лишь в случае обеспеченности законов о крестьянских и фермерских хозяйствах и земле реальными гарантиями на местах, а также компактности расселения будущих фермеров на пустующих землях;

- фермерство – реальный шанс радикально улучшить свое материальное и социальное положение, избавиться от длительного прозябания в условиях перехода к рынку.

О своей готовности в ближайшее время переселиться в российское село с целью заняться фермерством из примерно ста обратившихся в ЛАВР заявили около 30% работников сельского хозяйства, около 45% служащих и ИТР и примерно 25% рабочих. Причем лишь немногим более 40% обратившихся высказались за необходимость основательной переквалификации, остальные сочли возможным обретение навыков фермерской деятельности в процессе практики.

Более половины откликнувшихся на публикации в республиканской печати о деятельности ЛАВР по степени важности назвали следующие причины необходимости создания такой организации: а) разрозненность русской общины в Латвии и необходимость ее сплочения; б) дефицит социальной защищенности русскоязычного населения

в условиях грядущего рынка и потребность обеспечения равных прав русских и латышей с помощью правительства России; в) оказание помощи в переселении в Россию ее уроженцам, желающим обустроиться на селе в качестве цивилизованных землевладельцев.

Около 70% русских, обратившихся в ЛАВР за содействием, оказались уроженцами или бывшими жителями сопредельных Латвии областей РСФСР.

Исходя из приведенных выше данных, а также проведенных другими организациями результатов опросов и социологических исследований, свидетельствующих о нарастании реэмиграционных процессов в республиках, в частности в Латвии (где проблемы беженцев и вынужденных переселенцев нет), мы пришли к следующим выводам:

- процесс переселения части русского населения в Россию порожден в основном естественными причинами, тесно связанными с процессами демократизации и обретением ею государственного суверенитета, построением Российского правового государства, ставящего человеческую личность во главу угла всех существующих ценностей;

- данный процесс надо понимать и как отклик еще не до конца уничтоженной тоталитаризмом крестьянской мечты и собственности на землю, которая сегодня реально гарантирована российскими законами и Правительством;

- сегодня русский человек, где бы он ни жил, все отчетливее начинает понимать, что возрождение экономического могущества России, несмотря на все его трудности, - процесс необратимый и участие в нем - это шанс возродиться и экономически, и духовно.

Однако, исходя из данных исследований и приведенных выше выводов, считаем, что фактор тяготения к родственной этнической среде, патриотизм и т.д. могут рассматриваться лишь как сопутствующие, благоприятствующие переселению мотивы - главным условием, по мнению ЛАВР, должны быть твердые социальные и экономические гарантии.* Поэтому данное условие и легло в основу деятельности ЛАВР, его Устава и основных концептуальных положений правовой и экономической деятельности ассоциации на первоначальном этапе.

Процесс окрестьянивания пустующих земель Западного Нечерноземья, в том числе и за счет русских переселенцев из Латвии - процесс естественный и необратимый в силу как исторических, экономических, так и этно-психологических причин, вызванных радика-

льными реформами в Латвии и России, способствующими возрождению чувства хозяина, национального достоинства. Важно не тормозить этот процесс, не пустить его на самотек, оказать ему государственную поддержку. В то же время недопустимо его искусственное форсирование, связанное с ущемлением прав некоренной части населения. Это - путь нового витка конфронтации, который осложнил бы налаживание цивилизованного межгосударственного диалога между суверенными Латвией и Россией, дал бы повод для активизации консервативных сил.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЛЕНИНГРАДЕ

В. Г. Узунова

(Институт этнологии и антропологии АН СССР, Ленинград)

Отсутствие солидарно вырабатываемых механизмов разрешения кризисных ситуаций заставляет в настоящее время говорить о необходимости выработки моделей интегрального развития, которые были бы ориентированы на различия. Необходимость "легального разнообразия", практической суверенности, доходящей до решения основных вопросов человеческого существования, обращает к поискам выхода из кризиса.

Психические особенности этнических групп нестатичны, динамика возникновения, протекания и прекращения эмоциональных переживаний определенной модальности требуют анализа контекста социально-этнической реальности.

Феномен этнической стереотипизации отражает групповое сознание, являясь в основном результатом противопоставления "свой-чужой" или "мы-они". Идентификация индивида с определенной этнической общностью предполагает, главным образом, позитивно-ценностное отношение к собственной этнической группе (автостереотипы). В конструкции автостереотипа преобладает когнитивный аспект: актуализация накопленных знаний, информированность. С другой стороны, гетеростереотип конструируется на основе относительно своей группы и включает в себя ее качества. Предполагается большая негативная окрашенность гетеростереотипов, в которых легче актуализируется эмоционально-оценочный аспект. Тенденция к средним (нейтральным) оценкам является показателем понижающейся консолидации этнической группы. Во всех случаях групповое сознание, представленное в форме этнических стереотипов, корректирует ценностно-ориентационную направленность личности, влияя на ее поведение.

Собственно национальными проблемами в городе заняты, с одной стороны, объединения этнических меньшинств, пытающиеся использовать начавшийся процесс демократизации общества в интересах возрождения собственного национального самосознания, с другой стороны, русские националисты, которые выступают от имени абсолютного большинства под теми же лозунгами национального возрождения.

Подключение к общественной жизни этих групп происходит через создание собственной социокультурной среды: просветительской, экономической, религиозной, земляческой, кооператорско-предпринимательской, благотворительной и т.д. Более или менее удачные попытки создания этих структур единообразны для всех национальных объединений, но в этом плане они как правило не выдерживают конкуренции с массовыми неформальными движениями типа "зеленых", вливаются в крупные благотворительные фонды или присоединяются к городским инициативам по реставрации, озеленению, фестивалям национальных культур и т.д.

Подключение к политической активности национальных групп в городе значительно противоречивее. Экономический кризис навязывает обществу свою динамику. Общество ощутило, что подорвано изнутри, поколеблены его глубинные основы. Страх - один из самых активных стимуляторов процесса маргинализации. До недавнего времени угрозу благополучию обывателя представляли то "лимитчики" (рабочая сила из других регионов страны, ущемленная условиями договора в правах) при осложнении жилищных проблем, то азиаты, торгующие на рынках и "торговая мафия татар", при возникшем дефиците в снабжении, то "мафия кавказцев", при росте преступности в городе. Если эти группы не изменяли основных параметров мировосприятия, все общество как бы делилось на "честных-нечестных", выбор законного или противозаконного пути представлялся делом совести каждого, то сейчас ситуация изменилась. Появление беженцев из республик опрокинуло это представление. Оказалось, что уход в маргинальность, конфликт с существующим строем не доброволен. Более того, в родной среде, в родной культуре благодаря угрозе безработицы, появилась опасность ухода за пределы нормального существования, так как общество подошло к рубежу несхожих форм социокультурного опыта. В такой ситуации неизбежны индивидуальные и групповые формы протеста. Вопрос интересующий нас - становятся ли национальные образования протестными группами?

Русский национализм эксплуатирует антидемократические формы сознания, опираясь на тоталитаристскую идеологию, широко распространенную в обществе, и в этом смысле выполняя охранительную функцию. Если объединения национальных меньшинств города заинтересованы в процессе развития демократии в обществе, так как это прямое условие их существования, то русские националисты, выступая от имени самого большого по численности народа СССР, стоят на точке зрения имперского сознания, основным постулат которого отводит особую главенствующую, ведущую и направляющую роль русским в многонациональном государстве. В этом плане особенно показательны изменения в националистических политических программах в период 1987–1991 гг. Если в начальный период перестройки русские националисты выступали с сепаратистскими требованиями, вплоть до запугивания выходом РСФСР из состава СССР, то по мере того как сепаратизм в республиках и автономиях стал получать законодательное оформление, а РСФСР стала стремительно обрывать атрибутами суверенитета по воле демократов, русские националисты встали на платформу государственного могущества, неделимости Союза по причинам историческим, геополитическим, военно-стратегическим и просто потому, что в любой республике часть населения – русские. В их агитации снова ожили два устрашающих образа: гражданской войны как следствия внутренней измены, предательства и образ коварного внешнего врага, всегда готового посягнуть на наши просторы. На этом этапе русские националисты перестают быть неформалами, прежде всего потому, что данная идеологическая позиция достаточно отчетливо представлена и монархистами, и коммунистами России, не говоря уже о множественных националистических группировках, стремящимся к объединению в борьбе за власть.

Трудно предположить у людей, живущих в городе европейской культуры, полное отсутствие навыков разнообразных контактов или хотя бы обыкновенного общежития. Рассмотрим позицию, когда при этом их эмоционально-оценочные суждения высоко избирательны в пользу "своих". Мы получим альянс национально-ориентированных типов: "государственного мыслителя", "почвенника" и "ксенофоба". Разница между ними в мере информированности о "чужих". Если "государственник" может быть прекрасно информирован, "почвенник" – односторонне, то "ксенофоб" ничего не обязан знать, его поведение диктуется "голосом крови". Условием выбора тактики поведения

"государственника" является степень его убежденности в монолитности, единомыслии своих.

Городские объединения этнических меньшинств никому не могут внушить беспокойства ни своей численностью, ни желанием изучать родные языки и поддерживать связи с республиками, ни желанием открыть национальные школы, посещать свои храмы. Эти объединения опасны только для "государственников", объединившихся в русское патриотическое движение "Отечество", так как, по их мнению, они разрушают монолит единодушия, усложняют возможность управления, понимаемого как прямое манипулирование массами. "Почвенники" в своем охранительном рвении готовы изолировать абсолютное русское большинство от любых влияний, они настаивают не столько на превосходстве ценностей своей культуры, сколько на их уникальности. Создавая широкий патриотический фронт анти-западников, они побуждают "голос крови" к политической активности, под разными по форме, но едиными по националистическому содержанию лозунгами.

**ЛЕНИНГРАД: НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

Н. В. Юхнева

(Институт этнологии и антропологии АН СССР, Ленинград)

1. Петербург-Петроград-Ленинград - город традиционно многонациональный. В прошлом веке возникло даже представление о Петербурге, как о каком-то нерусском, "немецком" городе. Видели в этом его особенность, противопоставляли Москве. Конечно, Москва была более национально однородна, чем Петербург. Но была ли многонациональность, смешение культур таким уж специфически петербургским явлением? Отнюдь нет. Многонациональность вообще характерна для крупных городов, для центров промышленности и культуры, для портов и столиц. Особенно ярко это проявилось в Центральной и Восточной Европе из-за сложности этнического состава населения этого региона, а также вследствие существования здесь в течение длительного времени двух многонациональных империй - России и Австро-Венгрии. Многонациональный состав населения был характерен как для столиц этих империй - Петербурга и Вены, так и для национальных столиц, входивших в их состав. В конце XIX века соотношение коренного и инонационального населения в Петербурге и Вене было 6:1, в Праге - 3:1, в Будапеште, Варшаве, Ревеле (Таллинне) - 2:1, а в Риге даже 1:2.

Центр русской культуры и государственности, с русским по преимуществу населением, Петербург отличался высокой национальной мозаичностью. Доля русских в его населении в течение последнего полувека до революции оставалась стабильной (82-83%), соотношение же других национальностей менялось. В 1869 г. четыре национальные группы составляли свыше 1% в населении - немцы, финны, поляки, евреи. К 1910 г. к ним добавились белорусы, эстонцы, латыши. За этот период сильно изменилось соотношение и удельный вес разных этнических групп: в 1869 г. преобладал немецко-финский компонент, в 1910 г. - славянский; значительно увеличилась

также доля русскоязычного, хотя и нерусского населения - за счет, главным образом, белорусов, украинцев, евреев, в меньшей степени - за счет других национальностей.

2. Этническая неоднородность населения Российской столицы достигла максимума во время первой мировой войны и революции (1916 по 1920 гг.). Вызвано это было экстремальными обстоятельствами. Отступление русской армии привело к тому, что в столицу хлынули с Запада большие потоки эвакуированных и беженцев, среди них - белорусы, поляки, литовцы, евреи, латыши. Несколько позже начался отток русских - как за счет тех, кто воевал на полях германской, а позднее - гражданской войны, так и за счет городских жителей крестьянского происхождения, разъехавшихся по своим деревням. Все это привело к тому, что в 1918 г. из каждых четырех жителей Петрограда один был нерусский. Эти изменения затронули в основном низшие слои населения. В высших же слоях, напротив, происходил отток нерусских: в начале войны покинули Петроград подданные Германии и Австро-Венгрии, после революции - большинство остальных иностранцев.

Беженцы в своей массе не знали русский язык (или знали его плохо) и нуждались в помощи, это активизировало деятельность национальных общин. После победы Октябрьской революции большую работу среди национальных меньшинств стали вести большевики: были открыты национальные детские сады, школы, клубы, развернулась издательская деятельность. Имелись также небольшевистские национальные организации и пресса, но по мере развития большевистских структур они были ликвидированы.

После возвращения беженцев домой доля нерусских в населении Петрограда упала до одной пятой (1920 г.), то есть приблизилась к довоенной. Позднее стали возвращаться разъехавшиеся по деревням рабочие, возобновилось традиционное отходничество, что привело к еще большему увеличению доли русских. По данным переписи 1926 г. численность русских составила 1.4 млн. человек, 86.2% населения (в 1910 г. было 1.6 млн., 82.3%).

Нерусская часть населения города не только уменьшилась абсолютно и относительно, но и претерпела серьезные изменения в составе. Немецкая этническая группа сократилась почти втрое (с 47 до 17 тысяч) - за счет иностранцев и прибалтийцев. В связи с образованием самостоятельных государств на территории, принадлежавшей до войны Российской империи, уменьшилась численность поля-

ков (с 65 до 34 тысяч), эстонцев (с 23 до 11 тысяч), латышей (с 18.5 до 12 тысяч), финнов (с 18 до 6.7 тысяч), литовцев (с 11.5 до 6 тысяч). Упала также, из-за сокращения отходничества, численность украинцев и белорусов. Сохранила свои размеры татарская этническая группа (и в 1910 и в 1926 г. она насчитывала 7.3 тыс. человек). В это же время наблюдался большой наплыв евреев, главным образом из Белоруссии. Увеличение этого миграционного потока объясняется отменой еще в ходе Февральской революции антиеврейского законодательства, одним из главных пунктов которого было ограничение права жительства вне черты оседлости, а также тем, что волна погромов, прокатившаяся по Украине и Белоруссии в 1918-1922 гг. разорила и выгнала из родных мест десятки тысяч людей.

В результате всех этих изменений в 1926 г. в Ленинграде составляли в населении долю, превышавшую 1%, евреи (5.3%), поляки (2.1%) и немцы (1.1%). До войны таких групп было шесть: белорусы (3.7%), поляки (3.4%), немцы (2.5%), евреи (1.8%), эстонцы (1.2%) и латыши (1.0%).

В переписи 1926 г. (как и во всех последующих) кроме национальности фиксировался также родной язык. Наиболее высоким уровень его сохранности был у татар (90%), следующую группу составляли финны, эстонцы, немцы, латыши (от 63 до 75%). Среди поляков, украинцев, евреев считали родным язык своей национальности от 31 до 43%. Последнее место по этому показателю занимали белорусы (13%).

Во второй половине 20-х годов в Ленинграде существовала активная национальная жизнь: действовали национальные клубы, "Дома просвещения", театральные коллективы. Из каждой тысячи человек соответствующей национальности учились в национальных школах: в немецких - 38 человек, в польских - 16, в эстонских - 13, в латышских - 11, в еврейских - 5. Были основаны профессиональные средние учебные заведения: финский сельскохозяйственный техникум, финское, эстонское, латышское, немецкое, польское педагогические училища. Так называемый "рабфак" ("рабочий факультет"), готовивший к поступлению в Университет тех, кто не имел среднего образования, состоял из отделений: финского, эстонского, латышского, еврейского. Имелась также пресса и издательства на национальных языках; наибольшего развития достигли эстонская и финская издательская деятельность, их продукция предназначалась не

только для Ленинграда, но для всего Северо-Запада, Карелии и даже Эстонии.

В 1930-е годы национальная жизнь в Ленинграде пошла на убыль. Закон 1932 г., посвященный общественным организациям, поставил всякую общественную деятельность (не только национальную) в жесткие рамки. В дальнейшем постепенно закрывались клубы, Дома просвещения, школы, газеты - со стандартными обвинениями их руководителей в "буржуазном национализме" (несмотря на то, что все эти институты в действительности служили пропаганде коммунистических идей и насаждению так называемого "пролеткульта". Зловещий для СССР 1937 г. был годом прекращения в Ленинграде всякой открытой национальной жизни.

3. После Второй мировой войны первая всеобщая перепись населения состоялась в 1959 г. По сравнению с 1926 г. доля русских выросла с 86 до 88%; в дальнейшем рост продолжался и достиг в 1989 г. 90%. Среди национальных меньшинств в 1959 г., как и в 1926 г., лидировали евреи; за это время их численность выросла вдвое, процент же не изменился (169 тысяч, 5.1%). В дальнейшем и абсолютная численность и процент в населении евреев неуклонно падали, но все же примерно до середины 1980-х годов это была самая многочисленная в Ленинграде (после русских) национальная группа. В 1959 г. место поляков, немцев и эстонцев, входивших в 1920-е годы в первую четверку, заняли украинцы (69 тыс., 2.1%), белорусы (47 тыс., 1.4%), татары (27 тыс., 0.8%).

В последующие тридцать лет (с 1959 по 1989 г.) численность украинцев, белорусов и татар выросла примерно вдвое, а евреев - уменьшилась примерно на одну треть. В январе 1989 г. в Ленинграде насчитывалось 130 тыс. украинцев, (3.0%), 106 тыс. евреев (2.0%), 93 тыс. белорусов (1.1%), 44 тыс. татар (0.9%). Согласно этой последней переписи в Ленинграде проживают по 11 тыс. армян и азербайджанцев. Особенно быстрый рост характерен для азербайджанцев, их численность выросла вчетверо только за последние десять лет. Группы от 5 до 10 тысяч составляют чуваша, узбеки, грузины, казахи, численность которых растет, и поляки, численность которых уменьшается. От 3 до 5 тысяч насчитывается молдаван, мордвы, эстонцев, финнов, карел, латышей, литовцев и немцев.

Среди национальных проблем Ленинграда в настоящее время наиболее острая и болезненная - еврейская эмиграция, которая в те-

чение последних двух лет по всей стране растет наподобие снежной лавины. Уменьшение численности евреев в СССР и в Ленинграде идет давно, но до последнего времени это происходило за счет эмиграции не более чем на одну треть (остальное - за счет малодетности и ассимиляции). В последние годы положение изменилось. Процесс ассимиляции несколько ослаб, а эмиграция резко возросла. Численность евреев в Ленинграде между переписями 1979 и 1989 гг. сократилась на четверть (со 143 до 106 тыс.), причем произошло это не в течение всего десятилетия, а за последние два-три года. За два года, прошедших после переписи, эмигрировало по меньшей мере еще 20 столько же. В ближайшие годы, если ничего не изменится, можно прогнозировать падение численности евреев в Ленинграде до 40-50 тысяч. Причины роста эмиграции - общая нестабильность в стране и появление на общественной арене антисемитских организаций, не получающих должного отпора со стороны правительства.

В переписях, кроме национальности, указывается также родной язык. Сплошь и рядом он не совпадает с национальной принадлежностью: жизнь в Ленинграде, городе русского языка и русской культуры, приводит, тем более, при невозможности изучать родной язык, к его утрате, во всяком случае - во втором поколении. Доля называющих во время переписей родным свой национальный язык неодинакова в разных национальных группах и зависит, главным образом, от темпов роста группы, то есть от доли тех, кто относительно недавно покинул родные места - но также и от степени распространения русского языка на родине и приверженности к родному языку. В 1989 г. наивысшая доля считающих родным свой национальный язык - у узбеков (81%), азербайджанцев (75%), казахов (73%), миграция которых в Ленинград в больших масштабах началась лишь в последнее десятилетие. Второе место занимают грузины (66%) и молдаване (62%), среди которых также преобладают недавно приехавшие. Считают родным национальный язык около половины татар, чувашей, армян, около трети - мордвин, украинцев, белорусов. Поляки и евреи практически русскоязычны: до середины 1980-х гг. только 9-11% поляков считало родным языком польский; у евреев соответствующий показатель был еще ниже и неуклонно падал (с 8.6% в 1959 г. до 4.4% в 1979 г.). Однако последняя перепись выявила любопытный факт, свидетельствующий об актуализации национального самосознания среди поляков и евреев - увеличение доли

считающих родным свой национальный язык (особенно у поляков - до 17%, но также и у евреев - до 5%).

4. Все послевоенное время в Ленинграде отсутствовали какие бы то ни было признаки официально разрешенной национальной жизни. Кое-что теплилось в подполье или полуподполье: студенческие землячества - прибалтийское и некоторые другие, еврейское движение, татарские культурные инициативы и т.п.

Несколько лет назад начался процесс возрождения национальных форм культурной и общественной деятельности. В 1987 г. вышло из подполья еврейское движение - весной этого года впервые открыто, с разрешения власти, был отмечен День памяти евреев - жертв нацизма и героев сопротивления. В 1988 году на волне событий в Армении (Карабахский вопрос, резня в Сумгаите, землетрясение) в Ленинграде началась активная деятельность по сплочению армянской общины. На базе существовавшего несколько десятилетий союза студенческих землячеств "Балтикум" возникли латышское, эстонское, литовское общества.

Осенью 1988 г. по инициативе сотрудников академических институтов этнографии и социологии, клуба "Перестройка" и представителей нескольких национальных групп было создано межнациональное общество "Единение", которое представляло собой союз вполне автономных национальных подразделений. Его возникновение стимулировали два обстоятельства: препятствия, чинимые городскими властями попыткам официальной регистрации национальных обществ и озабоченность общественности открытыми антисемитскими выступлениями на митингах организации "Память" летом того года.

Создание общества "Единение" вызвало сильное недовольство ленинградских властей, вплоть до того, что в декабре 1988 г. была сорвана попытка провести собрание учредителей (объявленный в последний момент запрет, милицейское пикетирование, фактически - разгон). Одновременно аппарат начал формировать собственную параллельную структуру - так называемый "Дом дружбы". Пропагандистская кампания на радио и телевидении сопровождалась индивидуальной обработкой руководителей национальных обществ с целью их разобщения. Активистам "Единения", не принадлежавшим к национальным общинам, на длительной строгой беседе в обкоме КПСС (после отвергнутого ими предложения о сотрудничестве) было заявлено: "Вы только прикрываетесь песнями танцами, а на самом деле создаете политическую организацию". Зарегистрировать "Единение" так и

не удалось. Некоторое время оно продолжало существовать как неформальный информационный центр, постепенно его деятельность сошла на-нет. Но "Единение" выполнило свою задачу: благодаря его активной помощи быстрее пошло формирование национальных обществ, под давлением самого существования "Единения" власти были вынуждены приступить к регистрации национальных организаций. В течение 1989 г. многие национальные общества были зарегистрированы в составе официального "Дома дружбы", те, кто не хотел этого, искали другие возможности (регистрация в исполкоме, при "Фонде культуры" и другие варианты). С победой демократических сил на выборах в Ленинградский городской совет весной 1990 г. все формальные проблемы создания национальных организаций исчезли - одна за другой регистрируются всевозможные национальные общества и органы печати.

Сейчас в Ленинграде существует великое множество различных национальных обществ - от небольших групп и клубов до культурных центров с широким диапазоном форм работы. Тем не менее, в характере деятельности всех этих организаций много общего. Идут занятия в языковых группах, читаются лекции по истории, культуре, литературе, создаются специальные группы для детей. В некоторых имеются театральные-концертные коллективы фольклорной направленности. Совместно отмечаются национальные праздники. Но принципиальные различия состоят в соотношении задач ленинградских культурных центров с задачами общенациональными. Большинство ленинградских национальных культурных центров к обществ ориентировано на помощь людям, живущим вне своих национальных территорий, в сохранении языка и традиций, связей со своим народом. Национальные общества пользуются (или имеют такую потенциальную возможность) помощью и поддержкой своих республик, где, собственно, и решаются национальные проблемы этих народов. Однако для некоторых народов Ленинград является центром или одним из центров национального движения. В этом случае роль ленинградских культурных обществ перерастает локальные рамки, они приобретают общенациональное значение. Таково, например, положение ингерманландских финнов, этническая территория и центр движения которых находятся в Ленинградской области. Общенациональное значение имеют также еврейская и татарская культурная деятельность в Ленинграде. Соответствующие общества входят в общесоюзные национальные организации, которые в течение 1989 года сформировались на обще-

союзных съездах, проведенных татарами в Казани, а евреями - в Москве.

Общество ингерманландских финнов "Инкерин литто" ("Ингерманландское общество"), основную работу ведет в Ленинградской области, где проживает подавляющая их часть; правление находится в Гатчине. Три районные газеты области дважды в месяц дают тематические полосы (на русском языке), подготовленные редколлегиями "Инкерин литто". Периодически (несколько раз в год, к праздникам) выходит информационный бюллетень на финском языке "Омал мал" ("Родная земля"), который печатается в Финляндии. С Финляндией общество поддерживает активные связи, получает отсюда книги, учебники. В школах области введены факультативные курсы финского языка. Проводятся массовые мероприятия, наиболее значительные из них - празднование Иванова дня (в июне 1989 г. - в Колтушах, в июне 1990 г. - в Дудергофе /Можайском), митинг, посвященный депортации финнов из Северной Ингерманландии (Всеволожск, март 1990), митинг и богослужение у здания церкви Св. Марии на ул. Желябова (Ленинград, май 1990).

Татарская национальная жизнь сосредоточена главным образом в Татарском культурном центре. Он ведет большую просветительную деятельность: организованы циклы лекций, курсы татарского и арабского языков. Есть детские группы. Ведется клубная работа. Среди массовых мероприятий наиболее яркий - веселый праздник Сабантуй, который проводится в июне месяце на лесной поляне возле поселка Кузьмолово (Финляндской ж.д.). В 1990 г. Центр издавал информационный бюллетень, распространявшийся среди членов общества, с начала 1991 г. выходит (два раза в месяц) газета "Нур" ("Луч") - то и другое на русском языке. Кроме Центра есть и другие, хотя и менее влиятельные татарские организации - "Ватан" ("Родина"), общество крымских татар "Крым".

Еврейская культурная жизнь развивается в Ленинграде наиболее активно (несмотря на массовую эмиграцию). Она не привязана к какому-либо одному обществу или центру. Почти постоянно в разных залах проходят концерты, спектакли ленинградских или приезжих еврейских артистов. Не только в синагоге, но также в клубах, кафе отмечаются национальные праздники (Ханука, Пурим, Песах и другие). Наиболее грандиозным мероприятием такого рода стал "Праздник Торы", прошедший в августе 1990 г. в одном из самых больших зрелищных помещений города - дворце спорта "Юбилейный".

Каждую весну на еврейском Преображенском кладбище проводится траурный митинг в ознаменование Дня памяти евреев - героев Сопротивления и жертв фашизма. Создан Еврейский народный вечерний университет, детская школа с преподаванием общеобразовательных и еврейских предметов, начал работать детский сад, при синагоге открыта ешива (духовное училище). По два раза в месяц выходят две газеты на русском языке - "Восход" и "Народ мой". Действуют различные общества, клубы. Официально зарегистрированных - четыре: ЛОЕК (Ленинградское общество еврейской культуры), ЛЕА (Ленинградская еврейская ассоциация), клуб "Кадима" и отделение ("ложа") международной организации "Бней-Брит". Для еврейских организаций (как и для финской) характерны активные зарубежные связи (главным образом с Израилем и США). Наряду с культурной деятельностью все еврейские общества уделяют большое внимание организации помощи уезжающим в Израиль.

В деятельности всех национальных общин Ленинграда большую роль играет религия. Мечеть, синагога, армянская церковь, лютеранская церковь были центрами национальной жизни в те времена, когда всякие другие ее формы были запрещены. В настоящее время светские культурно-просветительные центры и общества работают в постоянном контакте с религиозными общинами.

5. Из четырех наиболее многочисленных в Ленинграде этнических групп две - украинцы и белорусы - чрезвычайно близки русским по культуре, языку и религиозной традиции. Они легко адаптируются и ассимилируются в русской среде, очень высок процент смешанных с русскими браков. Около трети украинцев и белорусов считают родными свои национальные языки; этот показатель, в сочетании с большим ежегодным притоком, означает, что не только второе поколение, но и многие ленинградцы первого поколения записывают при переписи в качестве родного русский язык. По образу жизни ленинградские белорусы и украинцы ничем не отличаются от русских. Никаких проблем во взаимоотношениях белорусов и украинцев с основным населением города - русскими - не возникает.

Две другие многочисленные в Ленинграде этнические группы, евреи и татары, исторически далеки от русских - по языку, религии, традиционной культуре. Но сложившаяся в этих группах в последние десятилетия ситуация неодинакова. У татар более чем в половине семей используется дома татарский язык, отмечаются традиционные календарные праздники, соблюдаются похоронные и родиль-

ные обряды. Межнациональные браки встречаются относительно редко. Евреи, напротив, очень близки русским по образу жизни и культуре, подавляющее большинство их русскоязычно. Связи с национальной культурной традицией прерваны, несколько поколений советских евреев практически ничего не знает о ней. Современное обращение евреев к национальной традиции затрагивает небольшой слой людей и не отражает естественный путь трансмиссии культуры – от родителей к детям. Широкое распространение получили еврейско-русские браки. Отношения обеих этих групп – еврейской и татарской – с русским большинством за десятилетия совместной жизни устоялись. Существовавшая в некоторых кругах неприязнь (на бытовом уровне) не была не только определяющим, но и даже просто сколько-нибудь существенным фактором обыденной жизни.

Однако долгие годы государственного антисемитизма, начиная с кампании против космополитов и "дела врачей" (еще в сталинские времена) и кончая двумя десятилетиями массивной антисемитской пропаганды (после 1967 г.), дали в годы "перестройки и гласности" свои ядовитые плоды. Примерно с 1987 г. в Ленинграде наблюдается активизация русских националистических антисемитских организаций. Летом 1988 г. они впервые развернули открытую пропаганду своих взглядов на митингах. В течение двух лет их деятельность шла по нарастающей и достигла своего апогея на рубеже 1989–1990 годов (декабрь, январь, февраль).

Среди организаций и групп, проповедующих антисемитизм, можно выделить три течения. Условно назовем их "фашисты", "русские националисты" и "советские патриоты".

Откровенно фашистские группы очень немногочисленны и тщательно законспирированы. Они используют нацистскую символику, проповедуют ненависть к евреям и другим инородцам, являются сторонниками насильственных действий.

Русские националисты гораздо более многочисленны. Имеется множество групп под разными названиями, наиболее известная из них – "Память". Все они в своей пропаганде пытаются опираться на общее недовольство существующим положением и предлагают в качестве выхода из тупика национальные идеалы. Вина за все политические и экономические беды России возлагается на евреев. К числу этих бед относят революцию, которую, по их мнению, евреи сделали для евреев, а также все последовавшие за ней репрессии. Основные лозунги этого течения: Россия для русских, расовая чистота гено-

фонда, русская культура должна делаться руками русских, пропорциональное представительство национальностей в управлении и культуре (фактически - процентная норма) и т.п. В качестве решения еврейского вопроса - призыв к евреям покинуть Россию (вариант - уехать в Биробиджан), оставшиеся должны ассимилироваться. Националистические группы очень активны. Внутренняя жизнь их построена на принципах строгой конспирации, одновременно они организуют митинги, демонстрации, активно участвуют в избирательных кампаниях, неофициально издают в больших количествах грубо-антисемитские листовки и пропагандистскую литературу. Идеологами этого течения являются представители некоторой части гуманитарной интеллигенции.

Третье течение - "советские патриоты" - смыкаются с реакционной частью командно-бюрократического аппарата. Поддерживают идеи Октябрьской революции, советскую власть, своей идеологической базой считают марксизм-ленинизм, проповедают антисемитизм в форме антисионизма. Основной постулат: главная опасность - сионизм, активно добивающийся мирового господства. Цель "патриотов" - направить недовольство народа против евреев. Идеи этого течения уже несколько десятилетий излагаются в официально издаваемой огромными тиражами антисионистской литературе. Идеологи "советских патриотов" - преподаватели общественных наук, отставные партийные функционеры и т.п. Это течение находит мало последователей из-за общего негативного отношения к партийно-бюрократическому аппарату. Для привлечения к себе сторонников блокируется с русскими националистами, которые, в свою очередь, черпают многие свои идеи из антисионистской литературы и являются столь же яркими антисионистами.

Как показали выборные кампании 1989 и, особенно, 1990 г., антисемитские группы пользуются поддержкой не более 3-4% населения. Тем не менее, они оказывают сильное дестабилизирующее влияние на обстановку в городе. Конечно, с приходом в Ленсовет демократических сил ситуация изменилась к лучшему: если прежняя власть поддерживала националистские антисемитские движения, то новая решительно от них отмежеввалась. "Память" и подобные ей организации окончательно потеряли за истекшие годы сколько-нибудь массовую поддержку: во-первых, они совершенно разоблачили свою антисемитскую, расистскую, фашистскую сущность, во-вторых, с возникновением мощного российского демократического движения, бо-

рющегося за суверенную Россию, они утратили фальшивый ореол единственных радетелей за Россию.

Несмотря на все сложности, Ленинград постепенно приобретает характер подлинно полиэтничного и поликультурного города. Все чаще в национальных мероприятиях принимают участие также люди других национальностей. Ленинградцы начинают заново узнавать друг друга и постепенно привыкают к мысли о том, что сосуществование разных культурных традиций само по себе не является источником конфликтов, а, напротив, может способствовать улучшению межнациональных отношений.

II. ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТ КОПЕНГАГЕНСКОГО СОВЕЩАНИЯ
КОНФЕРЕНЦИИ ПО ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ИЗМЕРЕНИЮ СБСЕ

Выдержки

(1)

Глава 4

(30) Государства-участники признают, что вопросы, относящиеся к национальным меньшинствам, могут быть удовлетворительным образом решены только в демократических политических рамках, основанных на верховенстве закона, в условиях функционирования независимой судебной системы. Эти рамки гарантируют полное уважение прав человека и основных свобод, равные права и положение всех граждан, свободное выражение всех их законных интересов и чаяний, политической плюрализм, социальную терпимость и выполнение правовых норм, ставящих эффективные препятствия на пути злоупотребления государственной властью.

Они также признают важную роль неправительственных организаций, включая политические партии, профсоюзы, организации по правам человека и религиозные группы, в поощрении терпимости, культурного многообразия и в решении вопросов, относящихся к национальным меньшинствам.

Они далее подтверждают, что уважение прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, как части общепризнанных прав человека, является существенным фактором мира, справедливости, стабильности и демократии в государствах-участниках.

(31) Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право полностью и эффективно осуществлять свои права человека и основные свободы без какой-либо дискриминации и в условиях полного равенства перед законом.

Государства-участники примут, в случае необходимости, специальные меры с целью гарантировать лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, полное равенство с другими гражданами в осуществлении прав человека и основных свобод и пользовании ими.

(32) Принадлежность к национальному меньшинству является предметом его личного выбора, и никакие неблагоприятные последствия не могут возникать из осуществления такого выбора.

Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность и поддерживать и развивать свою культуру во всех ее аспектах, не подвергаясь каким-либо попыткам ассимиляции вопреки своей воле. В частности, они имеют право:

(32.1) - свободно пользоваться своим родным языком в личной и общественной жизни;

(32.2) - создавать и поддерживать свои собственные образовательные, культурные и религиозные учреждения, организации или ассоциации, которые могут искать добровольную финансовую и другую помощь, а также государственную поддержку в соответствии с национальным законодательством;

(32.3) - исповедовать свою религию, в том числе приобретать, обладать и использовать религиозные материалы и осуществлять религиозную деятельность в области образования на своем родном языке;

(32.4) - устанавливать и поддерживать беспрепятственные контакты между собой в пределах своей страны, а также через границы с гражданами других государств, с которыми они имеют общее этническое или национальное происхождение, культурное наследие или религиозные верования;

(32.5) - распространять информацию, иметь доступ к ней и обмениваться информацией на своем родном языке;

(32.6) - создавать и поддерживать организации или ассоциации в пределах своей страны и участвовать в деятельности международных неправительственных организаций.

Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут осуществлять свои права и пользоваться ими на индивидуальной основе, а также совместно с другими членами своей группы. Для лица, принадлежащего к национальному меньшинству, не может возникать никаких неблагоприятных последствий по причине осуществления или неосуществления любого из таких прав.

(33) Государства-участники будут защищать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность национальных меньшинств на своей территории и создавать условия для поощрения этой самобытности. Они будут принимать необходимые меры с этой целью после проведения надлежащих консультаций, включая контакты с организациями или ассоциациями таких меньшинств, в соответствии с процедурой принятия решений каждого государства.

Любые такие меры будут соответствовать принципам равенства и недискриминации в отношении других граждан соответствующих государств-участников.

(34) Государства-участники будут стремиться гарантировать, чтобы лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, вне зависимости от необходимости изучать официальный язык или официальные языки соответствующего государства, имели надлежащие возможности для обучения своему родному языку или на своем родном языке, а также, там где это возможно и необходимо, для его использования в государственных органах в соответствии с применяемым национальным законодательством.

В контексте преподавания истории и культуры в учебных заведениях они также будут учитывать историю и культуру национальных меньшинств.

(35) Государства-участники будут уважать право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на эффективное участие в государственных делах, включая участие в делах, относящихся к защите и поощрению самобытности таких меньшинств.

Государства-участники отмечают усилия, предпринятые с целью защиты и создания условий для поощрения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности определенных национальных меньшинств путем создания в качестве одного из возможных средств для достижения этих целей, в соответствии с политикой заинтересованного государства, надлежащих местных или автономных органов управления, отвечающих конкретным историческим и территориальным условиям таких меньшинств.

(36) Государства-участники признают особую важность развития конструктивного сотрудничества между ними по вопросам национальных меньшинств. Такое сотрудничество имеет своей целью содействие взаимопониманию и доверию, дружественным и добрососедским отношениям, международному миру, безопасности и справедливости.

Каждое государство-участник будет содействовать климату взаимного уважения, понимания, сотрудничества и солидарности между всеми лицами, проживающими на его территории, без различия этнического или национального происхождения или религии и будут поощрять решение проблемы с помощью диалога, основанного на принципах верховенства закона.

(37) Ни одно из этих положений не может толковаться как подразумевающее какое-либо право заниматься любой деятельностью или осуществлять любое действие вопреки целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, другим обязательствам по международному праву или положениям Заключительного акта, включая принцип территориальной целостности государств.

(38) Государства-участники в своих усилиях по защите и поощрению прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, будут в полной мере соблюдать свои

обязательства согласно существующим конвенциям по правам человека и другим соответствующим международным инструментам и рассмотрят вопрос о присоединении к соответствующим конвенциям, если они этого еще не сделали, включая конвенции, предусматривающие право отдельных лиц на жалобу.

- (39) Государства-участники будут тесно сотрудничать в компетентных международных организациях, членами которых они являются, включая Организацию Объединенных Наций и, в соответствующих случаях, Совет Европы, с учетом проводимой ими работы в отношении вопросов, касающихся национальных меньшинств.

Они рассмотрят вопрос о созыве совещания экспертов для всестороннего обсуждения вопроса о национальных меньшинствах.

- (40) Государства-участники четко и безоговорочно осуждают тоталитаризм, расовую и этническую ненависть, антисемитизм, ксенофобию и дискриминацию против кого бы то ни было, а также преследование по религиозным и идеологическим мотивам. В этом контексте они также признают особые проблемы роман (цыган).

Они заявляют о своем твердом намерении активизировать усилия по борьбе с этими явлениями во всех их формах, и поэтому

- (40.1) - будут принимать эффективные меры, включая, в соответствии с их конституционными системами и их международными обязательствами, принятие таких законов, которые могут быть необходимы для обеспечения защиты от любых актов, которые представляют собой подстрекательство к насилию против лиц или групп, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной дискриминации, враждебности или ненависти, включая антисемитизм;

- (40.2) - возьмут на себя обязательство принять надлежащие и соответствующие меры для защиты лиц или групп, которые могут подвергаться угрозам или актам дискриминации, враждебности или насилия в результате их расовой, этнической, культурной,

языковой или религиозной самобытности, и для защиты их собственности;

(40.3) - будут принимать эффективные меры в соответствии с их конституционными системами, на национальном, региональном и местном уровнях для содействия взаимопониманию и терпимости, особенно в областях образования, культуры и информации;

(40.4) - будут стремиться обеспечивать, чтобы в рамках задач по образованию уделялось особое внимание проблеме расовых предрассудков и ненависти и укреплению уважения к различным цивилизациям и культурам;

(40.5) - будут признавать право каждого лица на эффективные средства правовой защиты и будут стремиться признавать, в соответствии с национальным законодательством, право заинтересованных лиц и групп выступать с жалобами и поддерживать жалобы по поводу актов дискриминации, включая акты расизма и ксенофобии;

(40.6) - рассмотрят вопрос о присоединении, если они этого еще не сделали, к международным инструментам, в которых рассматривается проблема дискриминации, и будут обеспечивать полное выполнение взятых по ним обязательств, включая обязательства, касающиеся представления периодических докладов;

(40.7) - рассмотрят также вопрос о признании тех международных механизмов, которые позволяют государствам и отдельным лицам направлять сообщения, касающиеся дискриминации, в международные органы.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

*по вопросу о доступе неправительственных организаций
и средств массовой информации на совещания Конференции
по человеческому измерению*

Председатель отмечает, что практика открытости и предоставления доступа на совещания Конференции по человеческому измерению, в том виде, как она применялась на Венской встрече и содержится в приложении X1 Итогового документа этой Встречи важна для всех государств-участников. С тем чтобы следовать этой практике и расширять ее применение на предстоящих совещаниях СБСЕ Конференции по человеческому измерению, государства-участники соглашаются соблюдать следующую практику открытости и предоставления доступа:

- свободное передвижение членов соответствующих неправительственных организаций в помещениях Конференции, за исключением частей здания, отведенных для делегаций и служб Исполнительного секретариата. С этой целью по их просьбе Исполнительным секретариатом им будут выдаваться аккредитационные карточки;

- беспрепятственные контакты между членами соответствующих неправительственных организаций и делегатами, а также с аккредитованными представителями средств массовой информации;

- доступ к официальным документам Конференции на всех рабочих языках, а также к любому документу, который делегаты пожелают направить членами соответствующих неправительственных организаций;

- возможность для членов соответствующих неправительственных организаций передавать делегатам сообщения, касающиеся человеческого измерения СБСЕ. С этой целью им будет обеспечен доступ к ячейкам для корреспонденции каждой делегации;

- свободный доступ делегатов ко всем документам, выпускаемым соответствующими неправительственными организациями и направляемым в Исполнительный секретариат для информации Конференции. С этой целью Исполнительный секретариат будет предоставлять в распоряжение делегатов регулярно обновляемую подборку документов.

Они обязуются далее гарантировать представителям средств массовой информации

- свободное передвижение в помещениях Конференции, за исключением тех частей здания, которые отведены для делегаций и служб Исполнительного секретариата. С этой целью Исполнительным секретариатом им будут выдаваться аккредитационные карточки по представлении необходимых удостоверяющих документов;

- беспрепятственные контакты с делегатами, а также с членами соответствующих неправительственных организаций;

- доступ к официальным документам Конференции на всех рабочих языках.

Председатель далее отмечает, что это заявление войдет в качестве приложения в Документ Копенгагенского совещания и будет опубликовано вместе с ним.

ГРУППА ПО ПРАВАМ МЕНЬШИНСТВ (ГПМ)

Информация

ГПМ - независимая неправительственная организация по защите прав человека, которая работает в области прав меньшинств во всем мире.

Основной целью ГПМ является обеспечение справедливости в отношении меньшинств (а также групп недоминирующего большинства), испытывающих дискриминацию, путем

- исследований, публикации и распространения фактов максимально широко в целях углубления знаний общества по вопросам, касающимся меньшинств во всем мире;

- пропаганды и распространения информации по всем аспектам прав меньшинств в целях привлечения внимания к нарушениям, а также обеспечение помощи в предотвращении опасных и разрушительных конфликтов;

- образовательной деятельности через исследования, публикации, школу и программы семинаров по вопросам, связанным с предвзвешенными, дискриминацией и групповыми конфликтами.

ГПМ - часть всемирного движения за права человека, вдохновленного Всемирной Декларацией прав человека ООН. Она возникла в 60е годы как небольшая группа заинтересованных людей. Сегодня это все еще сравнительно небольшая организация, которая тем не менее обрела большую и постоянно увеличивающуюся аудиторию благодаря своим публикациям и пропагандистской деятельности. В 1990е годы необходимость в этой работе стала более насущной, чем когда-либо, поскольку меньшинства продолжают сталкиваться с дискриминацией и предвзвешенностями, утратой своей территории, языка и культуры, попранием прав человека, преследованием и геноцидом во всем мире.

Хотя ГПМ - международная организация, ее база находится в Лондоне. Сегодня она имеет родственные группы в нескольких европейских странах - Франции, Швейцарии, Дании, Швеции, а также в США и Канаде, и связи во многих других странах. Она активно работает в направлении расширения своей деятельности в Восточной Европе, СССР и других странах.

Основной деятельностью ГПМ являются публикации. Свой первый доклад она выпустила в 1970 году. Темой его были "Религиозные меньшинства в Советском Союзе". За этим докладом последовали другие - по Северной Ирландии и Японии. К настоящему времени ГПМ представила доклады по более чем 80 различным вопросам, касающимся положения меньшинств на всех континентах и во всех политических системах. На сегодняшний день во всем мире продано или распространено полмиллиона экземпляров докладов.

ГПМ также действует через ООН и другие международные организации, занятые защитой прав человека, выступая по вопросам нарушений прав меньшинств со стороны правительств, и выступая с рекомендацией действий в отношении негуманных и репрессивных режимов. Она сотрудничает и с другими организациями, а также, там, где это возможно, с правительствами, для того чтобы мобилизовать общественное мнение на поддержку справедливых и мирных решений этнических, расовых и религиозных конфликтов.

Перевод с английского Н.Сердюковой

СОДЕРЖАНИЕ

* Предисловие	3
* Программа Конференции	6
* Состав Оргкомитета	9

I. Доклады и сообщения

* Гудмундар Альфредсон (Женева). Права меньшинств: равенство и недискриминация	12
* Оле Стий Андерсен (Копенгаген). Многонациональный Копенгаген? Новые меньшинства	36
* Г. Ч. Гусейнов (Москва/Гейдельберг). Меньшинства в постимперском мире	44
* Ларс Денцик (Роскиле, Дания). Социальный конфликт и этничность: к уточнению понятий	50
* И. В. Карашенко, П. В. Терешкович (Минск). Национальные меньшинства в современной Белоруссии	63
* М. Э. Коган (Ленинград). Этнодисперсные группы в Ленинграде (к вопросу о национальных ориентациях ленинградских татар, армян и эстонцев)	68
* В. А. Кокко (Ленинград). Ингерманландские финны: перспективы этнической эволюции	73
* И. И. Крупник (Москва/Фербенкс). Этническая ситуация в Советском Союзе: новая трансформация и судьба меньшинств	75
* Пьер Леметр (Копенгаген). Миграция: возможности превентивной стратегии	85
* Торе Линдхольм (Осло). Законны ли и осуществимы ли "коллективные права человека" для меньшинств?	93
* А. Г. Осипов (Москва). Права меньшинств и этническая конфликтность в тоталитарном контексте (на примере месхетинских турок)	98

* Э. А. Паин (Москва). Типы и направления развития межэтнических конфликтов в СССР	99
* Клаус Карстен Педерсен (Копенгаген). Проблема датско-немецких национальных меньшинств	108
* П. М. Рабинович (Львов). Социологические и юридические аспекты обеспечения прав национальных меньшинств	117
* А. А. Семенов (Таллинн). Русское и "русскоязычное" население национальной республики в период кризиса империи (на примере Эстонии)	121
* В. В. Тихомиров (Рига). Латвийская ассоциация содействия возрождению России (ЛАВР) и создание механизма разрешения социально-этнической напряженности в Латвии	124
* В. Г. Узунова (Ленинград). Русский национализм в контексте социально-этнической ситуации в Ленинграде	128
* Н. В. Юхнева (Ленинград). Ленинград: национальные меньшинства и межнациональные отношения	132

II. Документы

* Документ Копенгагенского Сопещения Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Выдержки.	
(1) Резолюция (Глава 4)	146
(2) Заявление Председателя	152
* Группа по правам меньшинств (ГПМ). Информация	154
* Содержание	156

подписано к печати 5 05.81, . Заказ 757 . Тираж 1000 экз
формат бумаги 60x84 1/16, 10,0 печ.л. Цена 4 рубля
ЛЮ - 3 "Ленуприздата".
Л91104 Ленинград, Литейный пр., дом № 55.

